

Ян Вайсс (WEISS). ДОМ В ТЫСЯЧУ ЭТАЖЕЙ.

Dm o tisici patrech.
(1929; рус.1971).

Сборник фантастических произведений.

1929-020 год

(Глас А.)

*Несколько знал 1929 год, но такое видение ошеломило...
и предполагаю, в новом тысячелетии, что ранее – просто
бы не понял и осознать смог только сейчас.*

СОДЕРЖАНИЕ:

ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ ЖДУТ... ..2.

ДОМ В ТЫСЯЧУ ЭТАЖЕЙ. ...6.

I-XLVIII. ...137.

НИКТО ВАС НЕ ЗВАЛ. ..139.

ТАЙНУ НАДО БЕРЕЧЬ. ..144.

НАМ БЫЛО ЕГО ЖАЛЬ... ..149.

РЕДКАЯ ПРОФЕССИЯ. ...154.

ОГЛАВЛЕНИЕ. ...159.

(Art. Trisha Lambi_THE OWL CALLED MY NAME).

ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ ЖДУТ...

Он: – Дорогая, что мы будем делать сегодня вечером? Убивать время или беречь его, заполнять или тратить?

Она: – *А почему тебя это беспокоит, мой милый? Ведь, наверное, по таким вопросам существует консультант, он посоветует...*

Он: – Ты имеешь в виду Кира Мордобия? Вероятно, у тебя в памяти осталось его объявление: «Вы не знаете, что делать с временем? Приходите ко мне: я пожеланию сокращаю или продлеваю время...»

Она: – *В таком случае пошли к нему. Пусть он поломает голову за нас.*

Он: – Господин Мордобий – за то, чтобы коротать время любой ценой. Он считает, что каждый должен развлекаться так, как хочет, но есть и другие точки зрения, согласно которым время, потраченное впустую,

способствует моральной деградации человека. Я вдруг вспомнил знаешь кого? Помнишь темнокожего человека с лицом аскета, которого мы встретили, когда бродили по Лунапарку? Даже не знаю, откуда он взялся. Появился неожиданно, не сверху, а скорее снизу, из-под земли...

Она: – *Всё, всё, вспомнила, кого ты имеешь в виду. Такой гладкий, острый подбородок и очень нравоучительный тон.*

Он: – Да, и он спросил, как мы проводим свободное время. Он был таким навязчивым, что у меня закралось подозрение, не замышляет ли чего этот тип. Я подумал, не инспектор ли он по свободному времени...

Она: – *Он ещё дал тебе прикурить, хотя сам не курит, а носит с собой зажигалку, чтобы при случае услужить другому...*

Он: – Его интересовало, как я, работающий на автоматической линии, где не надо ни думать, ни прилагать физических усилий, провожу свободное время. Я обманул его, сказав, что во время работы изучаю санскрит. Он на это с умным видом ответил, что в наши дни личность может развиваться не только в часы отдыха, но и во время трудового процесса; человек учится, а машины работают сами...

Она: – *Но я хочу развлекаться, а не развиваться. Ну как, пойдём к Мордобию?*

Он: – Я – за то, чтобы проконсультироваться у самого себя.

Она: – *Мне хочется пойти туда, где мы ещё ни разу не были. Чтобы увидеть это в первый раз. Ведь, когда видишь что-то новое, становишься моложе.*

Он: – Я знаю, чего тебе хочется. Эрик выставил в Бета-галерее картины, написанные сверкающими красками. Его картины светятся.

Она: – *О да, зарницы на небе – словно живые! Солнечные закаты – словно горящие крылья ангелов. Золотые поля пшеницы, от которых исходит жар, сжигающий любовников. Лунный лик – бледный, желтый, болезненный, мертвенный, лживый, льстивый, луна – апельсин, луна – фонарь, луна – монета, луна грешной любви, луна сатириков, луна нудистов, луна кутил – обожаю бездарность, но...*

Он: – Хорошо, давай сходим в Дом поэзии. Там много залов, в каждом поэты читают свои стихи. Что ни зал, то свой цвет – в розовом, например, влюбленные читают стихи, посвященные любимым, в белом проходят конкурсы начинающих стихотворцев...

Она: – *Я хотела бы, мой дорогой, чтобы в розовом зале ты читал мне свои стихи. Мне бы все завидовали, а тобой бы восхищались.*

Он: – Катюша, славная ты моя, я написал для тебя стихи, но их я могу сказать шепотом тебе на ухо. Я хочу быть знаменитым только в твоих глазах, только для тебя!

Она: – *Я так люблю твой голос, который тихо звенит, будто рой пчел возвращается в улей.*

Он: – Сейчас уже поздно. К поэтам мы не попадем, там все места занимают задолго до начала.

Она: – *Но ведь там нет кресел! Все сидят на полу или на коврах, а тот, кто придет заранее, устраивается на подушках.*

Он: – Пойдем лучше на концерт «Тысячи красок»! Голубая симфония, транспозиция тонов, переходящая в феерию цвета! Зрители впадают в транс, рыдают. Потрясающее зрелище! Ты, наверное, слышала о нем?

Она: – *Для чего ты говоришь об этом? Ведь ты же знаешь, что эта мечта несбыточна. Билеты на него проданы на три года вперед.*

Он: – И всё же мы могли бы попытаться, ведь кое-кто возвращает билеты перед самым началом. Многие боятся таких концертов – не каждый может вынести

подобное зрелище. Были случаи внезапной смерти. Если перейти грань, красота может стать убийственной!

Она: – *Но нам ничто не будет угрожать, если мы отправимся в паноптикум! Не криви губы: мы же там ни разу не были.*

Он: – Да ты же сама туда не пойдешь, ты просто дразнишь меня.

Она: *Ведь есть много всяких паноптикумов, мой дорогой, – паноптикум Диктаторов, Мучеников и даже паноптикум Фашизма – какой-то Музалини с кокардой там таращит глаза, вызывая всеобщий смех, а человек с усиками ораторствует, стуча кулаком по столу.*

Он: – Я люблю живых людей, но терпеть не могу «как живых». Боюсь электрических манекенов, говорящих и дышащих роботов, похожих на оживших мертвецов.

Она: – *Тогда давай сходим в клуб!*

Он: – Ты говоришь так, будто их можно пересчитать по пальцам!

Она: – *Да, клубов не счесть, и не знаешь, какой выбрать. Их очень много – и среди них нет двух похожих друг на друга. И кто только всё это придумал!*

Он: – Молодым не нужны клубы. Я думаю, они созданы для стариков и одиноких чудаков.

Она: – *У них такие привлекательные названия, например, клуб «Назло всем холодным краскам».*

Он: – Ближе всего отсюда Клуб лжецов.

Она: – *Я хочу сходить в Клуб лжецов. Я уже так давно не лгала – мне вдруг захотелось наврать с три короба...*

Он: – Не горячись, может быть, там культивируют ложь на очень высоком уровне, ложь, которая приближается к настоящему творчеству.

Она: – *Скажи мне, поэты и писатели тоже лжецы?..*

Он: – Да, но только бездарные поэты! А ты так часто теряешь и забываешь свои вещи, что тебе, пожалуй, стоит вступить в Клуб рассеянных.

Она: – *А тебе – в Клуб твердолобых!*

Он: – А тебе – в Клуб лакомок!

Она: – *А тебе – в Клуб сонь!*

Он: – А тебе – в Клуб болтливых!

Она: – *Ты хочешь сказать, что я много говорю?*

Он: – Вместо потока слов всегда можно обойтись одной короткой фразой...

Она: – *Значит, туда впору вступить нам обоим!*

Он: – Для всех наших добродетелей и пороков можно найти соответствующий клуб. В них можно делать всё, что хочешь – от разведения бессмертников до культивирования грешной любви. Но существуют и такие клубы, где можно ничем не заниматься, там старики играют, как дети. Выбирай любой клуб! Хочешь – Клуб трубачей? Или Клуб мертвецов? Или Клуб капиталистов? Или Клуб шулеров? Клуб левшей? Или Клуб дальтоникиков? Или Антиклуб?

Она: – *Ты их все перечислил лишь затем, чтобы мы не пошли ни в один из них, не так ли, мой дорогой?*

Он: – Мы спорим, как провести время, а оно тем временем уходит!

Она: – *Но ведь есть тысячи способов! Главное – быстро выбрать самый верный! Я предлагаю отправиться в Город сбывшихся желаний...*

Он: – Неужели мы и в самом деле так беспомощны? Город для отчаявшихся, для тех, кто теряет рассудок, не зная, как избавиться от времени. Одни от него скрываются, другие убивают его, третьи позволяют, чтобы оно убивало их! Но наше милое, ласковое время, наша крошка...

Она: – *Ты кончил? Знай же – этот город, с тех пор как мы там побывали, заметно вырос. Поднялись новые дома, новые улицы. Теперь там есть улица Волшебников,*

парк Близнецов, водопад Ревнивцев, озеро Утонувших. И как раз сегодня на площади Возлюбленных открывается Киоск дарителей и, кажется, Дворец любителей танцев и игр. Там робкие знакомятся друг с другом, а старая любовь омолаживается. Пойдем туда – ведь мы стали слишком мудрыми для влюбленных! Пойдем в Город сбывшихся желаний, я хочу видеть всё новое, всё, чего ещё не видела!

Он: – Неужели ты забыла, как мы удирали оттуда, чтобы не умереть со скуки?! Я помню картинную галерею Выродившегося искусства, которую во что бы то ни стало хотели видеть твои ненасытные глаза. Там был портрет, сделанный из паутины и лапок паука-косиножки, а рядом – картина, составленная из обгаженных пеленок. А помнишь лабиринт, где мы заблудились, натываясь на кривые зеркала? Или Мило-сад с фонтанами, откуда мы возвращались обрызганные с головы до ног – это было очень смешно, но на тебе было платье из эмтелина, и оно стало совершенно прозрачным. А Карусель времен года? Помнишь, как испортился тетрафор и вдруг в июле – мы катались на верблюде – пошел снег, и ты простудилась?

Она: – *Я уже давно забыла...*

Он: – Ну, хорошо, если тебе так хочется, пойдем туда! Служители будут беспредельно рады и благодарны за

то, что мы их посетили. Они будут веселиться больше, чем мы. Я загляну в Шар невесомости, если там не будет слишком большой давки, и пушинкой взлечу в воздух.

Она: – Нет, туда я не пойду. Я боюсь... Говорят, там чувствуешь себя словно надутая жаба, нельзя пошевелинуться...

Он: – Все это чепуха, моя дорогая, пойдем скорее!

Она: – Но куда?

Он: – Куда угодно, тысячи людей ждут, чтобы как по команде начать тратить, наверстывать или убивать время!

Она: – Боже мой, но всё так же просто, как найти цветок клевера с тремя лепестками. Пойдем в лес, мой дорогой. Ты только представь себе поляну с травой по пояс. Мы там будем видеть лишь облака, друг друга и лежать в тишине, которую хранит небо и земля.

Он: – Пойдем, я тоже хотел тебя туда позвать. И ты будешь рассказывать мне...

oo oo

ДОМ В ТЫСЯЧУ ЭТАЖЕЙ. Dm o tisici patrech. (1929; рус.1971).

I.

Сначала – сон. Человек на лестнице. Багровый ковер. Кто я?

Сон был жуткий. Полый череп. Внутри крошечная тьма, лишь посередине желтый огонек. Под ним играют в карты, но от лютого холода карты покрылись изморозью, и мастей различить невозможно. А дальше – широкая, как бы висящая в воздухе площадка, на ней

2 ровными рядами, тесно прижавшись друг к другу, лежат люди. Всё на левом боку, согревая один о другого замерзшие колени и стынувшие бедра. Стоит шевельнуться одному – и тотчас вся цепочка приходит в движение, её плотно пригнанные зигзаги-звенья, как по команде, разъединяются, и вереница тел разом переворачивается на другой бок. И снова люди жмутся друг к другу, колено к колену, бедро к бедру. Но им уже не согреться. Мало-помалу они стынут, будто нанизанные на длинную иглу ледяной стужи...

И вдруг чья-то исполинская рука хватает заледенелый череп вместе со всеми этими адскими видениями и швыряет его в огонь. Череп лопается! Жуткая, невыносимая боль – и пробуждение!

Человек очнулся от тяжкого сна. Взгляд его скользнул по наклонной плоскости потолка. Первая мысль была: где я?

Лестница! Нижняя ступенька, с которой сбегает багровая дорожка ковра, служила ему во время сна подушкой. Вместо перил вдоль стены был натянут красный канат, а с противоположного края поднимался уходящий ввысь ряд конических мраморных столбиков.

Где я?

Человек вскочил.

Куда идти?! Вверх или вниз?

Вверх!

Он спешит, прыгая сразу через три-четыре ступеньки. Пустая лестничная площадка между этажами – без окон, без дверей. И снова лестница, покрытая багровым ковром. Затем опять этаж, слепой, глухой, с белой лампочкой под потолком... Багровый ковер! Вверх! Бесконечной змеей ползет с правой стороны красный канат, а слева всё убегают ввысь мраморные конусы.

Когда же это кончится? Где тут двери? Человек бежит вверх. Мысли у него путаются, багровый ручей ковра, точно поток лавы, вливается в мозг.

Внезапно он останавливается.

А может... может, было бы лучше бежать вниз?! Назад! Нет, поздно! Я уже слишком высоко. Вверх!

Еще этаж! И ещё! Больше не могу... Ещё один, последний. Безнадёжно! Снова этаж с глумливо высунутым багровым языком ковра.

Сердце сдаёт, ноги подкашиваются. Выше уже не могу, не могу... Куда я попал?.. Кто?.. Я?.. Кто это – я? Кто я?

Дикая мысль! Человек попытался сосредоточиться.

Кто я?

Но память молчит... Мыслей нет.

Как меня зовут? Как я выгляжу? Откуда пришел? Господи, ведь должно же у меня быть какое-то имя... Но какое... какое?

О, как болят виски, когда я пытаю себя этими вопросами! Только бы вспомнить, всё сразу прояснится, и эта лестница сама собою исчезнет... Что же, что же случилось?

Всё новые и новые этажи громоздятся один над другим, этажи слепые и глухие, и у каждого свое солнце на потолке – электрическое солнце под матовым стеклом.

II.

Ужасное открытие. Руки. Лицо? – Что было написано в блокноте. Возможность стать сыщиком. – Принцесса Тамара.

И опять человек замер в своем безумном беге наверх. Ужас! В углу лестничной клетки белеет груда костей. Змеится сведенный судорогой позвоночник. Рядом – лопнувший, почти рассыпавшийся человеческий череп. Над этими скорбными останками, на стене, на высоте, до которой человек может дотянуться, стоя на коленях, нацарапаны буквы «С. М.». Под ними пять горизонтальных черточек.

Что это значит? Кто-то ещё до меня тоже стремглав бежал вверх по лестнице... «С. М.» добрался до этого места и, обессиленный, упал. Он умирал на коленях и перед смертью сумел процарапать ногтем эпитафию над своей могилой. Пять черточек... Пять дней он здесь блуждал? Пять часов умирал?

От леденящего ужаса человек содрогнулся. Прочь! Прочь отсюда! Но куда? Есть два пути: вверх либо вниз. Куда же? Вверх! Ступени, ступени... Багрянец ковра раскаленным прутком буравит мозг. Когда же это кончится? О, если б знать, кто я! Превозмочь боль, от которой раскалывается голова, и всё вспомнить!

Память! Что случилось с моей памятью? Прошлое! Воспоминания! Адская боль! Кто я?

И вдруг – руки! Да, это мои руки... Может, я всё вспомню, когда увижу свое лицо? Белые руки с длинными тонкими пальцами, узкие ладони. Белые рукава пиджака, шелковая рубашка, белые брюки, белые парусиновые полуботинки... А лицо? Как я себя узнаю?

Человек спрятал лицо в ладонях. Легкими прикосновениями пальцев он пытался «увидеть» свое лицо, выяснить, каков он с виду – красив или безобразен, молод или стар... Какой у него нос, какие губы. А волосы-черные они или тоже белые?

Неожиданно правая рука нащупала в нагрудном кармане пиджака что-то твердое. Маленький блокнот. На первых же страницах незнакомым почерком было написано:

«1. Пройти в Муллер-дом. Обследовать все этажи. Проникнуть в запретные помещения.

2. Экспортно-импортный концерн «Вселенная», переправа на звезды – не мошенничество ли это?

3. Чудо-металл солиум, из которого строят аппараты для межзвездных полетов. Насколько это соответствует действительности?

4. Кто такой Огисфер Муллер? Благодетель человечества или изверг? Почему он от всех прячется?

5. Загадочные похищения прекрасных женщин. Принцесса Тамара. Где они теперь?»

Разве я сыщик? – удивился человек. Может быть, это задания, которые я должен выполнить? Главные задания? Но как работать, если я ничего не помню?

Он полистал блокнот. И вдруг оттуда выпали три маленькие газетные вырезки. В первой из них было следующее сообщение:

«ПОБЕГ ИЛИ ПОХИЩЕНИЕ

Сегодня ночью из своей спальни исчезли принцесса Тамара и её подруга Эли. Есть предположение, что её увезли на Остров Гордыни, где находится знаменитый Муллер-дом. Не исключено, однако, что принцесса Тамара не похищена, а убежала сама, так как в последнее время её охватила "звездная лихорадка". Вместе с её Высочеством исчезли и все драгоценности общей стоимостью в пять миллионов».

Во второй вырезке говорилось:

«Визит сыщиков в Муллер-дом закончился безрезультатно. Согласно информации, полученной в секретариате концерна "Вселенная", принцесса вместе со своей подругой улетела на звезду Л-4 в созвездии Лебеда. Интересно отметить, что доставка одного путешественника на эту счастливую звезду стоит 250 мулلدоров, то есть 796 000 наших крон».

И ещё один листок с очень коротким сообщением:

*«ЗНАМЕНИТОМУ СЫЩИКУ ПЕТРУ БРОКУ ПОРУЧЕНО
РАЗЫСКАТЬ ПРИНЦЕССУ».*

А на последних страничках черного блокнота карандашом был нацарапан вот такой список:

*«1. Анна Мартон, прима-балерина Национальной оперы,
24.III;*

2. Ева Сарат, манекенщица, исчезла в разгар бала, около полуночи, после того как её провозгласили королевой бала, 7.IV;

3. Луна Кори, дочь банкира, исчезла из дворца Мориа в Венеции 30.VII;

4. Сула Мая, кинозвезда, похищена из своей виллы 8.IX;

5. Дора О'Брайен, красивейшая женщина Парижа, исчезла вместе со своим автомобилем в Булонском лесу 24.X;

6. Коя Барардо, актриса Королевской драмы, исчезла после первого акта оперы «Конец мира» 3.XII».

III.

Тайна первого зеркала. Дом в тысячу этажей. – Человек, потерявший память. Наконец-то: дверца в мраморной стене. Новые сведения о Муллере.

И ещё кое-что нашел человек в нагрудном кармане пиджака – запечатанный конверт, адресованный Петру Броку

Он хотел было сломать печать, но вовремя заметил на обороте конверта красную надпись-предупреждение:

«ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

НЕ ВСКРЫВАТЬ!

РАСПЕЧАТАТЬ ЛИШЬ ПЕРЕД ПЕРВЫМ ЗЕРКАЛОМ!»

Что такое? Уж не я ли этот самый сыщик Петр Брок? Но в памяти пустота, провал, спрашивай – не ответит... Как будто моя жизнь началась с момента пробуждения на лестнице. Пытаешься вспомнить – и в тот же миг голову пронзает адская боль, она пульсирует в недрах мозга, как зреющий нарыв. Может, в запечатанном конверте меня ждет разгадка? Может, там прячется волшебное слово, которое вернет мне память, прошлое, воспоминания, себя, мое «я»... Но где оно, это зеркало? Пока его найдешь, умрешь от усталости, от голода, от изнеможения, от разрыва сердца!

А пока что волей-неволей придется стать сыщиком! Может, я и правда был им когда-то! Но раз я человек, мне необходимо какое-то имя! Без имени жить нельзя. Мозг противится этой мысли, отбивается от воспоминаний, как безумец от смиренной рубашки. Решено! Отныне и пока не вернется память я – Петр Брок, сыщик. Буду разыскивать принцессу! И раз уж остался без прошлого, обрету хотя бы будущее!

Но в одном из карманов лежало ещё кое-что, вначале не замеченное Броком. Большой лист бумаги, сложенный в восемь раз. Петр Брок воспрянул: это был чертеж, план Муллер-дома – дома в тысячу этажей!.. Но ведь это же не дом! Это гигантский город под одной крышей! И я должен пройти в этот лабиринт? Найти Муллера, хозяина этого города, и на одном из тысячи этажей отыскать принцессу? Ведь я человек без прошлого. А вдруг меня потому и лишили памяти, чтобы я безоглядно, всем своим существом, каждой мыслью своей, каждым порывом стремился выполнить эту высокую миссию?! Но как туда проникнуть? Ответа на этот вопрос в записях не было.

Петр Брок продолжил свой изнурительный путь. Он поднимался всё выше и выше, упрямо, без отдыха. И снова мелькали этажи, без конца и края, без надежды. Неужели этот колосс вздымается до самого неба?.. И нет ни окон, ни дверей, которые избавили бы его наконец от невыносимого багрового ковра.

И вдруг Брока осенило: а что, если в стене скрыта потайная дверь? Он остановился и начал проверять, ощупывать и простукивать стену. Но гладкие, плотно пригнанные плиты всюду отзывались одинаково холодным, глухим звуком. Брок взбежал ещё на один этаж и снова принялся методично исследовать плиты стены. Теперь он продвигался вперед значительно

медленнее, считая этажи. Конечно, давно пора было начать их подсчет, с той самой минуты, как он пришел в себя. Почему же он этого не сделал? А вот почему: он не знал ещё, что является сыщиком и прислан сюда, чтобы разгадать великую тайну Муллер-дома. До сих пор его гнал вперед ужас, безоглядный, панический ужас. Но теперь, теперь необходимо обдумывать каждый шаг! Считать этажи! Сколько ж он их прошел? Тридцать? Пятьдесят? Назад ведь не вернешься! Значит, начнем отсюда! Попробуем измерить Муллер-дом хотя бы с середины. Итак: первый, второй, третий...

Когда Брок осматривал двадцать седьмой этаж, изучая тонкие швы между плитами, он, к своей радости, обнаружил на гладком мраморе маленькую, едва заметную блестящую кнопку. Нажал – никакого результата. Тогда он подцепил её ногтями и что есть силы потянул. Наконец-то! Из плиты показался длинный серебристый стержень. Как только Петр выдвинул его целиком, мраморная плита подалась в сторону, и в стене образовался проход, ведущий в темноту. Петр Брок осторожно втиснулся в него. И задвинул за собой плиту.

Он очутился в темном низком коридоре. Голова его почти упиралась в потолок; касаясь руками стен, он ощупью, медленно двинулся вперед. Несколько шагов – и в темной глубине вспыхнула тонкая светящаяся

нить. Подойдя ближе, он обнаружил, что это узкая щелка в деревянной перегородке, которой кончался коридор. Брок заглянул в щель – перед ним была полутемная каморка без окон. Стул, кувшин, стол, лампочка, железная койка. На ней сидел старик, глаза его неподвижно смотрели на лампочку.

Прижимаясь лбом к деревянной стенке, Петр Брок долго наблюдал за ним. Но старик даже не пошевелился. Невзначай Брок слишком сильно надавил на стенку, щелкнул замок, и стена открылась – дверь была без ручки. Сыщик оказался в комнате.

Старик испуганно вскочил и с криком повернулся к Броку.

– Простите за беспокойство, – извинился Брок. – Здравствуйте!

– Как ты сюда попал? – пролепетал старик, подбородок у него трясся от страха.

– По лестнице! Слава богу, хоть до вас дошел.

– По лестнице! – удивился старик. – Ты человек?

– А то, кто же! Ну, как я вам нравлюсь?

– Я не вижу тебя. – Кончиками пальцев старик коснулся своих век. – Я слеп...

Только сейчас Брок обратил внимание, что глаза у старика мутные, подернутые голубоватой пленкой, точно лягушачьи икринки.

– Бедняга... – вздохнул он и неожиданно, без всякого перехода, спросил: – А что делает господин Муллер?

Старик съежился, и лицо его исказил ужас.

– Щедрый наш благодетель, кормилец наш. Господь и Владыка Земли и звезд... – невнятно забормотал он какую-то молитву.

– За что он заточил тебя сюда? – спросил Брок.

– Тише, тише, – в страхе зашептал старик, прикрыв ладонью рот. – Он всеведущ и вездесущ! Он всё слышит!

– Ничего, мы ещё до него доберемся! А собственно, чего ты, старик, боишься? Смерти? Так ведь хуже тебе уже не будет! Ну а если мне повезет, ты по крайней мере умрешь на свободе!

– Дай мне твою руку, – сказал старик. И вдруг воскликнул голосом, полным ненависти и злобы: – Если сможешь, сделай так, чтобы этот проклятый дом рассыпался в прах, обратился в пепел!

Петр Брок в нетерпенье забросал старика вопросами: – Говори! Расскажи мне всё! Для чего здесь построен

этот сумасшедший небоскреб в тысячу этажей? Что в нем происходит? Кто такой Муллер?

– Как? Этого не знаешь даже ты? Выходит, ты не столь всемогущ, как Он? Ты, который пришел по лестнице! Ты, которого мы так ждем! Кто ты?

– Не спрашивай меня! Не надо! Я сам ничего не знаю. Лишь одно мне ясно: передо мной стоит задача, которую я выполню. Я буду говорить с хозяином этого дома, хотя пока я его ещё не знаю и искать его придется долго. Расскажи мне, кто такой Муллер.

IV.

Кто такой Муллер? – Металл легче воздуха. – Человек номер 794. – Чем питаются люди в Муллер-доме.

Старик покачал головой:

– Не знаю... И никто не знает. Никто не знал его подлинного лица. Одни твердят, что он дряхлый еврей, грязный, засаленный, с рыжими пейсами. Другие видели круглую лысую голову с двойным подбородком, словно приклеенную к уродливой туше, бесформенной, заплывшей жиром; не человек, а раздутый мешок, который самостоятельно передвигаться не может, и

слуги переносят его с места на место... Дипломаты и банкиры знают совсем другого Муллера – бледного аристократа тридцати пяти лет, с моноклем и оттопыренной, чуть вывернутой нижней губой – признак непомерной, воспитанной веками спеси. А иные готовы поклясться, что это седовласый, согбенный старец, с лицом морщинистым, как печеное яблоко. Говорят, ещё, что маленькие серые глазки глядят из этих складок и морщин с младенческой доверчивостью. Но подпись его всегда одинакова, она ошеломляет и внушает ужас. Тонкая, будто выведенная иглой, она молнией падает вниз. Эта подпись знаменует собой его волю, его приказ, окончательный приговор, не подлежащий обжалованию. Сколько раз Огисфера Муллера убивали! Сколько пуль дырявило его череп! Сколько раз его топили, травили, сколько раз линчевали взбунтовавшиеся толпы! И всегда это был не Он! В конце концов всегда оказывалось, что это или его секретарь, или провокатор, или пешка какая-нибудь, или двойник, которого он подставляет вместо себя...

– А что такое солиум? – спросил Петр Брок, вспомнив записи в блокноте. Его память, не обременённая прошлым, работала просто замечательно. Он сам поражался, с какой легкостью вспоминает любую подробность событий после своего пробуждения.

Каждое слово записей четко запечатлелось в его мозгу.

– Так называется вещество, которое обнаружено на этом острове глубоко под выработанным угольным пластом. Оно образует прежде неизвестный слой земной коры, примыкающий непосредственно к огненному сердцу Земли. Видимо, это последняя оболочка раскаленного ядра планеты. Солиум легче воздуха. Очищенный от примесей, он взлетает к Солнцу, чтоб никогда уже не вернуться.

Никто в мире не знает, сколько солиума добывает Муллер в своих рудниках. Больше, чем железа! Больше, чем угля! Мир бы преобразился, жизнь на нашей планете стала бы совершенно другой, если б солиум использовался на благо человечества.

Но Муллер ревниво стережет свои рудники. Сверху они засыпаны, попасть в них можно только через подземелья Муллер-дома. Поэтому никто в мире знать не знает о невероятных запасах солиума. И Муллер с видом благодетеля продает его крупичками по неслыханной цене. Так, ничтожное количество солиума – не больше пылинки, танцующей в солнечном луче, – он продает университетам и богатым клиникам, а взамен получает золото, сумасшедшие, невообразимые деньги... Для себя же он солиум не экономит. Изготавливает из него бетон тверже стали, но легкий, как

воздух. Из этого материала и построен его дворец в тысячу этажей – его гордость, его триумф, его победа. С высоты тысячи этажей он взирает на мир, а гордыня его возносится ещё выше! Нет у Муллер-дома ни окон, ни дверей. В него трудно проникнуть и ещё труднее выбраться. Он ничем не связан с окружающим миром, в котором находится. Так Муллер хранит свою преступную тайну...

Старик умолк.

– А теперь скажи мне, кто ты? Почему тебя держат взаперти? Ведь ты и так уже пленник вечного мрака – разве этого мало?.. Как тебя зовут? – допытывался Брок.

Старик раскрыл ладонь. На ней был выжжен номер – 794.

– У меня нет имени, только этот номер... Я из восьмого набора рабочих, которые завершили постройку восьмой сотни этажей Муллер-дома. Все, кто строил эту окаянную башню, через пять лет теряли зрение. Бетон из солиума сверкает в солнечных лучах, выжигает глаза. Вся наша колония, занимающая сто этажей, населена слепыми. Это бывшие каменщики и штукатуры Муллер-дома!

– Чем же вас тут кормят?

Старик показал на стол. Возле кувшина с водой лежал кубик, запечатанный в целлулоид с рекламой фирмы «Окка». Размером он был не больше кусочка сахара. Брок снял обертку, лизнул кубик кончиком языка. Что это – зола, дерево, камень? Он был совершенно безвкусный.

– Это наш завтрак, обед и ужин. Концентрат питательных веществ, необходимых человеческому организму на одни сутки. Но в эти кубики по приказу Муллера вносят ещё какую-то добавку, чтобы подавить наше естество. Он стремится высушить в нас те живительные соки, что зажигают пламя в глазах мужчин и женщин, что превращают человеческое тело в остров блаженства, где сбывается греза о потерянном рае... Мы не знаем любви, поэтому дни наши долги и унылы, и впереди у нас только смерть. Мы не чувствуем ни жажды, ни голода, нет у нас ни мечты, ни желаний, кроме одного, яростного, мучительного, которого не отнимет даже Господь Муллер! И желаем мы – смерти! Каждое пробуждение для нас – пытка, весь день мы помышляем лишь об одном – лечь, уснуть, умереть! Об этом мечтают тысячи и тысячи людей – о тихой ночи без сновидений, которой не будет конца...

– А уйти отсюда вы не можете?

– Куда? – спросил старик. – Всюду тьма. И даже будь я зрячим, мне всё равно бы не убежать. На лестнице ждет голодная смерть...

– А куда ведет эта дверь? – поинтересовался Брок, внимательно осмотрев комнату.

– В коридор. В конце его железная клеть. Отсюда можно попасть в пятую зону.

– А там что?

V.

Вест-Вестер, город авантюристов. – Гедония, город блаженства. – Индустрия наслаждений в Гедонии.

– Вест-Вестер. Там кишмя кишат авантюристы со всего света. Торгаши, продавцы и перекупщики всевозможных вещей – старого тряпья, и свечей, и человеческих душ, чести и крови, ковров и богов, пудры и целомудрия – все они ринулись туда за счастьем. Шпики, соглядатаи, лодыри, преступники, шулера, провокаторы, штрейкбрехеры, предатели, психопаты, убийцы – целая армия темных личностей наперебой предлагает свои услуги. Здесь место жительства зависит от капитала. Чем ниже этаж, тем

выше благосостояние. Чем выше поднимаешься, тем труднее жизнь. Своим этажом никто не доволен. Смотря по тому, хиреет их дело или процветает, они то поднимаются, то опускаются, но только в пределах, отведенных им ста этажей. Вот таков он и есть, Вест-Вестер. Здесь можно за неделю пропить те полмиллidora пенсии, которые нам щедро отвалил Муллер. Да-а, в этих краях даже зрячему туго приходится, а о слепом и говорить нечего! Нашего брата вечно обманывают...

Брок тотчас подумал о своем чертеже-плане. И об этом городе, занимающем пятую сотню этажей. Ведь там, среди искателей приключений, он, пожалуй, найдет смелого и надежного товарища, который покажет ему дорогу к Муллеру. Но больше всего он заинтересовался нижней частью здания, против которой было написано «Гедония». Он спросил о ней старика, и тот с готовностью рассказал:

– Гедония – это хрустальный город, расположенный во второй сотне этажей Муллер-дома. Именно здесь чаще всего бывает Он в окружении целой камарильи дипломатов, банкиров и генералов. Говорят, тут можно испытать вечное блаженство ещё на этом свете. Все эти райские уголки искусно укрыты и доступны лишь горстке его любимчиков и подхалимов.

Там существует огромная химико-механическая индустрия духовных и плотских наслаждений и разработана целая шкала состояний блаженства тела и души. Пяти человеческих чувств стало недостаточно, и, чтобы вкусить новых усад, были, говорят, открыты ещё пять видов чувств. Любопытствие возбуждается с помощью всевозможных бальзамов и лекарств, пилюль и мазей, посредством различных массажей, инъекций и операций, во время которых частично удаляют отдельные органы и железы, перевязывают сосуды, укорачивают нервные волокна... Говорят, какую-то новую утеху обнаружили в чиханье, определенные хирургические манипуляции придают ему колоссальную интенсивность и даруют блаженную смерть. После особых душей и ванн у человека упоительно зудит кожа – там есть культ зевоты и щекотки, до того изощренной, что вытерпеть её уже нет мочи...

Когда же все эти средства иссякнут, когда тело падает в полнейшем изнеможении – гаснет свет и наступает черед отдыха. Муллер сам решает, когда в Гедонии должна быть ночь, а когда – день, ибо солнце не властно над Муллер-домом.

Строитель, создавший эти райские кущи, навеки заточен Муллером в застенках. И только Муллер знает план своего неприступного рая. Ему известны все

потайные ходы и выходы, все невидимые дверцы, все секретные замки. Они ведут в театры, дворцы, храмы и опочивальни. Звезда на потолке, откуда свисает люстра, распятие в алтаре храма, сдвинутая паркетная дощечка на полу в спальне – вот для Муллера небесные врата. Через них он может подслушивать, подглядывать и, повергнув всех в ужас, в нужный момент внезапно появиться и так же внезапно исчезнуть без следа...

– А что находится над вами? – спросил Брок. В его плане против этих этажей стояли вопросительные знаки.

– Больницы, богадельни, приюты для престарелых, куда приходят умирать...

– А выше?

– Сумасшедшие дома, тюрьмы, камеры обреченных на пытки и голодную смерть...

– А ещё выше?

– Крематории...

– А на самом верху?

– Там, говорят, идет строительство, вечное строительство, этаж лепится к этажу, и нет этому ни конца, ни края. Город растет лишь ввысь, к небу. Необходимы всё новые и новые помещения, и нас

мало-помалу, словно поршнем, теснят вверх... Во время переселения Муллер-дом напоминает растревоженный муравейник. Это дни безумной суеты и ужаса. Администрация, занимающая пятьдесят этажей сразу над Гедонией, не в силах справиться с паникой, которая обуревает всех обитателей дома...

VI.

Молодой старик. – О чем рассказало Броку зеркало в конце коридора. – Распыленный.

Брок коснулся руки старика и вдруг вспомнил про свой конверт.

– Нет ли здесь случайно зеркала?

Старик невесело покачал головой.

– На что слепому зеркало? Уж десять лет, как я смотрю во мрак.

– А сколько вам лет, дедушка?

– Тридцать три.

Пораженный, Брок воззрился на молодого старика. Не тридцать три, а все восемьдесят лет нужды и отчаяния избороздили морщинами его лицо.

– Так выглядят все, кто питается таблетками Огисфера Муллера.

Тут Петр Брок впервые почувствовал уверенность в своих силах. И решительно воскликнул:

– Ну, хватит! Уж я сумею найти способ встретиться с вашим Господом лицом к лицу!

Из глаз старика потекли слезы.

– Ты силен, ибо поднялся по лестнице! Десять лет я ждал, когда откроется эта дверь! Ведь лишь таким путем может прийти некто более сильный, чем Муллер! О господин, сделай меня и братьев моих снова людьми! Верни нам имена вместо номеров, дай пищу вместо таблеток, возврати любовь, желания и мечты! Выпусти нас из этой тюрьмы, дай солнце тем, кто потерял его навсегда!

– Клянусь! – сказал Брок.

Их руки соединились в пожатии. И внезапно Брок осознал всю трудность своей задачи. Вправду ли он настолько силен, чтобы тягаться с Муллером? Как проникнуть на заповедные этажи и не выдать себя?

И вновь Мелькнула мысль: конверт! Да, в конверте скрыта сила, которую он в себе ощутит, едва посмотрится в первое же зеркало.

– Где найти зеркало? – вновь спросил он старика, когда тот повел его длинным коридором, по обе стороны которого виднелись двери.

– В конце коридора, – сказал старик, – находится железная клеть. Это скоростной подъемник, на нем ты спустишься в Вест-Вестер. За клетью есть ниша, там висит на стене отполированная плита, холодная и гладкая, как змея. Не знаю, зеркало ли это, но, когда я стою перед ней, мне чудится, будто на меня смотрит моя слепота... Не знаю. Может быть, это просто стекло!

До лифта было уже рукой подать. Брок весь дрожал от возбуждения. Вот и клеть, а за нею под тусклой лампочкой действительно блестела широкая гладкая зеркальная поверхность,

Брок с конвертом в руке обогнал старика, бросился к стене и глянул на себя.

Крик изумления сорвался с его губ!

Он стоял перед зеркалом. Махал руками. Подпрыгивал. В общем, всячески показывал, что он здесь, что перед зеркалом стоит человек. Всё напрасно. Зеркало его не видело, не замечало...

Он не отражался в зеркале!

Противоположная стена отражалась в мельчайших подробностях, но человек, стоявший между ней и

зеркалом, себя не видел. Какое же это, к черту, зеркало, раз оно не отражает? Внезапно Брок увидел в этом странном омуте старика, который ковылял к нему. Уму непостижимо! Старик был виден в отполированном квадрате со всеми своими морщинами – но рядом с ним никого не было!

Вот тут-то Петра Брока и осенило. Он торопливо сломал красную печать, развернул сложенный вдвое лист бумаги и прочитал:

«По собственному желанию, на свой страх и риск я предоставил Оскару Эрилу свое тело для опыта по так называемому распылению /асприд/ чтобы таким способом и в таком состоянии /т.е. будучи невидимым/ проникнуть во все уголки Муллер-дома, раскрыть его тайны и, если подтвердятся страшные предположения, убить человека по имени Огисфер Муллер, на что мне даны полномочия решением секретного заседания судебной коллегии СПИ /Соединенных Штатов Мира/ на острове Последней Надежды. Эту жертву я приношу бескорыстно, не боясь последствий, о которых я был предупрежден, горя стремлением узнать истину, ради торжества справедливости и спасения человечества.

Собственноручная подпись: Петр Брок»

Ниже другой рукой было приписано:

«Клянусь своим честным именем, что состояние так называемого распыления (асприд) прекратится ровно через тридцать дней.

Подпись: Оскар Эрил».

Наконец– то Петр Брок понял, в чем его сила! В порыве радости он подхватил старика и закружился с ним в бешеном танце.

Старик тронул пальцем поверхность зеркала и тотчас в испуге отдернул руку.

– О, я боюсь зеркала под своими ладонями! Оно отвечает и незрячему... Зеркало никогда не ослепнет.

– Бросьте, старина! – вскричал Брок. – Ведь меня вы бы не увидели, даже будь у вас тысяча глаз! Никто меня не увидит...

Брок упивался своей невидимостью. Он приплясывал перед зеркалом, стучал, дышал на него, кокетничал с ним – всё тщетно! Зеркало устало принимать и возвращать человеческие образы! Вернее, оно вдруг взбунтовалось и перестало действовать: отказалось отражать Петра Брока! Но Брок не сердился: я

могуществен, как бог! Я могу все! Я сотворю чудеса, какие даже Христу не снились. Перетряхну проклятый мир этого высоченного домища! Ну, Муллер-дом, держись!

Он быстро простился с молодым стариком и вошел в клеть. Как только захлопнулась железная решетка, он почувствовал дрожь. Пол как бы начал проваливаться – Броку почудилось, что он летит в пропасть. Он зажмурился. От резкого падения голова закружилась, едва не лопааясь от боли. Петр Брок потерял сознание.

VII.

И снова снится желтый огонек. – Окна и люди. – Трактир «На краю света». Продавец снов.

Падая, он вновь увидел тот же тягостный, жуткий сон. Желтый огонек в черепае мерцает неверным светом. Освещает огонек только себя да золотистый ореол пыли вокруг. Броку мерещится. будто он, сверявшись клубком, спрятав голову в коленях, лежит в сыром, промозгом бараке. Он откидывает с лица серый балахон, глаза привыкают к темноте: словно сквозь дымку видны переkreщающиеся над головой, покрытые трещинами балки. А на висячей площадке,

тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться, на правом боку лежат люди. Но он – уже не звено этой цепи, он лежит напротив, у разбитого окна, подернутого бельмом инея. Ему холодно. Поэтому он снова натягивает балахон, снова сворачивается клубком, кутаясь в темноту, которая может означать и ночь, и день...

Петр Брок очнулся от резкого толчка, открыл глаза – и в ту же секунду мучительное видение исчезло. Как долго он спал? Он встал с пола и, сразу же вспомнил вчерашний день, судорожно ухватился за железную решетку клетки словно желая в этой реальности спастись от страшного сна с желтым огоньком в пустом черепе. Будущее – вот что отчаянно его влекло, он ещё раз поздравил себя с тем, что невидим, и выскочил из клетки.

Пройдя коридор, Брок поднялся по лестнице, открыл железную калитку и... очутился на улице. Два ряда домов, магазины, тротуары. Недоставало лишь одной весьма существенной детали, даром что на неё, как правило, не обращают внимания, – неба. Вместо неба высоко над головой виднелся романский свод, отлитый из цельного стекла. Под ним, как солнце в зените, ослепительно снял огромный белый шар.

Окна и люди. Бесконечные вереницы окон и людей... Окна безмолвные и орущие, перепуганные и плачущие,

таинственные и зевающие от скуки – окна, окна, окна. Они подмигивают, манят, хохочут, грустят. А подними толпа. Яркая, бурлящая, суматошная толпа. Все племена и народы смешались в этом круговороте, меняются цвета одежды, лиц, глаз, волос, тысячеустый гомон гулко разносится вокруг, словно разом играют все трубы органа.

Броку мнится, что эти суетливые и кричащие люди, как фальшивое небо и солнце над головой, неправдоподобны, не реальны, призрачны. Щеки мужчин либо гладко выбриты. либо украшены бородами самых причудливых форм, но Брок не может отделаться от впечатления, что бороды боль шей частью не настоящие, а приклеенные. Одни слишком уж нарочито веселятся и бессмысленно хохочут. Другие куда-то торопятся, озабоченные и испуганные. Вон китаец крадется под окнами, кого-то выслеживая. Чуть дальше мелькает физиономия преступника с черной повязкой на глазу. За прикрытой дверью прозвучал выстрел, но никто даже не обернулся. Пошатываясь, бредет матрос в черно-желтой безрукавке, с лицом, изъеденным оспой, горланит пьяную песню. Три полуголых типа в черных масках и с ножами за поясом нагло вышагивают посередине улицы. Прохожие шарахаются в стороны, уступая им дорогу. Тянется гуськом процессия фиолетовых балахонов с круглыми дырами в капюшонах. Щерятся в

ухмылке желтые окна дансинга. «Ля-ла-лолу», – рассуждает о чем-то японка. Волосы её скототы шпилькой в виде пронзенного кинжалом черного сердца. Она семенит рядом с апашем и смеется, когда он подставляет ножку слепым старикам. Губы у неё ярко накрашены. Вот её дружок пнул безногого нищего, и тот свалился в канаву.

Чёрная реклама кричит:

ПРОДАЖА АЛМАЗОВ И УГЛЯ.

Сипло надрывается торгаш:

Таблетки «ОВА» – лучшие в мире!

Черно-зеленый вымпел:

Трактир «НА КРАЮ СВЕТА»

Открывается окошко:

ОТЧАЯВШИЕСЯ!

Покупайте «КОКУ»!

Окрашиваем серые дни в розовый цвет!

Трус станет героем!

Побежденный – победителем!

Сизые маски пудры на женских лицах. Белый высверк зубов, черные квадраты окон. На углу, под кровавой каплей-лампочкой, женщина вкрадчивыми словами и бесстыдными жестами дает понять, что она и продавец, и лавка, и товар в одном лице:

«Спешите, юноши и старцы!

Прежде чем пройти мимо,

Бросьте взгляд на мое лицо!

Обратите внимание на мои волосы,

Оцените цвет моих глаз!

Попробуйте, как упруги мои груди, – за это я денег не беру...

Коснитесь моих ног

– Они тверды, как рельсы, по которым мчится страсть!

Я вся горю,

За восемь аргентов я замучаю вас своей любовью!»

А напротив, возле шаткого столика с массой коробочек, крикун с раздвоенной рыжей бородкой надсаживается перед зеваками:

Купите сны – полная гарантия на всю ночь!

«Золотые сны. На одну ночь вы станете миллионером! Купите мой "Златосон", он охраняется законом! Один порошок "АГА" перед сном гарантирует ночь любви с поцелуями и объятиями. Способ употребления...»

Фирменный товар – розовые сны. Однажды попробуете – придете снова! Безвредность гарантируется.

Хотите побывать в заморских краях? Увидеть пальмы, караваны, дикарей, тигров и обезьян? Купите порошок «Экзотик»!

Если уснете с таблеткой «Аро» на языке – аэроплан помчит вас к Солнцу.

Хотите изведать, что такое ураган?

Одна пилюлька «ОРА» – и ночью вы в безопасности переживете его в постели.

Вы боитесь лететь к звездам?

Или у вас – нет средств?

Сны о звездах заменят вам это приключение. Купите мой «Звездосон», всего пять аргентов, и он ваш!

Не забудьте обратить внимание на фирменную марку!

Гигантские вывески, скачущие неоновые картинки, способные довести до безумия, реклама на флагах, на стенах, на окнах, на дверях, на спинах и лицах людей. Отовсюду на Брока обрушивались эти вопли-призывы из бумаги и красок, из стекла и человеческих голосов. Он уже довольно долго шел вперед, никому не уступая дороги, и искренне забавлялся, когда ничего не подозревающие пешеходы налетали на него и отскакивали в сторону с гримасой испуга и удивления на лице. Улица, уводя Брока за собой, постепенно заворачивала направо.

Как-то вдруг он сообразил, что движется по кругу и вышел на то же место, откупа начал свой путь. Только теперь он заметил, что от этой главной кольцевой магистрали внутрь круга отходят кривые, узкие улочки, куда капля по капле стекает толпа. Жестяные стены здешних домов изъедены ржавчиной от вечной сырости, окна забраны выпуклыми решетками.

Некоторые улочки настолько тесны, что, расставив руки, можно ладонями коснуться противоположных домов. Металлические стены зданий в этих улочках-ущельях иногда почти смыкаются, так что пройти можно лишь боком, втянув живот.

VIII.

Коммерция на Тигровой улице. Гостиница «Эльдорадо». – Избранное общество в сборе. – Революция в Муллер-доме.

Петр Брок свернул в одну из таких боковых улочек. Стекланную мостовую покрывала высохшая короста грязи. Некоторые плитки не то потрескались, не то были разбиты, и сквозь них пробивался свет. В одно из таких окошек в полу Брок увидел, что внизу, под ним, тоже шумит толпа, сверкают-переливаются краски и зазывно кричат торговцы.

Улочка, по которой он шагал, сплошь пестрела диковинными надписями, правда не столь яркими и навязчивыми. Чем меньше и скромнее вывеска, тем известнее и солиднее фирма. Замызганная визитная карточка, припиленная к двери, эмалированная, величиной с ладонь, табличка в окне. Это были не

громогласные призывы, а скорее таинственное нашептывание...

Опиум – лучший сорт!

Здесь живет гипнотизер!

Арпаг Мерль – алхимик!

ИММА – СМЕРТЬ БЕЗ БОЛИ!

Эликсир Р-А продлит вашу жизнь насколько пожелаете!

Фр. ИПС – фальшивые векселя!

Подписи!

ПОДДЕЛКА БАНКНОТОВ!

МАГИЯ!

ЧУДЕСА!

ШАНДОР, ШАБАТ!

Джо Мина – мелкое воровство, карманные кражи и проч. – незаметно!!

КАПЛИ ВЕЧНОГО ЗАБВЕНИЯ!

Джентльмены! Покупайте только ЛУЧИ Г!

Шварц и К° производим УУУУУУ!

Ко-Сон-Ма!

Похищения!

За стеклом среди пузырьков и флаконов мелькает объявление:

ПРОДАВЕЦ ЯДОВ!

На ржавой стене надпись мелом:

Гарпона пускает кровь в любое время суток!

Конфе(и)де(н)циально!

Дальше, на обломке доски, кривятся неуклюжие каракули:

Чулков (сумашествие).

В темном переулке от стены к стене протянута проволока, на ней – табличка с нарисованным кинжалом и надписью:

ВНИМАНИЕ,

могут ударить в спину!

Ниша слева!!!

Чуть поодаль висит над дверь покоробленный щит. Буквы на нем корявые, будто писал пьяный, окунув пальцы в грязную жижу:

ГоСТИНИЦА «ЭЛЬДОРАДО»

Брок решил заглянуть в эту сомнительную гостиницу. Во-первых, он устал, во-вторых, хотел поближе рассмотреть весь этот сброд, который тут бывает. Он вошел в темный вестибюль. Пахло мышами, грязным бельем и ещё чем-то тошнотворным. Из вестибюля дверь вела в просторное, крикливо и пестро покрашенное помещение вводе бара. В потолке виднелась выпуклая стеклянная линза, назначения которой Брок понять не сумел.

За круглым столом посреди комнаты – ни одного свободного места. Однако разглядывать сидящих было недосуг, ибо кто-то из них произнес слово «революция», а слово это бьет по нервам не меньше, чем по глазам – вид крови!

– Революция! – выкрикнул человек с раздвоенной черной бородой. – В производственной зоне взбунтовались рабы! Восстанием охвачены уже восемьдесят этажей! Началось всё на фабрике, выпускающей таблетки «Омега». Предводитель рабов, некий Витек из Витковиц, предал нашего Великого Муллера. Он втайне подготовил мятеж и объявил теперь, что освободит наш мир от Муллера.

Он хочет отдать власть рабам, а аристократов из нижних зон заставить работать у станков и в шахтах. К фабрике «Омега» присоединились химический завод – тысяча девятьсот восемьдесят человек, монетный двор – двести шестьдесят, литейная – четыреста, завод по переработке газа – пять тысяч триста восемьдесят, ликерный завод – двести пятьдесят человек. Они уже пробилась к Городу Мрака и привлекли его население на свою сторону лозунгом Республики, где слепые будут иметь якобы равные со всеми права. Они намерены сформировать из слепых передовые отряды, устрашающие и несокрушимые, как скала. Если мятежники войдут в Город Мрака, то

существует опасность, что они распахнут двери тюрем верхней зоны. Но ещё хуже, что они проникают и вниз, уничтожая машины и оборудование. На этажах с семисотого по шестьсот девяностый они разгромили конторские помещения и теперь приближаются к шестьсот восьмидесятому этажу, где расположены склады. Таким образом, от основных хранилищ их пока отделяют шестьдесят этажей. Конечно, им нелегко пробиваться сквозь твердые потолки из солиевого бетона. Лифты, к счастью, не работают: электростанции находятся в первой зоне, и ток был отключен. Главная лестница перекрыта баррикадами, которых рабам с их примитивным вооружением не взять и за полгода,

Наш великий Муллер не желает обогреть руки их кровью, хотя мог бы разом всех уничтожить. Считает, что можно уладить дело без кровопролития. Потому и послал меня к вам, в Вест-Вестер, нанять специалистов. Речь вот о чем: надо незаметно вкрасься в ряды бунтовщиков и нанести удар революции в спину – сломить их единство и прежде всего убрать Витека из Витковиц, сердце и мозг восстания. Попытка подкупить его потерпела неудачу...

IX.

Гарпона. – Мастер Перкер – яды. – Сыворотка КАВАЙ. – Газ СИО. – Линзы на висках слепого.

– Может быть, ножом? – спросил неуклюжий детина, которого звали Гарпоной. Рук у него не было, и он всё делал ногами.

– Я же сказал, благородный Муллер не желает кровопролития!

– У меня припасены надежные яды... – забормотал человек с массивным багровым носом, который занимал больше чем пол-лица и, как показалось Броку, ещё продолжал зреть и набухать. – Товар надежный, испытанный, не подкачает. Операцию проведу лично, успех гарантирую. Хотите – он умрет от сердечного приступа. Капля яда «У» парализует его мозг. Одно ваше слово – и он погибнет от рака, вызванного ядом «И». Есть у меня и сигары «О»! А миллиграмм яда «Е» в стакане молока...

– Я берусь только за крупные дела, – низким басом перебил носатого слепец. У него были зашиты веки, отчего лицо казалось до жути спокойным, а на висках были прикреплены металлические коробочки, в которых искрились две мощные линзы, словно глаза хищной птицы. – Если уж душить революцию, то с

помощью моих бацилл... Кстати, Великий Муллер знает меня...

– До рабов тоже дойдет черед, – ответил посланец, – но сначала нужно убрать Витека! Без убийства, понятно? Телом пусть живет, а вот душой... Душу надо истребить! Душу либо рассудок!

– Впрыснуть ему в мозг сыворотку КАВАИ – мигом сойдет с ума... – посоветовал низенький с двумя горбами на спине.

– А если вдохнет газ СИО, то за одну ночь состарится, – вступил в разговор дряхлый, трясущийся, совершенно лысый старикашка, – и остаток дней будет медленно угасать от маразма. Баллончик можно незаметно подбросить в спальню – это ведь игрушка, резиновый мячик, закатится куда-нибудь и...

– Лучший нож, лучший яд, лучшая сыворотка и лучший газ – это глаза! – негромко, но внушительно произнес желтолицый человек, глаза у него были круглые, черные, с белыми, словно раскаленными квадратиками зрачков.

– Ладно, – вербовщик вынул блокнот, – я вас запишу, Гарпона – нож. Перкер – яды. Шварц – СИО. Орсар – бациллы. Мак Досс – гипноз. Чулков – КАВАЙ! Придете завтра на Оранжевую улицу, дом восемь, этаж двести семьдесят четыре. Аэролифт доставит вас на вершину

Муллер-дома, а оттуда вам нетрудно будет пробраться к самому сердцу революции, в гущу этого сброда, и смешаться с ним... Добьетесь успеха, и Великий Муллер вас наградит.

– Черт подери! – взревел после ухода вербовщика безрукий убийца. – Ещё чего не хватало! Чтоб я совал свой нож в навозную кучу!

Он беспрестанно шевелил ногами под столом, потом вдруг вскинул их на стол, ступней вытер со лба пот и звучно щелкнул пальцами.

– От тебя, браток, за версту кровью несет, – буркнул отравитель и со вкусом высморкался на пол. Лишь после этого он вытер свой омерзительный нос красным платком. – Вот мы чисто работаем... рук не мараем...

– А я что, разве только ножом работаю? – огрызнулся убийца. – Набавь ещё двадцать мулلدоров, и я любого удавлю, руки-то у меня как у невесты...

Он сбросил под столом тапочки и в доказательство пошевелил длинными беглыми пальцами ног.

– Оба мы, браток, мелюзга, – вздохнул продавец ядов, – а вот мастеру Орсагу есть что сказать! Он своими бациллами целую армию шахтеров накормил...

Слепой не счел нужным ответить. Но когда повернулся к носатому, линзы на его висках зловеще блеснули.

– А вы, мастер Шварц, – теперь отравитель донимал дряхлого, лысого старикашку, – много ли вы уже народу состарили?

– Я работаю внизу, среди тех, у кого водятся денежки, – прошамкал голыми деснами беззубый Шварц. – Вот только что пристроил одно приспособленье на восьмом этаже второй зоны – в спальне молодого Герела, сына того самого знаменитого ростовщика. Ну, который продал Муллеру Аляску и африканские колонии. Адрия, его племянница, хочет поскорее получить наследство. Через недельку молодой Герел будет старше своего папаши. Сэр Мору, крупнейший держатель акций концерна «Вселенная», стареет с каждым днем.

– Это тоже твоих рук дело? – удивился носатый. – Говорят, он сильно обеспокоен.

– Ещё бы... Его акции перейдут к человеку, имени которого я не открою. По-моему, я больше всех сделал для благодетеля и повелителя нашего...

– Не знаю, что ты имеешь в виду, говоря «больше всех», дорогой мой Шварц, – отозвался горбун и повернулся к человеку с горящими глазами. – Мак Досс, наш профессор-гипнотизер, – новичок в этом обществе и ещё не слышал моей истории... Ме-е-е... Не

будь меня, сидеть бы сегодня нашему добрейшему Отцу и Повелителю на мели!

Х.

Астроном Галио, властелин звезд. – Первый космический корабль. Звездный голод Муллера. – Как Галио стал гигантским нулем. – Сударь Чулков, король 50 000 звезд.

Горбун поднял два пальца вверх, к выпуклому иллюминатору в потолке.

– Пусть Он подтвердит, что я говорю правду, если в этот миг изволит наблюдать за своими смиренными слугами. Я избавил Его от недруга, который бы до последней капли выкачал тот дивный сок, что струится под Муллер-домом и питает его... Теперь об этом может узнать каждый! Ко-ко-ко-ко... Звали недруга Галио, старик был продавцом звезд. Его сын, который сейчас занимает три этажа в третьей зоне, – жалкое ничтожество по сравнению со своим отцом. С милостивого позволения Муллера он продает ничего не стоящие, бросовые звезды – либо слишком горячие, либо покрытые вечными льдами, либо кометы, которые раз промелькнут и больше никогда не вернутся, – кого

они могут интересоваться?! Никудышный товар... Пи-пи-пи-пи-пи... Да, вот старый Галио – это был гений! Ме-е-е! На одном из островков в Полинезии он построил обсерваторию и творил чудеса с единственной крупинкой солиума. Туземцы провозгласили его царем, и он объединил под своим владычеством десяток островов. В то время Великий Муллер как раз плавал по морям, скупая остатки мира. Он пришел к старому Галио в обсерваторию, которая одновременно служила ему королевской резиденцией. Когда Муллер спросил, чего он желает за свои островки, эта старая, хитрая лиса скромно ответила: «Ночной небосвод!»

Даже песчинки золота не попросил! Ме-е-е! Добряк Муллер решил, что это прихоть старого чудака, до беспамятства, влюбленного в свои небесные миры. Ему казалось, он получает острова даром. Ведь звезды не принадлежат никому, даже Муллеру, но, раз уж старику неймется, почему бы не продать? Раз уж ему охота остаться в дураках, пусть остается! Они подписали договор: Муллер стал владельцем десяти Полинезийских островков, Галио – властелином звезд. У одного была синица в руке, у другого – журавль в небе... Мяу! Не один – мириады журавлей слетались к нему звездными ночами, всегда одна и та же стая...

Правда, тогда Муллер ещё не знал, что построит из солиума космические корабли, которые будут

бороздить Вселенную. Он давным-давно забыл о том договоре... Первая ласточка вылетела из гнезда и вернулась через пять месяцев с баснословными сокровищами девяти звезд! Был создан концерт звездных перевозок «Вселенная», а тем самым открыт неисчерпаемый источник невиданного обогащения. Тут-то и появился старик Галио со своим договором! Оказалось, что все обнаруженные «Вселенной» звезды изначально принадлежат Галио, так как договор был подписан самим Муллером! Вот когда только понял наш Господь, какую цену заплатил за десяток островков... Галио фактически стал владельцем всех звезд, а Муллер – лишь той единственной планеты, на которой он жил. Лили-лилили-ме-е-е! Сказочные сокровища, диковинные плоды, новые металлы, драгоценные камни – всё это, согласно проклятому договору, принадлежало старику Галио! Пи-пи-пи-пи...

И нашему Великому Благодетелю волей-неволей пришлось выкупать у Галио одну за другой покоренные звезды... Он просто не мог допустить, чтобы вновь открытыми звездами владел кто-то другой, чтобы кто-то другой, а не Он давал им имена, и точно так же не мог нарушить договор, который скрепил собственной подписью. А пока всё шло своим порядком: открывались новые и новые звезды, Галио их продавал, а Муллер покупал. Но запасы у Галио были неисчерпаемые. Ме-е-е! Муллер платил и платил.

Дошло до того, что всемогущий владыка принужден был начать распродажу своего мира – кусок за куском, только бы утолить свой звездный голод... Самое же странное было вот что: старый Галио наотрез отказывался брать в уплату сокровища, добытые в иных мирах, сколь бы ценными и редкими они ни были. Он признавал и принимал лишь то, что родилось в недрах нашей старушки планеты... И как вы думаете, что он делал со своим добром? Он стал раздавать золото Муллера оборванцам. Города, острова, шахты, промышленные предприятия, которые Муллеру пришлось остановить, он отдал рабочим и голытьбе... Его называли Освободителем!

О, это был тонко продуманный план уничтожения Огисфера Муллера! Ведь посрамленный и полунищий владыка мира собирался уже покинуть эту планету и перебраться на одну из своих звезд...

Вот в это самое время – пи-пи-пи-пи-пи-пи! – в последнюю минуту, когда Муллер находился буквально на краю гибели (речь уже шла о продаже Муллер-дома, который Галио хотел ни много ни мало как взорвать!!!), в это самое время я стал лечить старика Галио от ревматизма. Ко-ко-ко-ко! Однажды вечером, как сейчас помню, боль в суставах отпустила, и он был в бодром настроении. Я возьми, да и спроси его, сколько он продал Муллеру звезд и сколько их у него осталось.

«Столько же, сколько было вначале, – загадочно улыбнулся Галио. – Если бы я продавал каждый день по миллиону звезд, то, даже проживи Муллер миллион лет, он бы только-только выкупил одну миллионную их часть».

Ме-е-е!... И в ту же ночь, когда старик Галио заснул, я впрыснул ему три капли сыворотки КАВАЙ. Пи-пи-пи! Утром, едва проснувшись, Галио закричал: «Карандаш и бумагу! Ну-ка, сколько же у меня денег?» Он вывел цифру девять и стал приписывать к ней нули. За первый день он исписал нулями десять листов. С тех пор мозг его стал машиной по производству нулей. Все его мысли свелись к нулю... Мяу!

После этого я легко завладел проклятым договором и отдал его Огису Муллеру. Сейчас Галио находится в камере для умалишенных номер девятьсот семьдесят, извергает нули. Да и сам стал огромным нулем! Так я спас Господа Муллера! А ему по сей день приходится возмещать причиненный ущерб, собирать воедино всё то, что Галио растранижил. Меня Муллер хотел сделать императором Брадьерры! Ме-е-е! Я отказался. Тогда он предложил мне на выбор любую из держав и любую должность – кем захочу, тем и буду: королем, военачальником, дипломатом. Я ответил, что мне ничего не нужно, лишь бы жить до конца дней моих в

Муллер-доме, рядом с Ним, и греться в лучах Его милости. Ли-ли-ли-ли!

В конце концов он таки всучил мне пятьдесят тысяч звезд и провозгласил меня властелином этих миров. Надо бы там побывать – ко-ко-ко, познакомиться с подданными и хоть на одной из звезд возложить на себя царский венец. На всех-то, ясное дело, не выйдет... Ведь если даже тратить на коронацию по одному только дню, и то, чтобы взойти на престол в каждом из своих королевств, мне пришлось бы прожить как минимум сто тридцать семь лет!... Ме-е-е! Вдобавок Муллер не хочет меня отпускать, просит в случае чего быть под рукой...

XI.

Любопытство Петра Брока, и к чему оно привело. – Нос отравителем. – Схватка в трактире. – Больше всех бесновался безрукий Гарпона.

Горбун замолчал, а его глазки с любопытством оглядели сидящих за столом. Носатый, уткнувшись в свой красный платок, протрубил протяжную мелодию весеннего насморка. Голова слепца была недвижна, словно изваянная из мрамора. Но стеклышки на висках

весело поблескивали, будто хохоча. Так по крайней мере казалось Петру Броку. Безрукий убийца, похоже, вовсе не слушал горбуна. С ловкостью обезьяны он безостановочно выделял ногами какие-то пируэты: сперва перебирал ими под столом, потом вскинул вверх, левой выхватил нож и сноровисто, так, что тот завертелся волчком, подбросил его к потолку. Пока нож падал, он успел опорожнить стакан. Поймав правой ступней нож, он вытащил из жилетного кармана табакерку, насыпал на щиколотку зеленоватого порошку, втянул его носом и оглушительно чихнул, разбудив старика Шварца, который меж тем задремал.

И в этот миг, когда все в замешательстве умолкли, заговорил Петр Брок. Разумеется, не затем, чтобы себя раскрыть. Просто хотел шепнуть на ухо горбуну вопрос, который не давал ему, Броку, покоя, причем так, чтобы горбун решил, будто обращается к нему кто-то из присутствующих. Вот когда Брок с досадой ощутил и отрицательные стороны своей незримости: он одинок, не может втереться к ним в доверие, принужден выслушивать долгие, никчемные споры... Сначала он хотел задать свой вопрос в полный голос, но все остальные сидели наострив уши, точно сторожевые псы. Поэтому он приблизил губы к уху горбуна и спросил без всякого выражения, тихо, как бы невзначай:

– А каков он из себя, этот божественный Огисфер Муллер?

Горбун вздрогнул, вытаращил глаза, разинул рот – на лице его отразилось крайнее изумление. Броку даже почудилось, будто на миг лицо растянулось от стены до стены. Но это, конечно, был обман зрения. Бледная вытянутая физиономия горбуна торчала между плечами, как клин из бревна. Горбун поднялся и сразу же стал меньше на целую голову, так как ножки стула были длиннее его ног.

– Кто из вас задал этот вопрос? – яростно гаркнул он. – Кто – я спрашиваю!

Все удивленно уставились на него. Ведь с тех пор, как он замолчал, никто не проронил ни слова!

– Я слышал голос. Могу поклясться! Клянусь самым Муллером, – горбун поднял правую руку к круглому окну, – клянусь, я не лгу! Тут кто-то есть!

– Может быть, лично Великий Муллер соблаговолил... – почтительно заметил отравитель, с ужасом глядя на потолок.

– Нет! Нет! Кто-то спрашивал о самом Муллере!

– Кто?

– Голос! В ухо мне прошептал!

– Не голос ли это КАВАЯ, воспалившего твой мозг? Может, и ты подхватил бациллу сумасшествия...

– Вы сами тут все с ума посходили! Клянусь! Бьюсь об заклад на все пятьдесят тысяч моих звезд!

Старикашка Шварц сочувственно покрутил пальцем возле виска и принялся толковать о том, что вот ведь он сам страдает от маразма, хотя, казалось бы, обращается со своим газом уж так осторожно, что дальше ехать некуда.

Между тем Петр Брок спокойно расположился на том стуле, где раньше сидел вербовщик. Он чувствовал, что эти уроды целиком и полностью в его власти, что он может сделать с ними все, что заблагорассудится. Брок думал о революции на рабочих этажах, о Витеке из Витковиц, о том, что замыслили против него собравшиеся здесь негодяи, и прикидывал, как бы их половчее убрать и при этом не замарать кровью свои невидимые руки... Прямо перед ним торчал набухший багровый нос продавца ядов. Этот мерзкий нарост с самого начала раздражал Брока, вызывая чуть ли не болезненную гадливость. И теперь Петр не сдержался, схватил стакан и со всей силы запустил им в эту пакость. Брызнула кровь, продавец ядов пошатнулся, остальные в ужасе повскакали с мест, хватаясь за свои носы.

Но паника длилась лишь несколько мгновений. Бандиты быстро опомнились и заняли круговую оборону. В руках у всех, откуда ни возьмись, появились револьверы. Черные, выпученные глазки дул заматались по комнате. Тотчас же началась бешеная пальба. Гремели выстрелы, свистели пули, сыпались стекла, пыль стояла столбом.

Больше всех бесновался безрукий Гарпона. Он распластался на столе и, отталкиваясь одной ногой, кружился на спине, а другой ногой тыкал во все стороны ножом, напоминая скорее гарпию, чем человека.

XII.

Предательские стекляшки на висках слепого. – Петр Брок в западне. – Побег. – Лифт – и опять сон.

Внезапно Петра Брока охватила дрожь. Толстые линзы на висках слепого неожиданно уставились на него! Неподвижное гипсовое лицо с зашитыми веками бесстрастно, как сфинкс. Но линзы смотрят прямо в лицо Брока. И в них словно бы горит...

Что это – игра воображения? Или его увидели? Но разве слепой может его увидеть?

Брок встал. И тут же стекляшки дернулись вверх, за ним. Слепой поднес руку к виску и начал вращать колесико, вроде того, каким фокусируют резкость микроскопа. Эти линзы как бы ловят каждое движение Брока.

Безмерный ужас пронизал Брока ледящим холодом. Ноги стали ватными. Он снова сел, пригнувшись к самой поверхности стола и с отчаянием глядя вверх, на два черных огонька в линзах. И в этот миг каменное лицо скривилось в уродливой гримасе, слепой поднял руку, и указательный палец, как ствол револьвера, нацелился Броку между глаз.

– Вот он! Перекройте выходы! И не стреляйте! Надо взять его живым!

Безрукий Гарпона прыгнул к одной двери, Перкер стал у второй. А слепой Орсаг следил за каждым движением Брока. Он приближался очень медленно, по спирали, точно зверь, готовый к прыжку.

Брок был в ловушке. Но он должен вырваться, иначе он погиб! Одну дверь сторожит окровавленный нос, вторую – Гарпона. Стоит на одной ноге, а другой пытается запереть замок. Брок метнулся туда! Орсаг с криком устремился наперерез. Но Брок свалил его

ударом в живот, сбил с ног Гарпону, распахнул дверь и, выскочив наружу, мгновенно её захлопнул. В следующий миг он уже мчался по темной улочке, сам не зная куда...

Господи, сколько же здесь всяческих лестниц и лесенок, то вверх, то вниз, сколько коридоров, то просторных и высоких, то тесных и низких. Сколько комнат он оставил позади, сколько огромных залов, темных дыр и крохотных каморок, предназначенных бог знает для чего, встретилось ему на пути! В какое-то мгновение он очутился на галерее, опоясывающей пустой пыльный зал. Потом пробежал по крытому мостику, висящему над бездной вентиляционной шахты. А за спиной – топот, как барабанная дробь, всё громче, всё быстрее. И снова улочки, лестницы, снова аркады, переходы, залы...

Неожиданно Брок вбежал в гладкую, блестящую трубу. Это сточный канал. Нет, орудийное жерло. Нет! Это телескоп, ведь труба становится всё уже и уже... Вот он карабкается на четвереньках, а теперь ползет, как гусеница. Все, дальше не пройти, это конец... Брок уткнулся в металлическую решетку и в отчаянии потряхнул её.

О чудо! Маленькое ржавое ситечко легко подалось. Брок протиснулся в отверстие и закрыл за собой решетку. И в ту же секунду пол под ногами пошел вниз.

Он успел ещё заметить за решеткой разбитый нос. Уф-ф, пронесло...

Но пока лифт неудержимо падал в бездну, Броку опять стало не по себе. Голову словно стиснули чудовищные клещи, он начал терять сознание. И опять ему привиделся тот же кошмарный сон. Нечеловеческим усилием он отгонял ночные призраки – только бы они не завладели им, только бы не провалиться опять в вонючее подземелье, к жутким серым балахонам.

Брок страшился этих снов. В них он как бы утрачивал чудесное свойство и опять ощущал свое тело со всеми его ранами и болью. Он боялся умереть в одном из таких снов, прежде чем выполнит свою миссию где-то там, высоко-высоко, на одном из тысячи этажей Муллер-дома.

XIII.

Глава о звездах. – Звездная торговля и промышленность. – Реклама. – Раковина-талисман.

Когда Петр Брок очнулся, лифт давным-давно стоял. Ещё не вполне отряхнув с себя тяжкий сон, Петр

вышел на широкую улицу, сверкающую красками и огнями.

Где он?

На каком этаже?

Сколько же ещё пробираться вниз, к Муллеру? Может, это вавилонская башня?

По обеим сторонам улицы – роскошные, похожие на алтари витрины; на них, засунув руки в карманы, глазают зеваки. Рядом с богатыми застекленными витринами – лотки и киоски цветочниц, парфюмеров, фотографов, мелочных торговцев, антикваров, громко расхваливающих свой диковинный товар. Гастрономические магазины – символы изобилия, гимн симметрии! Их витрины спесиво разукрашены башнями, пирамидами, гирляндами удивительных плодов и зверушек, разнообразнейших коробок и консервных банок. Все это – дары звезд! Брок пробежал взглядом названия.

ЦЕЛЕБНАЯ ВОДА ИЗ ОЗЕРА АЛЬФА СО ЗВЕЗДЫ М-14!

Съедобный мох девственного леса звезды Ц-71!

ПУДРА НА-ХА ИЗ ПТИЧЬИХ КРЫЛЬЕВ С ЗЕТ-176!

Духи из слез ангелов звезды Д-55!

Кровь эльфинских гномов W-70 против обезьяньей болезни!

*ПОЛОВЫЕ ЖЕЛЕЗЫ УРСКИХ ВОДОЛЮБОВ –
ДЕЛИКАТЕС НА Б-1!*

ОБУВЬ ИЗ КОЖИ ОРИГОНОВ С Ф-99 НЕ СНАШИВАЕТСЯ!

Манна со звезды Б-64 напоминает вкусом миндаль.

Была тут и реклама, предлагавшая переселенцам на другие звезды товары родной планеты.

Колонисты на Л-20! Отменные семена! Одно семя дает урожай сам-сто!

*ПОРОШОК АХА – НАИЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ОТ РОЗОВОГО
ГНУСА НА Ц-71 НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!!!*

*ОТ ГИПЕРТОНИИ В СОЗВЕЗДИИ СПИРАЛИ ПОМОГАЕТ
ТОЛЬКО БАЛЬЗАМ «СПИРАЛЬ»!!!*

*АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЧАСЫ АЗЕГ ПОКАЗЫВАЮТ ВРЕМЯ
НА ЛЮБОЙ ЗВЕЗДЕ!!!*

*Бляшки, бусы, зеркальца, фольга – для туземцев на К-5!
Они будут преданы вам!!!*

*Непромокаемые зонты, плащи, палатки! На К-86 ночью
идет дождь!*

*ЭРОЛАМ НА ЗЕТ-2 БРОСАЙТЕ ШОКОЛАД «ДАНА»! ОНИ
ОТДАДУТ ВАМ ВСЕ!!!*

*НА С-34 – ВЕЧНЫЙ ДЕНЬ! КУПИТЕ ТЕМНЫЕ ОЧКИ –
ИНАЧЕ ВАМ НЕ УСНУТЬ!*

*ПЕРЕД ОТЛЕТОМ В НОВЫЕ МИРЫ ЗАСТРАХУЙТЕ СВОЮ
ЖИЗНЬ!!!*

*Вы не удержитесь от смеха в ПАНОПТИКУМЕ «ОМЕГА»,
глядя на живых обитателей Г-51!*

Под полосатым желто-красным тентом продают раковины, похожие и на звезды, и на цветы, и на живые существа, и вообще ни на что не похожие. Торговец одну за другой поднимает их, прикладывает к уху, что-то им нашептывает, а затем хриплым голосом кричит в толпу:

*– Раковина ИЗА со звезды Б-55! Как пресс-папье на
вашем столе она внушит вам добрые мысли при
составлении писем!.. Раковина О-РА из Черного озера
со звезды Ф-39 подобна черному лебедю! Подложите
её тайно своему врагу – и на каждом шагу его будут
преследовать неудачи!.. Раковина А-КА с ледяной
звезды, похожая на водяную лилию, – залог успеха в
любви!.. Раковина У-ВА напоминает окаменевшую
бабочку. её родина – звезда Альбатрос! Спрячьте её*

*под подушку – и вам будут сниться звезды!.. Раковина
HE-0 со звезды П-44 шумит, как бушующий океан.
Десять лет она будет оберегать вас в путешествиях по
Муллер-дому!*

Напротив продавца раковин бойко идет торговля фантастическими звездными пейзажами. Чуть дальше – ещё зазывала, за ним – ещё один. И, словно соревнуясь с ними, вопят и мечутся рекламы, рассекая темноту огненными знаками.

XIV.

*Ужас темноты. – Экспортно-импортный концерт
«Вселенная» – переправа на звезды. – Петр Брок не
может вспомнить. – Голландская колония на Луне.*

Вдруг все лампы погасли, как будто под стеклянным куполом взорвалась тьма.

– Катастрофа!

Может, рабочие на электростанции взбунтовались и примкнули к революции? Может, свет погас на всех этажах и наступила ночь – страшная, бесконечная, полная кошмаров и крови?!

В МУЛЛЕР-ДОМЕ НЕТ ОКОН!

Петр Брок не успел ещё осмыслить всего ужаса, который ожидал этот безумный муравейник высотой в тысячу этажей – плод гордыни Муллера, – как его снова ослепил яркий свет. Ну конечно же, Муллер-дом – это мир в себе, и череду его дней и ночей устанавливает сам Муллер! Но то было уже не солнце, то горели огненные буквы, написанные невидимой рукой на черной доске тьмы:

Земельные участки на звездах.

Продаем по умеренной цене.

Концерт «ВСЕЛЕННАЯ».

И дальше:

Вечная весна царит на звезде E-4!

Сказка ждет вас в голубых долинах звезды M-21!

Вы станете ангелом на звезде P-25!

Небесные красавицы ИКИ-ЛА тоскуют по вас!

Вы будете царем на звезде Й-25!

Желаете невесту на одну свадебную ночь?!

Рекомендуем У-55!

До тысячи лет вы доживете на звезде П-7!

Божественный напиток на IV спутнике звезды ЗЕТ-22!

Бессмертие подарит вам звезда П-5!

Затем купол вновь осветился, и надписи исчезли.
Осталась только одна, ярче солнца:

ВСЕЛЕННАЯ!!!

Она блистала над входом в прозрачный дворец, чьи грани и карнизы переливались всеми цветами радуги.

Брок проскользнул в дверь и очутился в просторном помещении, которое встретило его сумятицей кричащих красок. Картины и карты сплошь покрывали стены от пола до потолка.

Орбиты солнц и планет, вытянутые, почти параболические пути комет, виды разных галактик с

названиями звезд и туманностей. Маршруты, проложенные от звезды к звезде, перекрестки орбит с трассами космических кораблей. Диаграммы, тарифы, прейскуранты, расписания рейсов. Модели планетных систем из стекла и металла. Рельефные изображения фантастических уголков, поросших невероятной, буйной растительностью.

Да полно, растительность ли это? Или кристаллы звездных минералов? А может, это обитатели звезд? Древние исполины или колония пигмеев?

Брок замер. Среди удивительных ландшафтов, которые, пожалуй, настораживали, его вдруг словно ласково погладили по голове. Вот так чудо – пейзаж родной Земли!

Знакомые квадраты возделанных полей. А на заднем плане – лесистые холмы, подернутые голубой дымкой... Часовенка с карминно-красной крышей и круглыми глазками-окошками в дверях.

Боже мой, боже мой, до чего же знакомо! Когда-то, давным-давно, став на цыпочки, я заглядывал в круглые глаза часовенки! Ветхостью и печалью веет изнутри, а в тихом сумраке стоит в алтаре фигура святого. Какого святого? И кто заглядывал в часовенку? Когда? И как же так вышло? Где взаимосвязь? Что было между той часовенкой и

проклятой лестницей, на которой я однажды проснулся, без памяти, без прошлого?..

Увиденная некогда часовня покоится далеко в глубинах памяти. Если бы вспомнить, если бы только вспомнить – тогда бы все сразу... Но почему в небе плывут целых три огромных луны – красная, зелёная и оранжевая? Брок прочитал надпись:

Голландская колония на Луне-111 звезды С-1!

Не надо работать, природа трудится за вас!

Местные гномы будут вам прислуживать!

Но ведь кому-кому, а Броку нетрудно узнать правду. Все двери Муллер-дома перед ним распахнуты. Любая тайна откроется его глазу. Любой обман растает, как снег в пламени.

XV.

Переселенцы. – Обедневший миллионер. – Сладострастный донжуан. – Миссионер Альва. – Аббат Лир. – Франциск Фарани.

Стеклянная перегородка, толпы людей, ряд окошек. Надо только встать возле одного из них и прислушаться.

– Я был миллионером, – рассказывает рыжий оборванец. – Лас Абела, может, слышали? Я владел заводами по производству моторов для автомобилей и самолетов. И черт меня дернул соперничать с нашим Повелителем. Два года я боролся, поставил на карту все свои миллионы – и прогорел. В трубу вылетел, и поделом! Вот и пришлось перебраться в Муллер-дом, а не то одна дорога – просить подаяние. Благословен будь Огисфер Муллер, благодетель! Он сжалился над своими врагами и предоставил им бесплатный кров и пищу!

– Короче, милостивый государь, короче! У нас нет времени, – оборвал его человек за барьером. – Куда вы хотели бы отправиться и сколько у вас денег?

– Я хочу разбогатеть. Здесь, на планете нашего благодетеля, я уже не рискну взяться за что-нибудь серьезное. Но в Вест-Вестере я убил одного трактирщика, так что наскреб достаточно мулльдоров и хочу начать всё сначала в другом мире. Говорят, на Р-25 есть для этого все условия.

– Конечно, конечно, там вы станете вторым Муллером. Звезда молодая, спокойная, с симпатичным,

безобидным населением. За доставку на Р-25 с вас причитается двести пятьдесят муллдоров.

– Но таких денег у меня нет! – простонал оборванец.

– Тогда выберите звезду подешевле. За восемьдесят муллдоров можно переселиться на С-6, только не забудьте прихватить с собой шубу.

– Туда я не хочу!

– Тогда на Ф-1! Плодороднейшая планета, там выращивают виноград, ягоды – с вашу голову величиной. Правда, тамошние обитатели странно пахнут, но к этому вы привыкнете...

– Скиньте хоть пяток муллдоров!

– Это вам торговец раковинами скинет! А мы тут скидок не делаем!

Лас Абела исчез, а его место занял напудренный селадон в белом цилиндре и светло-сером фраке. В синий со звездочками галстук был воткнут золотой колокольчик – видимо, по последней муллердомовской моде. Лицо у вновь прибывшего было подозрительно молодое и красивое, но говорил он скрипучим старческим голосом.

– Я пресытился женщинами! – сетовал он. – Мне опротивели их тела. Вечно одно и то же, только цвет меняется. Я ищу чего-нибудь новенького!

Его пальцы вдруг алчно скрючились, будто когти хищника, а сиплый голос дрогнул от вожделения.

Лицо в окошке приветливо заулыбалось:

– Взгляните, вот образцы! Но это, конечно, не все. У многих существ тела чересчур своеобразны, у них и ткани другие, и формы, и инстинкты, и отношения между полами. На Ф-9 оплодотворение происходит через губы, на Б-11-через взгляд, на К-12 – касанием крыльев. На ИКС-6 во время полового акта умирают. Обитатели У-12 прозрачные, а на Б-3 тверды как алмаз. На Г-4 аборигены текучи, на С-22 горят, на Л-7 совершенно невидимы. А как вам нравится эта самочка? Очень похожа на человека, но холоднокровная. А это красотки иного рода. У них, правда, одна-единственная грудь, притом острая как нож, ну да её можно накрыть каким-нибудь колпаком, зато лица! Стоит к ним привыкнуть, и они кажутся прекрасными! Сношение возможно, хотя потомства не будет. Обительницы Т-42 густо покрыты шелковистыми белыми ворсинками. Они прекрасно готовят, не прочь выпить, любят белых, боятся негров. Эти, с М-14, весьма чувственны и обожают мужчин-землян. Роста они небольшого, напоминают наших школьниц.

– Туда! Мне – туда! – воскликнул «юнец», захлебываясь от страсти. – Прежде всего туда.

- М-14 – пятьсот муллдоров.
- Стоимость меня не интересует. Но когда я вернусь назад?
- Через двенадцать месяцев. А может, вам и не захочется возвращаться.
- Мне скоро наскучат девочки, и тогда я займусь этими, с белыми ворсинками...

Он получил синий билет и скрылся за лиловой портьерой.

К окошку протолкался человек в черной рясе, подпоясанный красным шнуром.

– Я, Ричард Альва, понесу на звезды свет Евангелия, – проговорил он глухим голосом аскета.

– Пожалуйста, – холодно отозвался чиновник. – Только хватит ли у вас денег? Вы, миссионеры, горазды торговаться.

– Так ведь речь идет о спасении невинных душ. Ангел господень возвестил мне, чтобы я немедленно отправился на звезду Л-100 в созвездии Копретины. Несчастные, они поклоняются треснувшей фарфоровой трубке, которую бросил там первый человек.

– Нет, туда мы вас не пустим. На Л-100 недель раньше отправился мулла, а два петуха в одном курятнике...

– Подумайте только, – воскликнул Альва, – эти несчастные будут одурманены лжепророком! Они поверят ему и навеки погубят себя! Пока не поздно, скорее отправьте меня туда!

Миссионер буквально влез в окошко, хорошо хоть за барьер не свалился, и замахал кулаками перед носом служащего, а тот хладнокровно заметил:

– Мусульманская вера – тоже вера!

– Но мы несем крест!

– Что верно, то верно. И мы тоже, по вашей милости, – вздохнул служащий. – Там вас ждут не дождутся! А почему вы для спасения душ избрали именно Л-100? Вы несете свет? Так отправляйтесь на Ц-6. Там темно как в могиле! её обитатели слепы и поклоняются тьме. Вас они не увидят, зато прекрасно услышат, и вы легко сотворите все ваши чудеса. Рекомендую также Е-19. Аборигены – сущие овечки, всему поверят, что ни наговори. Можете немедля стать мессией. На К-5 аббат Лар восстал из мертвых, и все сразу приняли христианство. Франциск Фарани полетел с цирком на Н-22. И после первого же представления стал верховным божеством, а вся труппа была причислена к лику святых. Цирк превратился в храм, а спектакли – в религиозные обряды. Чего вам ещё надо?

Следующим на очереди был художник-пейзажист с мечтательными глазами, грезивший о хрустальных мостах и розовых водопадах звезды В-4.

За ним – суетливый полнеющий парикмахер, чья рыжая напомаженная бородка служит своеобразной рекламой его искусства. Он летит на Ф-88 к волосатикам, чтобы словом и делом насаждать там культуру расчесок, гребней, помад и одеколонов. Сыщик с трубкой отправляется по следу убийцы на К-54.

Стареющая кинозвезда хочет взойти на новом небосклоне. Она вернет себе молодость на К-7.

Наследница миллионов бежит с бедным поэтом на Л-11, звезду любви...

Златокудрая красавица ищет возлюбленного, который скрылся среди звезд...

Профессор ботаники с пестрой сумкой через плечо и его прелестная грустноокая супруга будут изучать растительность на Ф-34.

Свергнутый с престола горемыка король снарядился в новое королевство...

Один за другим они скрываются за лиловой портьерой, судорожно сжимая в руках разноцветные билеты, узлы и чемоданы мешают им идти. Они переступают

последний порог этого мира, чтобы никогда больше сюда не вернуться, простосердечные переселенцы с родной планеты...

XVI.

Дама в черном. – Предательское ожерелье. – «Зря вы прячете лицо...» – Брок наблюдает с близкого расстояния. – «Стану принцессой гномов...»

Последней к окошку подошла дама в глубоком трауре. Вся в черном, словно окутанная беззвездной ночью. Лицо под густой вуалью, черные перчатки, грудь надежно укрыта платьем, будто два созревающих орешка в мягкой ещё скорлупе. Хрупкие плечи, гибкая талия, стройные ноги в чёрных чулках, точёные колени под чёрным кружевом юбки – всё это навевало мысль о чарующе прекрасной юности.

Дама пугливо оглянулась – она последняя, больше никого нет. Молча протянула чиновнику свой паспорт. Тот заглянул в документ, затем от фотографии поднял глаза к оригиналу. И осклабился, неожиданно упершись взглядом в траурный флер.

– Будьте добры, приподнимите вуаль. Я ведь должен видеть ваше лицо...

– Это обязательно? – спросила она тихо, почти не раскрывая губ, и как бы невзначай уронила на барьер тяжелое жемчужное ожерелье. Чиновник быстро схватил его. Надел очки и стал внимательно, зерно за зерном, рассматривать драгоценность. Потом вдруг захохотал, оскалив белые клыки.

– Зря вы прячете лицо, принцесса Тамара! Ожерелье выдало вас! Вы удираете из Гедонии!

– Неправда! – испуганно крикнула черная дама. Но голос её внезапно дрогнул и надломился, как ветка.

А человек за барьером будто и не слышал её:

– У нас есть ордер на ваш арест! Ваш паспорт – поддельный. Это работа мастера Ворка с Тигровой улицы!

Принцесса стояла неподвижно, черная, как облако мрака.

Густая вуаль не позволяла увидеть её лицо. Только слышны были негромкие рыдания. Внезапно она шагнула к окошку, прижала к груди черные руки в черных перчатках и горячо зашептала:

– Прошу вас, пожалуйста, не выдавайте меня! Я вам всё отдам, все, что захотите! Там, внизу, такое задумали со

мной сделать – ужас! Сжальтесь! Отпустите меня на Л-7! Что вы хотите за это? Все, что у меня есть...

Принцесса высыпала на барьер содержимое своей черной сумочки. Среди драгоценностей сверкнула маленькая корона в форме звезды, на кончиках лучей которой виднелись крупные бриллианты.

– Этого хватит? – прошептала она и, словно боясь, что не хватит, откинула вуаль и улыбнулась. Чисто женский поступок... Попытка добавить к драгоценностям ещё одну, самую дорогую...

Невидимый Петр Брок воспользовался случаем и рассмотрел принцессу. Она была прекрасна. Огромные, затененные длинными ресницами темно-синие, как вечернее небо, глаза какого-то необыкновенного разреза и формы подчеркивали удивительную красоту чужестранки. Губы, не слишком полные, пленительно страстные, открывались в улыбке, точно спелый пунцовый стручок, обнажая ряд блестящих белых зернышек. Возможно, весь секрет был в принцессиной молодости, которая и делала её неправильное личико столь прекрасным, а большой рот – столь соблазнительным.

Человек в окошке сгреб драгоценности и криво усмехнулся:

– Ладно, идите! Но от Господа Муллера вам не сбежать! Он будет гнаться за вами от звезды к звезде...

– Отправьте меня на самую далекую, на самую последнюю...

– Последние наши станции – на звездах-карликах в туманности ЗЕТ-Б. Там не так уж и плохо... Солнечная система совсем, как наша, только в карманном издании... Солнышко в миллион раз меньше нашего. А планетки, что кружатся вокруг него, – точная копия нашей Земли. На ЗЕТБ-1 живут человечки, как две капли воды похожие на землян. Правда, ростом пониже... Каждый туземец легко помещается в дамской сумочке. Но они ещё гиганты по сравнению с крошками, населяющими соседний шарик ЗЕТБ-П. Такие же люди, как мы, они не больше муравьев. А на ЗЕТБ-Ш люди были обнаружены в пыли под микроскопом... Ну, выбирайте любую...

– Давайте первую, раз ничего другого не остается...

– Это послушные, умненькие куколки... Заживете там словно в сказке.

– Но как мне скрыться, если он всё же меня настигнет?

– А вдруг вы ещё рады будете, если кто-нибудь вызовет вас с этой лилипутской звезды. Ведь со

временем они вам опротивеют. Вот, пожалуйста, ваш билет.

– Итак, стану принцессой гномов, – вздохнула она и исчезла в лиловых складках портьеры.

Брок двинулся за ней по пятам, сгорая от любопытства, – даже в горле запершило.

XVII.

Зал ожидания на пороге вселенной. – Бесполезные споры, «...всюду земля господня...» – Бархатный зал. – Брок пытается спасти принцессу.

Он очутился по ту сторону занавеса и тотчас смекнул, что от разгадки тайны его отделяет ещё длинный белый коридор; только пройдя его до конца, можно будет скинуть бремя любопытства.

Белые лампочки льют молочный свет, глухо звучат шаги, перебивают друг друга голоса. Чемоданы и рюкзаки с каждым шагом становятся всё тяжелее, оттягивают руки переселенцев. Наконец и этот путь пройден. Долгое, бесконечное ожидание. И вот медленно, как крышка гроба, открываются массивные железные ворота. Гудящая толпа людей, которые

буквально падают от усталости, поспешно устремляется к зияющему проему. Последней в него проскальзывает принцесса, а за ней Петр Брок. Ворота за ними мягко, неумолимо закрываются.

Просторный зал заполнился людьми. Все как по команде уселись на свои узлы и чемоданы.

– Я представлял себе это несколько иначе... – заметил художник, разочарованно оглядывая голые стены, словно отыскивая на них картины.

– Хоть бы скамейки поставили... – вздохнул миссионер, который побоялся сесть на свой жалкий баул. – У меня там дароносица, чаши и кресты, завернутые в церковные облачения. Не дай бог, сломаются, – сообщил он сыщику.

А тот в недоумении посасывал трубку.

– Черт побери! И это зал ожидания на пороге вселенной? Скорее напоминает приемную богадельни!

– Вот так всегда получается, – язвительно проскрипел напудренный юнец, – когда не выделяют тех, кто богат. Я путешествую только первым классом – и на подводных, и на обычных, и на воздушных кораблях. Я могу себе это позволить. – Он нервно передернул плечами и стряхнул пыль с рукава своего фрака,

который задела старушка, пробиравшаяся в другой конец зала. – И куда ты, старая, лезешь?

Беззубая старушенция гордо вскинула седую голову. её волосы, спереди расчесанные на пробор, походили на серебристые крылья летящего жука. На макушке у неё была смешная шляпка, завязанная под подбородком черной лентой.

– Я графиня Кокочин! – спесиво заявила она и навела на дерзкого юнца золотой лорнет.

– О, простите, ваша светлость, я не предполагал... – Молодой человек отвесил преувеличенно низкий поклон и с насмешливой галантностью снял белый цилиндр.

– Старость доставляет мне столько хлопот, – уже спокойно сказала графиня.

– И куда же вы изволите направляться?

– Я? На Л-70!

– Черт возьми! Звезда любви...

Старуха кокетливо стукнула его лорнетом.

– Ах, проказник! Звезда молодости, а не любви... Я лечу за молодостью. Далеко это?

– Двадцать муллеренов... Не знаю, доживете ли вы до конца путешествия! – злорадно сообщил Лас Абела, бывший миллионер.

– Но ведь мне сказали, что путешествие продлится лишь трое суток...

– Может быть, – согласился Лас Абела, – но не забывайте, что в других галактиках время другое и люди стареют не так, как под нашим солнцем...

– Всюду земля господня! – включился в разговор миссионер. – Если будет на то его воля, вы умрете похристиански, с крестом! Я везу его с собой. У меня и освященный елей есть для соборования. Так что не беспокойтесь, добавил он.

– А я вас в гробу надушу... – Парикмахер нажал на грушу пульверизатора. От терпкого непривычного запаха запершило в горле.

– И меня, и меня, – закричала розовая куколка, которой очень захотелось благоухать в объятиях своего возлюбленного поэта.

В эту минуту над отдыхающими возникла матросская шапка, лицо, изъеденное глубокими оспинами, и черная, с желтыми полумесяцами, безрукавка. Брок сразу его узнал – это был тот самый пьяница, который

распевал похабную песню на кольцевой улице Вест-Вестера.

– Подъем, господа, за мной! – закричал матрос, прикуривая от факела. В глубоком вырезе на его груди виднелась яркая татуировка: космический корабль, плывущий среди звезд. Руки у него тоже были покрыты татуировкой – неуклюжими изображениями чудовищных неземных растений.

Матрос отпер маленькую дверцу, ведущую в темноту, и все повалили за ним. Началась давка. Узкий коридор не спеша проглатывал одного путешественника за другим. Он был сырой, длинный, словно пищевод гигантской змеи, и вел то вверх, то вниз. Все шли гуськом, склонив головы, локтями касаясь влажных стен. Далеко впереди чадил факел матроса.

Наконец там появился светлый прямоугольник, и люди воспрянули духом. Факел исчез в нише, но его желтоватый огонь высвечивал движущуюся вереницу тел. Когда принцесса, а следом за нею и Брок шагнули в светлый прямоугольник, сзади захлопнулась дверь.

Бархатисто-черный круглый зал, высоко под потолком сверкает раскаленный фиолетовый шар. Со всех сторон слышатся крики отчаяния, плач, люди заламывают руки.

– Измена, измена, мы все здесь погибнем!

В первую минуту Брок ничего не мог понять. Но потом вдруг почувствовал странный одуряюще приторный запах, от которого кружилась голова. Перед глазами у него расцвел неземной красоты цветок с алыми листьями и черным венчиком. Брок задержал дыхание – цветок исчез. Он увидел, что все показывают вверх на металлическую трубку в стене, из которой валил и быстро таял в воздухе белый дым. Началась паника.

Первая мысль была – спасти принцессу. Брок рванулся к стене, где, как он помнил, была захлопнувшаяся дверь. Но двери как не бывало.

К тому же принцесса затерялась в этом безумном столпотворении. Все стонут, кричат, плачут, стараются заткнуть чем-нибудь рты и носы.

Бывший фабрикант в отчаянии мечется по залу, словно зверь в клетке.

Миссионер Ричард Альва, охваченный мистическим ужасом, стал посреди зала на колени, бьется головой об пол и богохульствует, проклиная своего бога и насмехаясь над ним.

Поэт с дочерью миллионера, забыв обо всем перед лицом смерти, слились в страстном объятии, чтоб погибнуть в упоении любви.

Художник с мечтательными глазами умирает в слезах.

Парикмахер рвет свою нафабренную бороду.

Пресыщенный юнец полной грудью вдыхает губительный запах.

Концентрация газа быстро растет, да и дыхание навек не удержишь, в конце концов каждый напьется смерти, глоток за глотком.

Люди падают друг на друга, кучи тел громоздятся на черном мраморе.

В середине зала Брок нашел наконец свою принцессу. Когда он подбежал к ней, она уже готова была упасть. Он подхватил её и мягко опустил на камень. В её глазах мелькнуло удивление.

– Принцесса! Принцесса! – закричал Брок, в отчаянье прижимая губы к её виску. – Ради бога, задержите дыхание!

Но сам он от этого крика лишился последнего глотка чистого воздуха. Он выпрямился и волей-неволей опять глотнул смертоносный газ. Голова у него закружилась, в ушах зашумело, а перед глазами снова вырос алый, как кровь, цветок. Это конец, конец!

Итак, в борьбе с Огисфером Муллером он потерпел поражение! Проиграл, ещё не вступив в борьбу. Даже не видел его – и проиграл. Шум в ушах всё тише и тише. Черный цветок быстро растет, раскрывается,

поглощает его... Ноги подкашиваются, человек падает, умирая... Петр Брок упал. Ослепительная вспышка, и всё погасло. Тьма, и даже тьмы уже нет... Ничего нет.

XVIII.

Сон. – Старик с доброй улыбкой. – Судьба переселенцев. – Паршивый материал. – «А как же дворник?»

И все– таки желтый огонек мигает и мигает. Трехэтажный помост теряется где-то в темноте. К его доскам прилепились серые куколки-балахоны. Кажется, будто они усохли, потому что сморщились и опали. И всё же внутри что-то шевелится, пахнет – то ли рождается, то ли уже гниет... Здесь их немало, этих куколок. Время от времени они вздрагивают, как бы показывая, что по-прежнему живы, что, может быть, однажды ночью из них вылупятся мрачные бархатные бабочки «мертвая голова»...

Но что это? Желтый огонек, светящий лунным светом, неожиданно вспыхнул ослепительно ярким пламенем. Петр Брок открыл глаза.

Что произошло?

Сон исчез.

Над головой вновь горит фиолетовый шар, только дно бархатной чаши опустело. А круглая стена в одном месте словно треснула – сквозь узкое отверстие пробивается свет, и что-то в нем движется... Брок бесшумно скользнул в эту щель и очутился в стальной камере без мебели, с заклепками на стенах. Под потолком – прозрачный человеческий череп, из глазниц и из носа бьют лучи света.

В углу толпа полураздетых переселенцев, их руки скованы тонкой цепью. Женщин среди них нет. Больше всего Брока поразило, что они молчат. Жуткой тишиной веяло от этих сломленных, напуганных людей. Лишь подойдя ближе, он увидел, что у всех во рту металлические кляпы. Концы цепей держат в руках два краснорожих молодчика с плётками. Кроме них и матроса здесь были ещё двое. Заглянув им в глаза, Брок понял, что именно они будут решать судьбу обманутых переселенцев.

Первый – седовласый старичок в чёрных очках и с на удивленье доброй улыбкой – то горбится, то снова выпрямляется. Одет в мундир с золотыми эполетами. На груди сверкают орденовые звезды, расположенные в виде созвездия Кассиопеи. На голове офицерская морская фуражка с надписью «Адмирал Шурхэнд». Борода у адмирала раздвоенная.

Второй – полная противоположность первого. Одутловатая, красная физиономия, грубая, как у мясника, так и пышет примитивной жестокостью. Безукоризненный тёмный костюм. На пальцах, на манишке и в манжетах сверкают искорки бриллиантов. Лоб узкий, скошенный, в левом глазу монокль – для придания грубым чертам аристократического лоска.

– Сколько? – спросил у татуированного матроса добрый старичок.

– Сорок пять из девяноста, – почтительно доложил матрос, – в том числе пятнадцать женщин. Остальные уже в печи...

– Паршивый материал! – брезгливо бросил человек с моноклем. – Всех в ад!

– Слишком вы торопитесь, милорд! – возразил старичок. – Что-нибудь среди них да найдется.

Он подошел к бывшему миллионеру и похлопал его по заросшей рыжей щетиной груди.

– Взгляните-ка, милорд, на этот экземпляр. Рыжие – народ выносливый и живут долго. Он будет хорошим рудокопом!

– Ладно, адмирал, – ответил милорд, – в шахту его.

Матрос что-то пометил в своем блокноте, и двое молодчиков отвели рыжего в другой конец зала.

– Одного отправить на склад! – вспомнил милорд и подошел к парикмахеру, который дрожал, как басовая струна. Милорд словно бы ненароком щелкнул его по носу и сухо сказал: – Пятьсот шестьдесят седьмой этаж!

Матрос записал, и парикмахер очутился в противоположном углу.

Затем адмирал обратил внимание на влюбленного, в отчаянии простирающего руки к железным дверям, которые хранили тяжелое молчание.

– Сэру Марко нужен молодой раб, – сказал он, будто утешая, – вам повезло...

– Семьсот тридцать третий! – процедил милорд и двинулся дальше.

– На улице Эсмеральды Кран требуется дворник, – забормотал бойкий старичок, подбегая то к одному, то к другому, и наконец остановился перед бывшим монархом.

– Метлу удержишь? – сочувственно спросил он.

Пухлый экс-король онемел и оскорбленно завертел головой.

– Это король Арамис Двенадцатый, – сказал матрос, заглянув в свой блокнот.

– Который? – переспросил милорд, словно не расслышал, который час. Потом вдруг зловеще гаркнул:
– В ад его!

– На небо, на небо, – успокоил старичок. – Мы только тряпье сжигаем, а из костей делаем пудру для вест-вестерских красоток. А души улетают на звезды, ха-ха-ха! – Он так рассмеялся, что даже черные очки запотели. И когда он их снял, то оказалось, что глаза у него ядовито-зеленые, злющие и жесткие, а добрые морщинки – это всего лишь маска.

– Ну хватит! – решил милорд. – Всё остальное брак. Мусор! В печку их!

– А как же дворник? – Адмирал вновь нацепил очки и углядел напудренного юнца. Лицо у того было перекошено от страха и застрывших в горле рыданий. Матрос записал номер этажа и перевел молодого человека в группу напротив.

XIX.

*«А теперь – девочек...» – Принцесса, потерявшаяся и найденная вновь. – Галантность Муллера. –
«...пожалуйста улыбку...»*

– А теперь – девочек! – похотливо просюсюкал старичок и поправил на груди отклеившуюся звезду. Милорд, входя в соседнюю комнату, вытянул манжеты, чтоб заметнее были бриллиантовые запонки. Брок потихоньку прошел за ними.

Там на полу сплетался и расплетался клубок женских тел, а ведь всего несколько минут назад Брок видел, как эти женщины шагали в колонне. Любовницы и подруги, провожающие, провожаемые, одинокие гордые путницы, влекомые своей мечтой. Кляпов у них не было.

Сначала – принцесса! – мелькнуло в голове у Брока, когда он подбежал к толпе плачущих женщин. Но принцессы среди них не было. Она стояла поодаль, прижавшись к стене, гордая, вся в черном, и ждала своей участи без единой слезинки в глазах.

О, у него прямо руки чесались сейчас же на месте расправиться с этими двумя мерзавцами и освободить обманутых переселенцев! Но внутренний голос, безотказный инстинкт говорил ему, что надо выждать и отложить мщение до той великой минуты, когда можно будет рассчитаться разом со всеми. Он бесшумно приблизился к принцессе, наклонился к ней и зашептал:

– Не бойтесь! Я с вами.

А когда она повернула к нему изумленное лицо и губы её затрепетали, собираясь задать вопрос, Брок поспешно предупредил:

– Тише, тише, не надо спрашивать! Не шевелитесь! Они не должны ничего знать! Я всё время рядом с вами. Но вы меня не ищите! – Он легко коснулся её левой руки и прошептал: – Вот я! Это будет означать, что я рядом. Вы не возражаете?

– Нет! – Принцесса кивнула и едва заметно улыбнулась.

Между тем старый обманщик с лживой маской добряка пытался ласковыми речами остановить потоки слез, причитаний, проклятий, которые низвергались на него.

– Дамы! Милые дамы! К чему эти слезы и причитания! Фу, какими некрасивыми становятся от плача ваши носики!

– Верните мне моего Яничка! Отдайте мне его! – рыдала розовая девочка, всё ещё ничего не понимая. – Я же не могу лететь без него!

– Похищение, похищение! – истерично выкрикивала кинозвезда. – Бандиты! Воздушные пираты!

Дочь миллионера, забыв о поэте, горько оплакивала свои чемоданы.

– А ну, замолчите, – разозлился человек с моноклем, – не то придется отведать наших груш! А они у нас жесткие...

– Улыбки, улыбки, дорогие дамы, нам нужны ваши улыбки, – затараторил старый адмирал. – Улыбнитесь, пока не поздно!

Но стоны, плач и ропот не утихали. Громче всех шумела старая графиня. Она звала на помощь, требовала полицию, ругалась, сыпала угрозами:

– Негодяи! Подлецы! Только попробуйте поднять руку на беззащитную аристократку! Где же ваши звезды? На небе? Вам бы лишь грабить, водить дураков за нос! Пираты! Отдайте, бандиты, мой чемодан, верните мои деньги!

Тут подал голос милорд:

– Безгранична галантность нашего благородного Муллера (он благочестиво поклонился), но всему есть предел, особенно когда речь идет о явном браке! Грушу! – скомандовал он, и не успела графиня глазом моргнуть, как один из молодчиков загнал ей в рот стальной кляп. Остальные тотчас умолкли.

– Вот видите, дорогие дамы. А теперь, пожалуйста, улыбку! Эта девочка, милорд, не слишком красива, но вряд ли ей больше семнадцати.

– Ещё бы, – усмехнулся монокль, – в самый раз для кабаре дона Эремиса...

За розовой девочкой последовали дочь миллионера, грустноокая супруга профессора ботаники, потом две бледные хорошенькие сестры-двойняшки, совершенно на одно лицо, в коротких юбочках и детских гольфах. Они держались за руки и ничегошеньки не понимая, звали отца. Молодчики с плетью отвели их всех в угол комнаты, где, подвешенный к потолку, колыхался роскошный турецкий шатер, устланный плюшем, с красными кругами пуфов.

XX.

Первое упоминание об Ачоргене. – Пурпурный шатер-лифт. – Старый сводник утешает принцессу. – Мадам Верони.

Наконец настал черед принцессы. Брок насторожился. Старик адмирал, поправив безупречную складку на брюках с желтыми лампасами, учтиво, в наигранном удивлении, подошел к ней.

– Принцесса Тамара! – воскликнул он. – Какая неожиданность! Черный бриллиант, потерянный и

найденный вновь... Бархатная бабочка хотела упорхнуть от нас к небесам... Сколько ж мы вас искали по всем этажам!

– Никто не искал, и никто не терялся, – оборвал его милорд, – в Муллер-доме никогда ничто не терялось и не потеряется!

Но запавший старческий рот всё бубнил:

– Принц Ачорген, третий секретарь нашего благодетеля и Повелителя, полюбил вас с первого взгляда... Ему первому вы станцуете хрустальное фуэте, или второму, если пожелает Сам... Говорят, наш благодетель и Повелитель уже справлялся о вас и ваших успехах в танцах. Беда, если вместо симпатии вам придется испытать Его гнев!

Принцессу отвели в шатер. Брок метнулся за ней. Старичок тоже устроился в шатре и подал знак рукой. Внезапно шатер окружили металлические стены. Под куполом вспыхнула лампочка, и упакованный в металлический футляр шатер начал падать вниз.

В герметически закрытой кабине Броку трудно было определить скорость падения, вдобавок ничто не шлохнулось и падение проходило без малейшего шума и тряски. Кабина словно и не двигалась, но он чувствовал, что они с бешеной скоростью летят в

пропасть. На мгновение перед глазами у него вспыхнул знакомый желтый огонек, но он сразу отогнал видение.

Старый сводник внимательно разглядывал заплаканные лица. Кое-кто ещё всхлипывал, по чьей-то щечке ещё текла слезинка, но рыдания стихли. Они устали отчаиваться, да и в глаза рвутся новые, любопытные картины – вон они, так и мелькают.

Адмирал в этом мчащемся вниз колоколе вел себя с дамами на удивление корректно. Он сидел в сторонке, подтянув брюки и зажав ладони между колен, видимо, чтобы не возникло подозрения, будто он намерен приставать к своим соседкам. Фуражку он сдвинул на затылок и заговорил с притворным добродушием:

– Как видите, дорогие дамы, ничего страшного с вами не случилось, да и не случится. Вы испугались, что не попадете на свои планетки? Клянусь Муллером, мы сейчас летим на одну премиленькую звездочку... Это звезда танцев... Танцы и любовь... Мадам Верони вас научит в своих салонах и тому и другому. Она-то, конечно, уже не танцует, по причине изрядной полноты, но возглавляет танцевальный университет, где преподают знаменитости старого мира... Не бойтесь, мы выбрали вас не только за смазливые мордашки – ваши фигурки, ваши ножки победили в тайном состязании спящих красавиц... Вон тех двух пупсиков тоже я отыскал, – при этих словах морщины

старого сводника изобразили нежную улыбку, – я сжалился над образцом столь совершенной симметрии... И папочек для вас, сиротинки мои, тоже найдем – каждой по одному. Но сначала вы пойдете в школу. Мадам Верони обучит вас азбуке любви. А вы, принцесса, вернетесь на виллу «Тамара». Искренне вам советую: разучите хрустальное фуэте. Без танца в Гедонии карьеры не сделать... Ублажите принца Ачоргена. Неужто не понимаете, что все женщины там, внизу, без ума от него, а среди них есть и принцессы... Это великий человек – правая рука гениального, божественного Муллера. А какой кавалер! Целый этаж Гедонии занимает, три тысячи комнат. Он покровитель художников, артистов, музыкантов Муллер-дома. Если вы ему угодите, он возьмет вас в жены! Клянусь Муллером, он сумеет вас обеспечить, даром что уже содержит в гаремах около полусотни жен...

Принцесса смотрела в потолок и молчала. Гордая, не сломленная, она будто светилась изнутри холодным как лед светом. Зато Брок ловил и впитывал каждое слово адмирала, как иссохшая земля – влагу.

Неожиданно кабина-шатер мягко, без толчка остановилась. Складные металлические стены поднялись, лампа погасла, и шатер очутился посередине огромного розового зала. Броку показалось, будто здесь только что стихла музыка. Со всех сторон

бежали разгоряченные, потные люди. В мгновение ока шатер окружило жаркое кольцо человеческих тел. Прекрасные лица женщин – ярко накрашенные губы, влажные, блестящие глаза, устало прикрытые тяжелыми длинными ресницами. И лица мужчин – с виду молодые, гладкие от жидкой пудры, но что самое странное – почти у всех бородки: черные, белокурые, рыжие и непременно раздвоенные. Брок вспомнил обитателей города авантюристов, да и старый сводник носил бороду той же странной формы. Брок смекнул, что таков, вероятно, последний крик моды в Муллер-доме. Однако задумываться над подобными пустяками было недосуг. Адмирал первым выскочил из шатра и тщательно расправил брюки, чтобы заглаженная стрелка приобрела изначальный вид.

– Мадам Версии, мадам Версии! – позвал он.

Из толпы вынырнула грудастая толстуха в роскошном платье из какой-то зеленой чешуи. Прелести её давным-давно утонули в складках жира, а рот, подпертый чуть не десятком подбородков, находился куда выше адмиральской макушки.

– Ну вот, привез вам новых ангелочков, – скороговоркой забубнил сводник, – правда, отрастить им крылышки – это уж ваша забота. Думаю, выбор удачен...

Мадам Верони сверкнула золотым лорнетом в сторону грустных пленниц и от удовольствия заколыхала подбородками.

– Замечательно, адмирал, – сказала она сладким голосом. – «Вселенная» никогда не подводит. Эти розовые куколки прелестны – даже на Венере не было бы стыдно за нашу старушку планету. Приходите завтра, я с вами рассчитаюсь! – Неожиданно мадам Верони всплеснула руками. – Клянусь солнцами! Это же наша Тамара! Адмирал, вы что, ослепли от звездной пыли?

Сводник под прикрытием темных очков тихонько хихикнул.

– Вы действительно думаете, что в мои сети ловится только мелкая рыбешка, мадам?

– Идите сюда, моя дорогая, – зашебетала мадам Верони, обращаясь к принцессе, – до чего ж вы бледная! Я отведу вас в вашу виллу. Там всё осталось как раньше, сами увидите, идемте, дитя мое!

Но старый сводник не отдал добычи.

– Побудьте-ка лучше со своими ангелочками, мадам, они тоже устали! Дайте им теплой воды для ног, а принцессу предоставьте мне! Я сам отведу её куда нужно... Пойдемте, принцесса!

– Идите, – шепнул Брок.

Принцесса чуть заметно улыбнулась. Так они и вышли из зала – принцесса, адмирал и Брок.

XXI.

Улица Эльвиры Карп. – Вилла «Тамара». – Петр Брок решает идти за адмиралом. – «Я покидаю вас на время...» Улица Берты Бретар. – Проспект Анны Димер.

Площадь. Стекланные дворцы вокруг – точно стены гигантского бассейна, на дне которого копошится людская толпа. Невероятно широкие проспекты разбегаются отсюда звездными лучами, теряясь в необозримой дали. Театры, рестораны, кинозалы, музеи, игорные дома, храмы – всё из стекла, полуматового, полупрозрачного. Аллея фонтанов и хрустальных статуй, словно бы созданных из воды, – блеснут на мгновение в луче света и вновь исчезнут, как их и не было. А надо всем этим – лазурный стеклянный свод с незаходящим солнцем...

УЛИЦА ЭЛЬВИРЫ КАРП.

*Донна Эльвира была четвертой возлюбленной
Великого Муллера.*

Эти слова, багровой кляксой расплывшиеся по стандартной серебристой табличке на угловом здании, ударили в глаза Броку. Брок запомнил название улицы на всякий случай: вдруг он заблудится в невероятном лабиринте Муллер-дома? Но нет, он не вправе заблудиться! Не спуская глаз с принцессы, он шел за ней по пятам, шаг за шагом. Смотрел на её стройные ноги в траурном шелке и внезапно ощутил страстное желание коснуться их рукою. Увидел их нагими и рядом, совсем рядом – себя, прозрачного как стекло. Увидел свои невидимые, жадные руки, ласкающие сонное тело... И тут же его охватило презрение к себе. Ведь он же поклялся ей помочь! Да, он к ней прикоснется, но затем только, чтобы она знала о его присутствии! Так он обещал!

Между тем позади оставались проспекты, перекрестки, дворцы. Аллея гигантских кактусов и пальм, цветочные ковры, оранжереи, озерца, особняки, обвеваемые веерами финиковых пальм, – всё говорило о том, что они очутились в богатых аристократических кварталах.

Вот наконец и коттедж, на фронтоне которого красуется надпись:

Вилла «ТАМАРА».

Старый адмирал поклонился принцессе.

– До свидания, гордая грешница! Я пошел к Муллеру! Молитесь ему, чтоб он был милостив к вам в своем гневe! Его доброта бесконечна...

Брок стоит на пороге, принцесса, не оборачиваясь, поднимается по прозрачным ступеням. Дверь захлопывается, но фигура принцессы ещё видна за стеклом. Постепенно очертания её расплываются и наконец исчезают совсем.

Что делать? – заколебался Петр Брок. Идти за принцессой? Нет! Ей пока опасность не грозит! А этот мерзкий негодяй направляется к Муллеру! Итак, за ним!

Брок быстро вырвал из блокнота листок и написал:

«Принцесса! Я покидаю Вас на время. Некого к себе не пускайте. Держитесь! Меня Вы узнаете по нашему знаку.

Ваш друг».

Он взбежал по лестнице, опустил листок в прозрачный почтовый ящик и устремился за адмиралом. Догнал его на перекрестке и вдруг испугался: а сможет ли он потом найти эту тенистую улицу? Как она называется?

УЛИЦА БЕРТЫ БРЕТАР.

Актриса Берта Бретар бросилась с вершины Муллер-дома от несчастной любви к Великому Муллеру.

– было написано на серебряной табличке.

Муллер! Всюду Муллер! Неужели все улицы на этом этаже носят имена его несчастных любовниц? Неужели этот бог так чванлив и мелочен? Но как бы там ни было, надо хорошенько запомнить это название, чтобы не потеряться... Затем они свернули на

ПРОСПЕКТ АННЫ ДИМЕР.

которая, судя по надписи на табличке, была сожжена за то, что из ревности к Муллеру убила королеву Гертруду.

Проспект заканчивался дворцом на хрустальных столбах. Широкая лестница, ведущая к нему, казалась черной от множества людей в цилиндрах. На фронтоне горели красные как кровь неоновые буквы:

БИРЖА.

XXII.

Золотой муравейник. – Жирный идол под балдахином. – Хрустальные уста динамика. Техника биржи. – Петр Брок узнает кое-что о себе. – «...скажите ещё – социалист...»

Старый сводник остановился у подножия лестницы. Снова расправил складки на брюках, пересчитал звезды на груди и осторожно двинулся вверх по ступенькам. Брок следовал за ним по пятам.

Они вошли в огромный стеклянный зал. Под золотой гроздью матовых шаров кишела черная толпа. Изящная парадная лестница вела на обнесенную балюстрадой галерею. В углу под золотым балдахином в ярко-алом кресле – золотая фигура невероятно толстого, с двойным подбородком, божества. В потолке над ним – выпуклая линза. От неё, как от солнечного диска, расходятся золотые лучи. Может, в это огромное увеличительное стекло чей-то гигантский глаз, как микробов под микроскопом, рассматривает людей.

Толстые ковры гасят звуки шагов, слышен только шорох шелковых фраков, трущихся друг о друга. Лица – как тусклые пятна, лишь поблескивают глаза да белые квадраты манишек, похожие на дверцы, открывающие доступ к механизмам этих черных манекенов, которые начинают двигаться, стоит завести пружину, спрятанную где-то под фалдами. Правые руки взлетают на определенную высоту, тянутся друг к другу и смыкаются, как противоположные полюса магнитов. Толстые пальцы этих рук унизаны золотыми перстнями.

Всё кругом в непрерывном движении – однако же пути их никуда не ведут. Люди пробираются в тесноте мимо друг друга, снуют по запутанным кривым, возвращаются, собираются в группки и тут же расходятся.

Доносятся бессвязные слова, гортанный смех, выкрики.

Петр Брок совершенно заблудился в этой сутолоке. И адмирала своего потерял... Он словно попал в муравейник и сам превратился в муравья. Перебегал с места на место, пролезал, подлезал, слушал, наклоняясь к черным клочьям бород и ловя несущиеся со всех сторон восклицания.

Лишь немного погодя, когда Брок стал разбирать целые фразы, он понял, что главные сообщения шли из хрустальной трубы, установленной на возвышении напротив входа в углу зала, а на фасадной стене, на белом экране, мельтешили надписи, лозунги, цифры и какие-то странные знаки, которые сквозь хрусталики глаз проникали человеку в сознание, запечатлевались в мозгу.

Только теперь Брок начал догадываться, что собой представляет Огисфер Муллер! Сколь чудовищной силой и властью наделен этот таинственный человек, который находится всюду и нигде! Здесь шел неравный бой муллеровских мулльдоров с нищенскими валютами других стран. Здесь имя его произносилось тысячу раз на дню, тысячью уст. Оно звучало как заклинание, как победный клич, как мольба о пощаде, как хруст костей под кованым сапогом. Линза в потолке была его оком! Микрофон в стене – его ухом!

Хрустальный динамик – его устами! Его рука может вдруг высунуться из потолка, сам он может вдруг возникнуть в зеркале...

Как знать, не присутствует ли он здесь в эту минуту – в образе биржевого игрока, маклера или лакея... Никто его не видел, никто не ведает...

Постепенно Петр Брок сориентировался. Напрягая зрение и слух, различил в неистовых выкриках, несшихся из динамика, слова и цифры, которые толпа подхватывала на лету и повторяла, как эхо.

ДИНАМИК. Куплю пятьдесят черных акций...

ЭКРАН. Курс: 29, 30, 31, 32, 33...

ГОЛОСА. Слышите, Муллеру нужен уголь...

ЭКРАН. Курс: 35, 36...

ГОЛОСА. Солиум улетучивается...

- Рудокопы бунтуют...
- Дело пахнет революцией...
- Они разрушили лестницу Р...
- Заминировали шахту Б...

- Я предлагаю пятьдесят...
- Держись...

ЭКРАН. *Курс: 38,39...*

ГОЛОСА. Витек из Витковиц лезет из берлоги...

- Голова ещё не вылезла...
- Как вылезет, так и слетит...
- Предлагаю сорок...

ДИНАМИК. *Куплено...*

ГОЛОСА. Муха проглотила слона...

- Сегодня я миллионер...
- Подождем ещё...
- Он с нами играет...
- Стать богаче он уже не в состоянии...

ДИНАМИК. *Куплю двадцать тысяч пар рабочих рук...*

На экране пляшут цифры биржевых курсов, но Брока это уже не интересует. Он переходит от группы к группе, прислушиваясь к разговорам:

- Черные по два муллдора!
- Муллер берет только белых!
- Я купил желтых, они лучше работают!
- Но быстро изнашиваются!
- Предлагаю белых по пяти муллдоров. Товар из Испании!
- Они тупы и ленивы...
- Французы сноровистее, я выброшу их на рынок, когда поднимется франк...

ДИНАМИК. *Куплено...*

- Продам пятьдесят вагонов таблеток «ОККА»...
- Товар двести пятьдесят шесть!
- Не требуется! Старые запасы!
- Склады ломаются.

- Неделю назад купил полвагона. Для тысячи ртов на пять лет хватит!
- Да, мсье, таблетки дешевы, зато рты дороги!
- В три месяца вместо завода – лазарет...
- Специфический недуг – высыхание крови...
- Тс-с-с!
- А Индия – кому она говорит спасибо? А? Наши таблетки спасли в голодный год миллионы людей!
- В конце концов любая машина иной раз портится, а людей изготавливать нет нужды!
- Сама природа обеспечивает их перепроизводство!
- Без таблеток, Великий Визирь, в наши дни конкуренции не выдержишь!
- Таблетка – это не пища, это смазка для механизма!
- Голодный, алчный, ленивый, а вдобавок чувствительный механизм! Неужто он себя окупит?
- Строго между нами, Ференц, дикари и те их не жрут, не говоря уж о собаках!
- Я семь лет кормил ими своих патагонцев. Ни один не выжил...
- Тс-с-с!

- С позволения сказать, пан не понимает сути дела... Надо уметь смазывать механизмы... двести пятьдесят – пся крев!
- Господа, они ещё упадут в цене!
- Все мы сыты по горло этими таблетками!
- Добрый Муллер ещё сбавит цену... для нас, нищих...

ДИНАМИК. Куплю полкилограмма радия...

- Слушайте, слушайте!
- Джентльмены, кто может нынче продать его?
- А зачем он ему нужен, мсье Франк?
- Ему лучи нужны, синьор, хе-хе-хе... (шепотом на ухо) для лечения рака
- тс-с-с!...
- Ему лично?
- Тс-с-с!!!

ДИНАМИК. Продам трон персидского шаха...

- Снова?
- Не удивляйтесь. Кто этого не пробовал...
- Аллану Горру там было весьма не по себе...
- ...народ – он как мокрая тряпка, милорд: чем больше жмешь, тем меньше капает...
- ...я, мистер, просидел в Египте тридцать пять дней за пятнадцать мулلدоров... дорогое удовольствие... Поцарствовать мне захотелось. И царем хорошим быть, и денег заработать. Только царь из меня никудышный, а бизнесмен – и того хуже... господи боже...

ДИНАМИК. Сдам в аренду пятьсот шестьдесят четвертый этаж Муллер-дома...

- Ха! За сколько?
- Хоть сейчас беру!
- За сколько?
- Семьсот пятьдесят!
- Нужны помещения для канцелярий...
- Хочу устроить пансионат.
- Нужен склад!

– Начиная с девятой сотни и выше – поверьте, господа! – виден Гаурисанкар!

– Почему бы не поверить, ведь там психушки, ха-ха-ха!

– Тс-с-с!!!

– На вершине Муллер-дома находится огромная подзорная труба. Если Ваше Высочество взглянет в неё на горизонт, то увидит там опять-таки Муллер-дом и себя на его вершине, правда со спины – хи-хи-хи-хи...

– Тс-с-с!!!

ДИНАМИК. Продам звезду К-99 вместе с нынешним урожаем...

– А что за урожай? Огурцы, бананы или, может, помидоры?

– Ишь, заинтересовались, герр Серафин! Неужто думают, что Он соберет урожай, привезет сюда и сунет им под нос?

– Я отведал яблоко со звезды К-84! Их было всего два: одно съел сам Великий Муллер, а второе – я. Этот каприз обошелся мне в триста мулلدоров... Слов нет,

чтобы описать его изумительный вкус! Райское наслаждение, Ваша Солнечная Светлость!

– А я. Ваше Высочество, пробовал кинесы со звезды К-74... Они слегка пьянят, словно шампанское, в них есть какой-то звездный алкоголь...

– Кто полетит на эту К-99? Ну, допустим, скуплю я весь урожай. А кому мне потом его сбыть? Самому, что ли, всё съесть?

– Я отведаю ядовитого огурчика и пойду, синьор, ладно?

– Тс-с-с!!!

– Ещё бы, теперь модно иметь собственную звезду! Представьте себе, дон Ортего-и-Коста, маркиза де ла Рошфуко тоже обзавелась звездой, хи-хи-хи-хи...

– Для нас это мертвый капитал!

– Ну кто рискнет туда полететь, герр Апфельбаум?

– У меня сын на ЗЕТ-19, уже пять лет...

– Ещё никто не возвращался...

– Тс-с-с!!!

– Надо быть сумасшедшим, чтобы из рая возвращаться в ад...

– Я всем в Муллер-доме доволен, барон!

– Наш благодетель, наш Великий Отец и Господь...

– Ну конечно, все мы в руке божией, раз Он есть над нами...

– И Он простит нам, грешникам, наши заблуждения...

ДИНАМИК. Один мулльдор – девятьсот тридцать два дуката...

– Гляньте, Ваша милость, мулльдор упал!

– Упал!

– Впервые!

– Да, впервые!

– Уж не думаете ли вы?..

– Сохрани меня великое М!

– А что вам известно. Ваша милость?

– Ничего, ничего...

– Ну зачем же ломать комедию?

– Между нами, Ваша милость, может, происшествие в этом притоне, в «Эльдорадо»...

– Значит, по-вашему...

- Нет! Ни в коем случае! Вздор! Разве что-нибудь может угрожать Муллер-дому?...
- Конечно же, нет, но...
- Но?
- Муллеру лично доложили о том, что там произошло! Что-то невероятное, немыслимое...
- Если верить слепому Орсагу...
- Все в один голос твердят...
- Я сам ничего не понимаю!
- Чулков слышал голос!
- Орсаг его видел!
- Кого?
- Стекланный сосуд в виде человека!
- Существо из фарфора!
- Дьявола!
- Бога!
- Призрака!
- Чулков – старый обманщик!
- Орсаг накурился опиума! Тот человек был не из стекла и не из фарфора, а из паров опиума!

- А как же перестрелка с Незнакомцем?
- Бред пьяниц!
- А то, что Орсага вызвал сам Муллер?
- Тс-с-с-с!

ДИНАМИК. *Продам Муллер-дом...*

- Слушайте! Слушайте!
- Муллер продает Муллер-дом!
- Возможно ли?
- Что происходит?
- А вы что, пан, не знаете? Он часто с нами, со своими подданными, этак шутит. Как говорится, шалости великих мира сего...
- Поистине Он прозорлив и великодушен! Поймите, сэр, Муллер не придает значения созданному им миру, даже пренебрегает им, более того, он готов в любую минуту разогнать всю здешнюю барахолку! Захочет – и Муллер-дом продаст, Ваше превосходительство... Хоть это и чудо из чудес...
- Продаст...

- Продаст...
- Продаст...
- Только для этого нужен ещё и покупатель...
- И все-таки. Ваше Величество, с Его стороны благородно...
- Муллер – демократ!
- Филантроп!
- Скажите ещё – социалист...

XXIII.

«Покупаю!» – Два голоса вступили в единоборство! – Петр Брок представляется Муллеру. – Свидание на улице Алисы Мур.

Меж тем как по залу шелестели такие вот разговоры, динамик объявил второй раз:

- Продам Муллер-дом!
- Покупаю!!!

Этот голос грянул где-то посреди зала и вмиг разорвал завесу тайных намеков, перешептываний,

перемигиваний. Это был камень, брошенный в зеркало, в котором до сих пор задумчиво и покорно отражался зал.

- «Покупаю»! Он покупает Муллер-дом!
- Возможно ли такое?
- Ведь всем известно, что это знаменитая шутка Муллера!
- Неужели здесь присутствует кто-то ещё более могущественный, чем сам Муллер?
- Ведь что такое Муллер-дом? Золотой столб, одним концом вбитый в ад, а другим вознесшийся к небу!

Казалось, что даже голос, несущийся из хрустального хобота трубы, поперхнулся от неожиданности и умолк. На миг всё сковала жуткая тишина. Потом оцепенение прошло, и хрустальная труба снова заговорила. Но теперь голос был совсем другой: твердый и жесткий. Не голос, а скрежет пыточных орудий:

- Пусть человек, который покупает Муллер-дом, выйдет вперед!
- Я здесь!

Петр Брок в этот момент действительно находился посреди зала. Он влез на гигантского прозрачного Атланта, держащего на плечах золотой шар. Статуя как

бы таяла в воздухе, и шар парил в пространстве, словно гаснущее солнце.

Вот на этот шар Брок и уселся. Отсюда он мог безбоязненно задавать свои вопросы и выслушивать ответы. Брок отважился на этот ход в игре, инстинктивно ощущая близость Огисфера Муллера. Человека, который тем загадочнее, чем больше пытаешься его разгадать. И тем отдаленнее, чем ближе к нему подходишь.

Наконец – то я нашел место, где – можно с ним поговорить. Если из хрустального горла действительно звучит его голос, тем лучше! Победив его голос, который узнаешь среди миллионов других голосов, я наполовину справлюсь и с ним самим! Найти бы теперь губы, его рождающие! Ту изложницу, где он стынет и твердеет, как железо, – чтоб вонзиться в тела мучеников!

Динамик прохрипел:

– Кто ты?

Ото, как любопытен господин Муллер! Разве Он не всеведущ? Брок и сам толком не знает, кто он такой. А думать об этом – всё равно что клещами сдавить виски, до хруста в костях... И потом, всё это как-то связано с желтыми огоньками, возникающими в его снах! Нет! Думать об этом нельзя! Надо верить

документам, которые лежат в бумажнике. Поэтому он должен бродить по Муллер-дому призраком, человеком без тела, голосом, который обязан совершить убийство во имя искупления!

Динамик снова захрипел:

– Кто ты?

И сыщик ответил:

– Петр Брок!

– Петр Брок? – презрительно повторил голос. – А я Огисфер Муллер!

– Твое имя меня не интересует!

Черные цилиндры у подножия статуи прямо-таки забушевали. На лицах застыло изумление. Чего добивается этот голос над их головами? Что это за Петр Брок, которого не интересует имя Огисфера Муллера?

Человека, которому принадлежит вселенная?

Человека, могущественного как бог?

Неужели он ещё более могуществен, этот второй голос, который идет откуда-то из пространства и насмехается над самим Муллером?

Петр Брок!

Чье это имя – человека или нового бога?

Одно бесспорно – два голоса вступили сейчас в единоборство! Прощупывают друг друга, пробуют силы перед будущей схваткой. Это чуял каждый. Но кто победит?

– Господин Муллер! Я хочу с вами встретиться!

– Пусть Петр Брок зайдет к Бону Арабу, агенту номер сто девяносто девять!

– Мне не нужен агент! Я требую встречи с Муллером!

– Что задумал голос, который покупает Муллер-дом?

– Сначала я хочу задать вопрос! Маленький вопрос на ухо! Почему это вы решили продать свой домишко, да ещё так внезапно?

– Здесь вопросы задаю я!

– Только после меня, господин Муллер! Я знаю ваши дороги к звездам! Я проник в ваши кошмарные тайны! Звездный концерн «ВСЕЛЕННАЯ»... Чем не крематорий? Сколько у вас акций, господин Муллер?

И как ни странно, уже другой, куда более старый голос задумчиво ответил Броку:

– Хорошо, пусть Петр Брок придет сегодня вечером на улицу Алисы Мур, триста пятьдесят четвертый этаж, комната номер девяносто девять.

– С кем он там встретится?

– С Огисом Муллером!

XXIV.

Святилище Огисфера Муллера. – Вино «Вознесение на небо». – Петр Брок снова искушает бога Муллера. – Три выстрела в ковер.

Представившись таким образом всемогущему Муллеру, Петр Брок, однако, не решился сразу спуститься с золотого шара Атланта. Он дождался, когда толпа внизу поредеет и начнут гаснуть матовые гроздья на потолке. Лампы потухли неожиданно и все разом. Тьма, беспросветная, черная, варварская, заживо похоронила Брока!

Вот ужас! Как он отсюда выберется? Как найдет выход? Как вернется к принцессе, которую покинул на улице Берты Бретар?

Теперь он уже раскаивался в своем легкомыслии: а вдруг ей сейчас грозит опасность? Вдруг ему не удастся найти дорогу назад?..

Брок слез с шара на ковер и медленно двинулся вперед.

Внезапно его рука коснулась чего-то холодного. Ура! Это стена, которая выведет его к свету! Скорее вперед! Он зашагал, скользя ладонью по гладкому мрамору.

Наконец – то! Низкая дверь. Узкий коридор и снова дверь. Брок открыл её. И увидел свет.

Что это – храм, варьете, музей, кофейня или, может, паноптикум? Черт его знает! На ярком цветастом ковре стоят круглые столики, а вокруг них – глубокие лиловые кресла на колесах. Над спинками торчат головы людей, которые курят или потягивают из серебряных бокалов какой-то горячий красный напиток. Аллея светящихся колонн ведет к возвышению, на котором под синим звездным куполом находится нечто вроде алтаря. Видимо, это и в самом деле алтарь, судя по симметричному расположению электрических свечей, цветов и пальм. Над алтарем в овальной раме из лампочек изображение толстого, одетого в пурпур человека. Он сидит на троне, в монаршем венце; борода у него окладистая, раздвоенная. В одной руке он, словно царскую державу, сжимает глобус, а в другой, вместо скипетра, – дом в тысячу этажей. Голову его окружает нимб из золотых звезд.

Это всё тот же бодрый толстяк, чье изваяние Брок уже встречал на бирже. А здесь, над этим образом, полукругом горят фиолетовые буквы:

Господу Муллеру!

Но больше всего Брока поразило то, что он увидел в нефях святилища, если, конечно, это был храм. В меньших по размеру алтарях стоят восковые фигуры святых и мучеников, которые качают головами, молитвенно складывают руки, шевелят губами, вращают глазами и неуклюже передвигают какие-то непонятные предметы.

В одном из алтарей стоит под стеклом восковая женщина в русом парике, белых ризах, с блаженной улыбкой на лице. Она глубоко и ровно дышит, грудь её мерно подымается и опускается, а вот голова поворачивается трогательно и забавно, по-кукольному. У ног женщины тянет вверх руки коленопреклоненная девочка. её жесты совпадают с поворотами головы у девы в белом – вверх-вниз, вверх-вниз.

Что – то в этом зрелище поразило Брока до глубины души. Вначале он никак не мог понять, что именно. Только потом сообразил. Нечто подобное он уже видел.

Когда-то давно, очень давно... он будто возвратился туда, где побывал много тысяч лет назад... Цепочка стеклянных гробов, а в них восковые фигуры героев прошлого, чье неспешное дыхание регулирует часовой механизм. Вот лежит полная белотелая женщина, скрестив ладони на белом холме груди, колышущейся в такт дыханию. Вот атаман разбойничьей шайки, вот убитый император, а рядом - знаменитый его убийца...

Где, где всё это было?.. И когда?

Брок напрягся, вспоминая, и почувствовал, как виски сдавило клещами. Не обращая внимания на боль, он зажмурил глаза и снова стал рыться в памяти. И вдруг увидел желтый огонек лампочки под балкой, изъеденные древоточцем столбы и серые нары, на которых что-то шевелится... Прочь! Прочь, кошмарный призрак! Ведь я же сейчас в храме, возведенном в честь всемогущего, вездесущего, двубородого господина бога Муллера! Здесь полно верующих, они лениво развалились в светло-лиловых креслах и в ожидании чего-то потягивают красный напиток. Чуть дальше высится кафедра в виде золотой лилии. И словно огромный, чудовищный пестик, торчит из неё жирное брюхо в лиловом облачении и голова в стеклянной девятиярусной тиаре, в которой светится лампочка.

Брок заметил, что на мясистом лице двигаются губы. И только теперь обратил внимание на чей-то голос, который не мешало бы послушать.

Это молился жрец:

– О повелитель, владыка и монарх наш,

Ты, чье имя

Огисфер Муллер,

что значит «Вечный странник на пути к высотам»,

Ты, сотворивший дивное диво,

коему изумляться будут

все грядущие поколения, – «Муллер-дом»,

мост, ведущий в небеса...

Повелитель, монарх наш, Огис Муллер,

заполняющий собою

всё пространство мира,

дай услышать глас Твой,

укрепи усомнившихся...

Жрец откашлялся и возвел глаза к потолку, словно и впрямь ожидал, что сейчас прозвучит глас небесный. Но, так как никто на его призыв не откликнулся, он продолжил молитву:

*– Да свершится воля Твоя
как на Земле,
так и на звездах.*

*Услышь молитву нашу, Великий Муллер,
единственный и вечный!*

Узри, как смиренно молим Тебя!

*Молви одно лишь слово,
и вином радости наполнятся
наши души...*

Жрец глубоко вздохнул и в третий раз начал:

*– Всевидящий, вездесущий, всеслышащий Огис
Муллер,
Странник на пути к высотам,*

*бог всех богов,
повелитель и владыка всех звезд!
Средь миллионов выбрал Ты планету сию,
дабы пребывать на ней.
Небо Твое Ты создал здесь, у нас,
и планету нашу сделал
звездой-избранницей,
звездой божественной... Повелитель Огис Муллер,
Странник на пути к высотам,
услышь молитвы наши!*

– Слышу! – раскатился под куполом могучий голос.

Жрец зашелся в религиозном экстазе, зазвонили колокола, грянул орган, послышалось пение. Верующие встали и подняли бокалы. Было ясно, что этот ритуал – часть храмовой службы и повторяется изо дня в день.

Жрец продолжал: – Господи боже, создатель Муллер-дома, царь Земли, властелин звезд! Все тайны вселенной и душ человеческих раскрываются пред Тобою, ибо сам Ты – величайшая из тайн мироздания. Ты зришь в глубины бесконечности и улыбаешься, ибо

видишь там самого себя. Ибо беспредельно зеркало Твое. Ты зришь в глубины душ человеческих и плачешь, ибо видишь на дне их глыбы грехов наших и считаешь удары вероломных сердец... Ты, создавший Муллер-дом, мост, ведущий в небеса, отпусти нам грехи наши! – Отпускаю! – ответил глас божий.

Затем началась проповедь, длинная и утомительная, во время которой имя Муллера склонялось во всех падежах с тысячью различных эпитетов.

Наконец верховный жрец сошел с кафедры и, подойдя к главному алтарю, принялся взывать к обрамленному лампочками господу богу Муллеру, умоляя его сотворить в это великое мгновение какое-нибудь чудо.

И сверху раздался голос:

*– Я сделал эту звезду сердцем вселенной
и вошел в тело человеческое на тысячу лет.*

*Пройдет время, и я снова уйду на другую звезду,
чтобы строить Муллер-дом –
дом в тысячу этажей.*

*Но вы, что поклоняетесь мне,
вкушая горячее вино*

«Вознесение на небо» –

*воплощение мое на этой планете, –
вы все будете жить на звездах
прекраснее и счастливее этой!*

*Для грешников, поносителей и врагов моих
я уготовил огонь и адские муки
в девяти мирах.*

*Но вам, дети мои,
я уготовлю райские кущи на звездах,
кои вы сами выберете
еще при жизни своей.*

*Поэтому говорю вам:
не жалейте этой планеты!*

*Не мешкайте, присмотритесь к звездам,
выберите себе блаженнейшие небеса!
Малoverные!*

*Ведь затем и вложил я солиум
в недра этой земли,
затем и создал корабли,*

*бороздящие океаны вселенной,
дабы приблизить к вам свод небесный
и повергнуть звезды к ногам вашим!*

*Тех, что веруют в меня,
ждет вечное*

*блаженство на звездах,
кои они сами выберут.*

*Аминь, аминь, говорю я вам,
собирайтесь в дальний путь,
не бойтесь расставаний!*

*Доверьте жизни свои
«ВСЕЛЕННОЙ»,
товариществу небесных перевозчиков.*

– Своре работорговцев и сжигателей трупов! Не верьте
Муллеру!

Это закричал Петр Брок. Решил ещё раз
спровоцировать этого фальшивого господа бога! Ему
было безразлично, кто там говорит – сам ли Муллер
или какое-нибудь подставное лицо; его возмутила

бессовестная реклама, которую мнимый глас божий
делает концерну сводников и работорговцев.

Безмерный ужас обуял верующих. Молния страха
ударила в воспаленный мозг, пронзила громоотводы
нервов. Падали бокалы, падали люди, теряя от ужаса
сознание. А сверху неся голос:

– Явился дьявол, дабы искушать бога!

– Не дьявол и не бог, явился человек, чтоб встретиться
с негодяем, развратником и убийцей тысяч людей!
Весь Муллер-дом сплошной обман, сплошное
мошенничество!

Ба– бах!

Выстрел!

Пуля свистнула над ухом Брока, словно бесстыжий
уличный босяк.

Еще выстрел!

Теперь перед носом, чтоб понюхал, чем пахнет. И
ударила в ковер рядом с первой.

Берегись!

Стеляют сверху!

Голос Брока – вот мишень для кого-то там, наверху! Да-да, смотрите, из окошка высовывается рука с браунингом!

Может, там Орсаг, который видит его своими височными линзами?..

Ба– бах!!!

Снова выстрел. Пуля снова угодила в ковер, рядом с двумя предыдущими.

Четвертого выстрела Брок ждать не стал. Он бросился к выходу, запруженному ошалелой от страха толпой. Брок вспрыгнул на этот клубок тел и прямо по спинам и головам миновал бурлящее ущелье портала, спустился по лестнице и первым выбежал на улицу.

Ну и ну! Перед ним опять был проспект Анны Димер, тот, в конце которого раньше стояла биржа на стеклянных столбах. Брок помнил, как из биржевого зала темным коридором проник в святилище Муллера, но совершенно не мог уразуметь, как они взаимосвязаны. Теперь вместо биржи в конце улицы высился храм со сверкающей надписью:

Господу Муллеру.

Вот загадка так загадка, но Броку было сейчас не до неё, потому что его тревожил другой, более важный вопрос: что с принцессой, которую он так легкомысленно оставил на вилле «Тамара»? Не грозит ли ей опасность?

XXV.

Лицо принца Ачоргет. – Глаз Муллера в спальне принцессы. – Лифт в Гедонию. – Снова желтый огонек.

Когда Брок прибежал к принцессиной вилле и стал сквозь прозрачные стены заглядывать в комнаты, оказалось, что все они занавешены изнутри шёлковыми шторами, ниспадающими с золотых карнизов до пола. Из одной комнаты с лазурно-голубыми гардинами доносились два голоса – мужской и женский. В узкую щелку между занавесями Брок увидел сидящую принцессу, а напротив неё, на турецком диване, – мужчину.

Подкрасться к этой комнате, неслышно приоткрыть стеклянную дверь, скользнуть между складками шторы прямо на глазах у незнакомца – всё это Брок проделал ловчее и проворнее, чем сам ожидал. Очутился он в будуаре.

Лицо, которое он увидел на голубом фоне занавеси, по меньшей мере вызывало удивление. И формой, и пропорциями оно отличалось от человеческого лица и могло появиться на свет разве что на какой-нибудь иной планете.

Само по себе оно, может, и было прекрасно, как прекрасна голова лошади, но в соседстве с привычным человеческим лицом повергало в изумление.

Это была физиономия необычайно узкая и длинная. Нос в профиль круто горбатился, словно клюв попугая. Глубоко посаженные глаза переливались желтым, зеленым, коричневым и синим, как бы обладая способностью по желанию менять цвет. Гладкая верхняя губа прямо-таки поражала своей непомерной длиной. Два седых клинышка элегантно подстриженной бородки были явно приклеены. Этот человек головы на две возвышался над принцессой; ноги у него были длинные и тонкие. Одежда на незнакомце – из белого шелка, как у теннисиста.

– Всё зависит от вас, – говорил он, – ведь обо всем можно ещё забыть. Ваш побег, принцесса, был смешон, но вызвал у Великого Муллера уважение к вам...

– А как он узнал о моем побеге?

Принц Ачорген сочувственно усмехнулся:

– Разве он не всеведущ? Неужели вы всерьез думаете, что ускользнете от его всевидящего ока? Он наблюдал ваш побег, следил за каждым вашим шагом точно так же, как сейчас наблюдает за нами со своего неба...

Ачорген с лицемерным благочестием указал на потолок, на круглую стеклянную линзу.

– Это и есть его око? – ужаснулась принцесса.

– А как же! На всех этажах, во всех комнатах он смотрит на свой народ, днем и ночью...

– Но ведь и у меня в спальне есть такой же глазок в потолке! – вскричала принцесса. – Какое бесстыдство!

– Но разве бог может быть бесстыдным, он же всевидящ. Конечно, он заглядывает и в вашу спальню, так же как во все спальни Муллер-дома! Вы не должны его стесняться именно потому, что он знает вас так же хорошо, как муж жену, хотя он ни разу ещё к вам не прикасался. Но теперь ему захотелось это сделать. Вы снискали его расположение! Идемте! Я поведу вас к нему!

– Никогда! – воскликнула принцесса, растерянно, словно в поисках спасения, озираясь по сторонам.

– Вы горды, – сказал Ачорген, и его глаза потемнели. – Таких женщин в Муллер-доме немного! А Муллеру как раз они и нужны. Танцевать вам больше не придется.

Он предлагает вам полную свободу передвижения по всем этажам! Вы будете блаженствовать в райских уголках Гедонии, лишь обещайте ему одну-единственную ночь!

– Лучше смерть, – мрачно ответила принцесса.

– Именно такого ответа и ждет Муллер! Если б вы бросились к нему в объятия, он отшвырнул бы вас! Он обожает сопротивление, мятежи, измены, и не только у мужчин, но и у женщин! Он будет добиваться вас, пока вы будете упорствовать. А когда получит свое, то в лучшем случае посвятит вам одну из улиц...

Принц Ачорген поставил на стол, прямо под параболической линзой в потолке, маленький бронзовый светильник, поднес к нему спичку, и тотчас из светильника вырвалось пламя, а круглое окошко подернулось сизой пеленой.

Неожиданно принц, подняв голову к потолку, разразился злорадным хохотом. В глазах его блеснул зеленый огонь.

– Итак, моя милая, прекрасная Тамара! Огисфер Муллер на десять минут оглох и ослеп! Мы можем делать все, что нам заблагорассудится, – он не увидит... Не бойтесь Муллера, пока я с вами! Лишь я могу вырвать вас из его когтей! Видите? Ради одной вашей

ослепительной, царственной улыбки я готов предать своего Повелителя!

Он хотел схватить её за руки, но принцесса в ужасе отдернула их.

Принц сразу помрачнел.

– Не бойтесь меня! Я не обижу вас... Мне только хотелось показать вам мою силу! Но прежде я хочу заслужить вашу любовь! Пойдемте со мной! Я покажу вам изнанку Муллер-дома, все механизмы, благодаря которым совершаются чудеса, раскрою секреты Его невидимости, вездесущности и всеведения. Об этих премудростях знаем лишь мы двое, Муллер и я! Хотите идти со мной?

– Идите! Я с вами! – прошепнул Брок и легонько погладил локоть принцессы.

А она вдруг схватила его руку и крепко её сжала. Брок поспешил освободиться, но жуткая образина принца Ачоргена даже не дрогнула.

– Пойдете? – спросил он почти умоляюще.

Принцесса боязливо огляделась и тихо ответила:

– Пойду!

Когда в усталом мягкими коврами лифте они падали куда-то в пропасть, Брок почувствовал, что с его

глазами опять творится что-то странное: стоило опустить веки, как ему виделся вокруг совершенно иной мир. И до того реальный, будто всё это никакой не сон! Снова и снова являлась перед ним проклятая пещера пустого черепа, которая снилась ему ещё тогда, в первый раз. Снова желтый огонек лампочки... Всевидящее стеклянное око Муллера обернулось в этом черепе дырой от истлевшего глазного яблока.

А вообще, эта дыра – окно в бараке, за которым воеет дикая снежная буря... Вместо тысячи этажей – три серых яруса нар, и на них, скорчившись, лежат люди. Подбородки уткнулись в колени, дыхание согревает стынувшую грудь... Но видение это возникает, лишь, когда закроешь глаза. Достаточно их открыть, как сразу оказываешься в Муллер-доме. Падаешь в пропасть, стоя рядом с принцессой, и видишь перед собой птичью физиономию принца Ачоргена, который предал господа бога Муллера!

Сколько мы уже летим?

Осторожно!

Ни в коем случае не закрывать глаз!

Сон подкарауливает...

А чтобы убедиться, что твоя принцесса не сон, надо коснуться её локтя,

и она улыбнется в ответ...

Итак, мы летим в Гедонию...

XXVI.

Монте-Карло в Гедонии. – Балерина на пуантах. – «Не верю я в ваши звезды...» – Император Марлок, бог Великого Солнца. – Принцесса выигрывает. – «Это на дороге!»

Красный зал, выстроенный в форме безукоризненного конуса, тонет в море света. Посредине – круглый стол, а на нем кружится на пуантах балерина из слоновой кости. Подойдя ближе, Брок видит гладко отполированную мозаику из драгоценных камней, металлов и дорогих пород дерева. Это карта мира. По ней скользит балерина на бриллиантовых пуантах. Игроки делают ставки на цвет государств, империй и островов. Выигрывает тот, на чьей территории замрет в своем танце балерина. Если на воде, то выигрыш забирает владелец игорного дома. Чем меньше территория, тем больше выигрыш.

Стремительная балерина скользит на бриллиантовых пуантах через континенты, моря, острова. Витки спирали, по которой она кружится, становятся все уже, вот она пересекает Урал, танцует по Сибири. Затем сворачивает к югу, покачиваясь уже, одолевает пустыню Гоби и, обессилив, падает в Индокитае.

– Цвет лунного камня. Сингапур. Выигрывает двадцать девятый...

Все уставились на худощавое желтое лицо, зашептались:

– Маньчжурский наместник Ша-Ра...

На лице у того не дрогнул ни один мускул. Лишь черные искры раскосых глаз алчно следят за стекающим к нему золотом.

А балерина снова танцует, звенит золото, столбики золотых мулلدоров растут и снова рушатся...

Брок, стоя у стола, кладет руку на высокую грудку монет: захочу – и всё это будет мое! Оказывается, могущество руки можно оценить, положив её на кучу золотых! Не Текучие ли это горы, о которых там, наверху, упоминал старик? Труд одного рабочего в течение года ценится в один мулلدор! Немыслимый курс!...

– Один муллдор равен шести миллиардам лир, – слышится за решеткой окна, над которым написано:

ОБМЕН ДЕНЕГ.

Брок взял из ближайшей кучи монету. На одной стороне её было изображено солнце, на другой – звезды.

Но кто эти люди с раздвоенными бородками, которые щедрой рукой, словно зерна птицам, швыряют золото на пестрое поле карты мира?

– Смотрите, принцесса, – Ачорген склоняется к своей даме, – новый король Сицилии Малькольм Брукс-паша! А рядом – одноглазый, с золотым воротником, это хан Ламартен, арендатор Сахары. Он до сих пор всюду побеждал, лишь тут терпит поражение, в «БАЛЕРИНКЕ»... А вон тот в лиловом костюме, с треугольником на груди, Сикстус, святой епископ бога Муллера, в прошлом барышник. Кто этот негр? Боксер Кайман. Он как раз беседует с адмиралом Д'Артуа, который приобрел на время титул «императора всех морей и распорядителя океанов». А толстяк рядом – Дар-Густ, сезонный инспектор африканского побережья, ему эта игра по карману, ведь он управляет

казной Муллера. За ним стоит лорд Эверс, негласный главный редактор всех газет старого континента. Вон тот сморчок с зеленой бородкой? У него на Марсе пароходная компания...

– Не верю я в ваши звезды! – вскричала принцесса, да так громко, что несколько бород испуганно повернулись к ним.

– Замолчите, ради бога, – злобно прошипел принц Ачорген, стиснув её запястье, потом добавил уже спокойнее: – Услышь вас этот зеленобородый мозгляк, и вам была бы крышка!

– Разве они не знают, что это обман?

– Тихо, тихо! Все знают и тем не менее делают вид, что верят... Такова воля нашего благодетеля! – неожиданно выкрикнул принц и с опаской глянул на круглое окно в потолке.

В этот момент к нему подошел красивый величественный старик. Его совершенно голый череп блестел от пота, отражая хрустальную люстру, подвешенную к вершине конуса.

Руки мужчин слились в пожатии.

– Слава Муллеру, цезарь! – сердечно воскликнул Ачорген. – Что нового на вашем солнце?

– Спасибо за внимание, принц, – ответил старик, и кожа его от лба чуть не до макушки собралась в морщины, – с ним одни заботы... Я был там неделю назад... И честно скажу, ох и трудно же быть справедливым богом! Я прекрасно понимаю Великого Муллера, когда он жалуется мне на бремя своих божественных деяний...

– Это принцесса Тамара, – представил Ачорген. – Император Марлок, бог Великого Солнца А-111.

– Слышал, слышал о вас, принцесса, – усмехнулся череп. – Вы, говорят, побывали на ЗЕТБ-1... в созвездии Гномов.

Принцесса хотела было возразить, но Ачорген опять стиснул ей руку и поспешно сказал:

– Неудивительно, принцессе захотелось маленьких живых куколок, решила привезти в детскую живые игрушки. Она ведь ещё ребенок... – И тотчас спросил, меняя тему: – Ну а вы? Везет вам в «Балеринке»?

– Я неизменно ставлю на черную территорию Индостана, – ответил голый череп, – один раз выиграл, и этих денег мне хватит ещё на четыреста шестьдесят восемь проигрышей. Страна-то маленькая, принц.

– А вы хотите сыграть? – спросил Ачорген у принцессы.

– Что же, пожалуй, сыграю, – принцесса улыбнулась как во сне, – и поставлю на свою страну! Она лежит на берегу Балтийского моря, там правит мой старый отец...

– Я бы вам не советовал, – сказал принц. – Смотрите, какую ничтожную часть карты мира занимает ваша страна. Словно комар на теле мамонта...

– И всё же я поставлю на королевство, которое проиграла... Быть может, сбудется моя заветная мечта...

– Если выиграете, – усмехнулся Ачорген, – к золоту, которое вы получите, я добавлю эту вашу «империю»!

– И я вернусь домой? – наивно спросила она, прижав к груди руки.

– Ну конечно! Я сам вас туда отвезу на своей ласточке, – шепнул принц ей на ушко.

Принцесса сделала ставку на красное, едва заметное пятнышко, на которое ещё никто никогда не ставил. Потому и выигрыш должен был быть немыслимо крупным.

Балерина вновь закружилась, начав свой танец с Острова Гордыни, из сердца мира. Бриллиантовая туфелька скользит по морям и по суше, а за ней неотступно следят лихорадочно блестящие глаза. Она проносится по лазури океанов, чуть замедлив стремительный бег, оставляет позади серое поле

Балкан, преодолевает в танце горы и реки, уходит всё дальше на север, и никто не видит руки, что направляет её бег...

Но вот будто внезапная судорога сводит её тело, предвещая близкое окончание танца. Последние нетвердые движения, и балерина падает, уткнувшись пуантами в красное пятнышко на берегах Балтики.

Это дело рук Брока.

Принцесса забирает целую гору золота и отходит от стола, провожаемая восхищенными взглядами.

– Это на дорогу! – радуется Тамара, меж тем как Ачорген обменивает золото на крупинки солиума, прячет их в мешочек и поспешно тянет принцессу к двери.

Следующий зал напоминает шестиконечную звезду, лучи которой удлиняются, отражаясь в зеркалах. Стол посередине повторяет форму зала, и на нем тоже кружится белая балерина.

Брок присматривается: здесь уже нет карты мира, здесь черное небо, усеянное звездами. И игра идет на звезды. Брок не прочь вникнуть, но времени нет. Принц Ачорген быстро пересекает зал, увлекая за собой принцессу.

XXVII.

*Опочивальня блаженных снов. – Культ наслаждений. –
Небожители под прозрачным потолком – беспокоятся.
– Откушенный палец*

Перед ними новое, не менее удивительное помещение, одновременно и спальня, и киностудия.

На роскошных диванах в полной прострации лежат спящие люди. Их открытые глаза наполовину вылезли из орбит, зрачки чернеют, точно кляксы на промокашке. Над ними корячатся на штативах кинокамеры, вертятся катушки с пленкой, объективы направлены прямо в глаза спящих.

– Это опочивальня блаженных снов, – пояснил Ачорген, – сонные порошки, которые сюда контрабандой завозят из Вест-Вестера, странным способом воздействуют на человеческий глаз. В зрачках людей, одурманенных такими порошками, можно увидеть их волшебные, причудливые, невероятные сны. Кинокомпания «СОНФИЛЬМ» нанимает этих несчастных, которые уже умом повредились от непрерывного употребления губительных пилюль и порошков. Снятые в их зрачках

сны-кинокартины демонстрируются затем на шелковых экранах гедонийских кинотеатров.

Ачорген наклонился к принцессе и доверительно сказал:

– Я покажу вам фильм, снятый со зрачков одного наркомана (он принимает исключительно таблетки «Фока»), и вы будете поражены, сколь изобретательна любовь в своих фантазиях! Вам одной я могу открыть тайну, что «СОНФИЛЬМ» использует эти цветные объемные ленты, чтобы демонстрировать переселенцам эротику на несуществующих звездах...

Потом они очутились в огромном помещении, так ярко освещенном, что на мгновение Брок ослеп. Когда же он наконец освоился, то лавина впечатлений буквально ошеломила его.

Во-первых, сверху падали розы. Собственно, даже не розы, а розовые снежинки, которые устилали высокие яркие холмы и гнезда всевозможных форм, размеров и оттенков, сооруженные из резиновых подушек.

И тотчас же в ушах Брока сладко запела приглушенная, словно доносящаяся из подземелья, музыка, трогательная в своей обманчивой отдаленности – то ли скрипка играет на вершине высокой горы, то ли виолончель плачет на дне пропасти...

Он подставил ладонь под розовые хлопья, которые разбрасывал хрустальный фонтан в центре зала, и почувствовал упоительно-жгучий холод; это было как огонь в лютый мороз, как прохлада среди зноя. Его словно пытали жаждой и в то же время эту жажду утоляли...

Вокруг, утопая в подушках, возлежали мужчины и женщины. Жемчужные ожерелья да повязки на бедрах были единственной их одеждой. Они хватали розовые хлопья губами, подставляли им тела. Нагие рабыни приносили на головах золотые блюда с дивными лакомствами и плодами.

Все взгляды были прикованы к потолку. Что же их увлекло? Вместо потолка – прозрачная плита, а на ней танцуют обнаженные мужчины и женщины. Бедра колышутся в ритме музыки, веки сомкнуты в ожидании любви и вожделений, ноги гнутся так, словно в них нет суставов.

– Это жрецы культа наслаждений, – объясняет Ачорген принцессе, которая прячет лицо в ладонях. – Отведайте этих хлопьев, снег любви со звезды АНДРАДИЯ. Он растает на кончике языка, и вы даруете прощение всем, кто поклоняется богине Андрадии.

Он сжал локоть принцессы и поднес её руку к струе фонтана. А принцесса, затрепетав, подставила под

розовые хлопья лицо. Словно в дремоте, она закрыла глаза и разомкнула губы. Ачорген победно улыбнулся.

– А теперь, моя девочка, взгляните вверх! Там вы должны были танцевать – на ваши бедра глазели бы эти бесполое хлюпики! Теперь же вы сами можете всем этим насладиться. Вы узнаете блаженства иные, более утонченные, ведь мы только начали свой путь по небесам!

Принц Ачорген обнял принцессу за талию и мягко прижал её к себе. Она не сопротивлялась. Если бы в это мгновение Брок посмотрел в её глаза, то увидел бы, как веки её трепещут от желания, как с её губ, разомкнутых страстью и жадно ловящих розовые хлопья, срываются хриплые вздохи...

Но Брок этого не видел. Среди запорошенных розовым снегом сибаритов он узнал лживую маску добряка адмирала в темных очках. Тот с упоением потягивался, по пояс утопая в мягчайших подушках, а на голой груди лежала серебряная звезда. Броку очень важно было знать, о чем он разговаривает с окружающими его «голышами». Все они лежали навзничь, лениво глядя вверх и изредка стряхивая с себя капли растаявших снежинок.

– Вы верите в чудеса, адмирал?

– Чепуха!

- А как вы объясните всё то, что происходит сейчас в нашем Муллер-доме?
- У нашего Великого Муллера и враги великие! Он может ими гордиться...
- До сих пор он уничтожал каждого, кто вставал на его пути!
- Но на этот раз опасность грозит с другой стороны...
- Вы хотите сказать – сверху? Да, синьор?
- Пока что над нами – чудесные картины... Революция стройных ножек, волнение крутых бедер...
- Смотрите, кардинал, вон те прелестные ножки я бы узнал среди миллионов...
- Сула Мая... даже танцевать научилась...
- А вон те девичьи икры...
- Хе-хе-хе! Разве вы их ещё не целовали?
- Муллер не боится даже дьявола...
- Не сомневаюсь. Но, прежде чем уничтожить этого дьявола, он должен его увидеть!
- Смотрите! Танцует Анна Мартон! Неземное зрелище!
- Восставшие рабы спустились на шестьдесят этажей!
- Каждый день по этажу!

- Ну, значит, их отделяют от небес ещё два года! Говорят, Витек из Витковиц сошел с ума...
- Ничего подобного. Он убит!
- Отравлен!
- Я слышал, что он за одну ночь на пятьдесят лет постарел!
- Смотрите! Кая Барардо танцует в «Балеринке» на карте мира!
- Она обошлась мне в шестьдесят тысяч... Я сто раз ставил на Сирию – и каждый раз проигрывал!
- Как по-вашему, адмирал, кто ж это отважился?..
- Слышен голос...
- Но тело-то где?.. Тело, из которого брызжет кровь, которое можно свалить на землю?
- Человек без тела!
- Вздор!
- Это бог!
- Он могуществен!
- Загробный голос!
- Зов космоса!
- Враждебная сила звезд!

– Метафизика тут ни при чем, сэр! Это опасность куда более страшная, чем все голоса и силы звезд и земных недр! Это человек!

– Человек? Вы сошли с ума!

– Не один человек, а группа людей, которые проникли в наши ряды, ряды служителей Муллера! Они ходят среди нас, вместе с нами поклоняются Муллеру и чтят его, посещают наши клубы, у них хватит золота, чтобы раскрыть все тайны Муллер-дома! Да, джентльмены, среди нас находятся предатели!

– А схватка в «Эльдорадо»?

– А словесная дуэль на бирже?

– А позор в святилище Муллера?

– В «Эльдорадо» стреляли!

– В храме тоже!

– Тайна «Вселенной» раскрыта!

– её акции упали с сорока тысяч до двадцати!

– У меня сотня акций!

– Если мы не уничтожим эту силу, она уничтожит нас!

– Чего вы боитесь? С нами Муллер!

– С нами он и падет!

– Тс-с-с!

– Господа, я знаю, как зовется эта чудовищная энергия, которая способна нас погубить!

– Как?!

– Петр Брок!

– Ну ещё бы, ведь он сам себя так назвал, когда Великий Муллер на бирже спросил, с кем имеет честь!

– А сегодня, сегодня они якобы встретятся на улице Алисы Мур в номере девяносто девять!

– Муллер и Брок!

– Девяносто девять – это зал пустых зеркал!

– Электрический пол с провалами люков-западной!

– Там сошел с ума Вернер, вожак первого мятежа...

– Там исчез Андре, непокорный редактор «Верхних этажей»!

– Оттуда так и не вышел предатель Олим!

– А если голос не придет в номер девяносто девять?

– Придет!

– А вдруг он не найдет дорогу?

– Но он же всюду!

- Значит, он вездесущ?
- Как господь бог Муллер!
- Стало быть, это новый бог!
- Стало быть, он находится и в этих стенах – среди нас!
- Попробуйте позвать его. Вот увидите, он откликнется!
- Нет! Зачем? Стоит ли играть с дьяволом!
- Муллер над нами. Чего вы боитесь?
- Танцует Дора О'Брайен, красивейшая женщина Парижа!
- Труссы! Ненормальные! Я позову его!
- Тише! Ради всех звезд, тише!
- ПЕТР БРОК!
- Остановитесь!
- Петр Брок! Если ты, чучело гороховое, находишься среди нас – явись!
- Молчите! Молчите!
- Если можешь, сотвори чудо, и я поверю в тебя!
- Хватит!

– Петр Брок! Я – банкир Салмон, вот моя рука. Если ты так могуществен (банкир поднял руку вверх), укуси меня за средний палец!

Тотчас же банкир заорал нечеловеческим голосом. Мгновенная острая боль – оборван нерв, фонтан крови, и средний палец с широким черным перстнем падает на блюдо, окропив белый салат из съедобных гиацинтов.

Все обмерли от ужаса.

Бледные щеки покрылись красными пятнами, красные посинели, синие от страха стали черными.

Но что Броку до гримас этого похотливого сброда под прозрачной плитой? Среди смятения и паники, обуявших поклонников богини Андрადии, он увидел принцессу: Ачорген подхватил её на руки и устремился в направлении, противоположном тому, куда бежали остальные.

Петр Брок бросился вдогонку.

Принцесса исчезла в углу за тяжелой коралловой портьерой. Брок откинул её и натолкнулся на белую дверь.

Он открыл дверь, но ничего не увидел.

XXVIII.

*Белая тьма. – Запахи и воспоминания. – Снова огонек
лампочки. – «Это мое прошлое!»*

Молочно– белый, с опаловым отливом туман преградил ему дорогу. Брок в нерешительности остановился, протер глаза и начал ощупывать руками пространство вокруг себя.

В трех шагах от него растворились две фигуры – черная и белая, Ачорген и принцесса. Брок прыгнул в туман, вытянув вперед руки, но поймал пустоту. Белая тьма ослепила его. Опаловая тишина оглушила.

Он ринулся в ту сторону, где исчезла принцесса. Он кричал и размахивал руками, как птица сломанными крыльями. Туман начал душить его, звенел в ушах странным напевом. Нет, это не туман! Это клокочет кровь в его жилах!

С каждым шагом страх всё сильнее овладевал им. Ноги подгибались, отказываясь идти; кругом, везде и всюду, ему чудились жуткие опасности. А он всё шёл вперед, долго–долго, и конца не было его дороге...

Внезапно Брок остановился. И вперед шагнуть боязно, и назад повернуть – тоже! Он тонул, тонул в трясине

белой тьмы, один, покинутый всеми, растворялся в беспредельности тумана. Он уже погиб, белая тьма пожирает его, пропитывает, заполняет. Его труп будет лежать здесь долго–долго, пока не исчезнет наконец это белое ничто и сюда не явятся люди, которые, не видя его, пройдут по его останкам.

Мочи нет идти дальше. Ноги увязли в тяжелой густой мгле. Брок упал наземь и заплакал.

И вдруг – что это? Станный запах щекочет ноздри. Запах так силен, что дурманит Брокю сознание, действует на мозг, как алкоголь. Навевает дремоту и будит воспоминания, рисуя удивительные картины. Но откуда такой аромат – еле слышный и сладкий? Это скошенная трава на лесной опушке. Запах от копен поднимается к солнцу, как дым из жертвенников.

Я тоже лежу на этой опушке, под головой сено, в волосах сено, и весь я усыпан сохнувшими горными травами, тимьяном, шалфеем, ромашкой.

Но стоит открыть глаза, и я вижу туман, густой, как сметана. Вспоминаю... Принцесса убежала, и музыка играет где-то в центре вселенной... Но этот запах, откуда он и что означает? Дивная мелодия запаха, которая дразнит и мучает ещё сильнее, чем далекие, грустные звуки виолончели и скрипки...

В лицо веет лесными испарениями – мхом и хвоей, ягодами и древесной смолой. Я вижу родник в зелёном кружеве папоротника. Лесные птицы да олени пьют здесь воду...

Но вот и лесные запахи растворились в белом тумане. И откуда-то уже пахнуло другим запахом. Словно подул ветер, захлопал парусами. Свежее дыхание моря. Запах соли, рыбьей чешуи, тающего в теплых водах ледника. Загадочный аромат неведомого острова, мимо которого плывет корабль. Остров обитаем, ибо до меня доносится запах пота и дыма очагов. Но и это ощущение исчезает.

Теперь я вдыхаю совершенно иной запах, который будит странные, давно забытые грезы. Жар кухонной печи, душистый пар, поднимающийся от горшков и возвещающий близость обеда... И вдруг – сквозняк из распахнутой двери. Чей-то голос кричит: «Война!» И опять всё исчезает, без возврата.

А вот сейчас – цветут ландыши... нет, это не ландыши, это духи любимой, которыми она окропила грудь. Она склоняется ко мне, и я зарываюсь лицом в её волосы, чтоб ощутить новые запахи...

Ну а это – аромат ночи. Аромат луны, боже мой, ведь это – расставание... это зеленый аромат озера, нет, слез! Это плачет любимая...

Запахи быстро сменяют друг друга.

Дымный смрад пыхтящего паровоза.

Тяжелый дух из теплушек – шесть лошадей, тридцать человек...

Убийственное зловоние – грязь, водка, пот, отхожие ямы.

Даль.

Свежеразрытая земля.

Порох.

Пожарища.

Кровь.

Гнилостный дух отбросов, консервных банок, гноящихся ран, карболки, вонь раздавленных клопов, запах тлена, черные пятна обморожений, гниющие под грязными повязками.

Под потолком смердит желтая керосиновая лампа...

Брок вскочил. Это... это же мое прошлое! Воспоминания, которые я утратил. Скорее! Скорее! Он взмахнул руками. Ничего! Белый туман. Черная принцесса...

Нет иного прошлого, кроме Муллер-дома...

Брок воспрянул духом и устремился вперед, вперед... и вдруг – вытянутая рука натывается на мягкую шелковую ткань. Резкий взмах – и Петр Брок замирает в изумлении.

XXIX.

О звезде Аюргенетеррамолистерген. – Принцесса Тамара готова полюбить принца Ачоргена. – «...наше ложе ждет...» – Петр Брок снова пользуется своей невидимостью.

Он стоял на пороге голубого будуара принцессы. Круглое око Муллера, глядящее с потолка, снова подернуто сизой пеленой. Но светильник на столе давно угас. На синем диване сидит принцесса. Она переоделась в голубое платье, под цвет штор на стенах. В руке у неё сигарета, к губам, раскрытым в дерзкой, вызывающей улыбке, она подносит высокий бокал с вином. Огонек сигареты описывает широкую дугу. Хрустальный бокал и горло принцессы – теперь это один прекрасный сосуд.

Но самое ужасное, что её тонкую талию обнимает длинная рука принца Ачоргена! А принцесса смеется! Хохоchet над чемто, запрокинув голову. Рука Ачоргена

обвивает стан принцессы, точно удав, который душит свою жертву. Он целует её волосы и шепчет:

– Моя звездочка, мой серебряный колокольчик, выпей ещё, это напиток из хмельного ледника моей родной планеты. Ты всё это уже знаешь... Я родился на звезде Ачоргенетеррамолистерген, запомни хорошенько, ты должна это помнить, такова моя воля! Может быть, ты не веришь?

– Нет, верю...

– Теперь ты веришь в звезды?

– Я верю всему что ты говоришь!

– На дне бокала – образ моей звезды. Ты будешь видеть её каждый раз, как допьешь до дна. Пей!

Принцесса послушно выпила и снова засмеялась.

– Хватит, хватит смеяться! Уйми свой звонкий смех! Дорогая моя? я буду любить тебя так, как любят на звезде Ачоргенетеррамолистерген. Я научу тебя любви, и ты явишь мне свою любовь...

Рука– удав ползет по груди принцессы вверх, к шее.

– Хочешь?

– Хочу!

– Дай мне свою ручку, я покрою её поцелуями... может статься, ты будешь из-за меня страдать, но твоя любовь излечит тебя. Самочка моя земная, ты любишь меня, в самом деле любишь?

Принцесса, ласкаясь, кладет голову ему на плечо.

– Целуй меня, Тамара! Прикоснись к моим губам, ведь так начинается любовь на этой звездочке!

Она страстно обвила руками шею Ачоргена.

Брок закрыл ладонями лицо и в ужасе отвернулся. Возможно ли это? Принцесса Тамара, его принцесса, томящаяся в этой вавилонской башне, ждущая освобождения, бесстыдно целует это чудовище своими чистыми, невинными устами!

– Смотри, милая, наше ложе ждет нас!

Принцесса встает...

Еще бы, он принц, а кто такой я? Ничто, незримое ничто! Но ведь я для того и проник в Муллер-дом, для того и согласился на эту метаморфозу, чтобы найти, защитить и вызволить её! Разве я не обещал, что буду её охранять? Ведь она чувствовала мое прикосновение! А её загадочная улыбка – разве это не был ответ на мои слова?

О бесстыжая предательница!

Единственный мой светлый луч в Муллер-доме погас! Ах! Как я мог мечтать о её любви?.. Кого, кого ей любить, я же невидим!!

Прочь! Прочь отсюда!

Еще один, прощальный взгляд на принцессу. Закинув тонкие руки за голову, она стоит перед зеркалом и смеется...

Господи, по что же случилось с глазами принцессы? Они прикрыты тяжелыми веками! Принцесса смеется, закрыв глаза! Губы звонко хохочут, а глаза – спят...

Теперь только Брок понял, в чем дело!

Гипноз!

Он увидел в зеркале, как жгучий взгляд Ачоргена сверлит принцессу.

Тут уж Брок не стерпел, в ярости бросился к Ачоргену и со всей силы двинул прямо по длинной верхней губе. Кулак сам собой выбрал для удара наиболее чувствительное место. Чудище беззвучно рухнуло на пол. Брок разорвал ближайшую занавесь и связал Ачоргена по рукам и ногам. Потом куском той же занавеси заткнул ему рот, запихнул безвольное тело под кровать и только после этого повернулся к принцессе.

А принцесса ничего не видела и не слышала. Машинально она продолжала исполнять гипнотические приказы того, кто мешком валялся сейчас под кроватью. В шелковых складках трепещут её пальчики, будто в них зажаты ключи от потайных дверок, скрытых в облаках белизны. Принцесса раздевается... Брок хочет крикнуть, предупредить её, разбудить, но тут...

XXX.

Принцесса Тамара думает, что она одна. – Осторожнее, Петр Брок! – Руки можно схватить руками.

...Тут он увидел в зеркале, что она открыла глаза. Принцесса тоже увидела в зеркале странное свое пробуждение и в замешательстве вглядывалась в серебряную гладь стекла. Она словно очнулась от тяжкого сна. Растерянно посмотрела по сторонам, протерла глаза. И окончательно смахнула сон, который хотела удержать. Белые подушки под голубым балдахином манят её... Брок с напряженным вниманием наблюдает за ней, а она медленно, бездумно раздевается, считая, что в комнате, кроме неё и зеркала, никого нет.

Что же делать? Нет, теперь уже себя не раскроешь... Поздно!.. Но я буду зорко охранять её сон. Ведь она даже не догадывается, что под кроватью у неё лежит с кляпом во рту это чудовище, Ачорген. А вдруг он очнется и вырвется на волю?

Я должен остаться здесь, на страже!

Он притулился в углу, стиснув зубы и затаив дыхание. И вдруг от безумной мысли у него потемнело в глазах.

Розовая ленточка бежит по кружеву сладостным обещанием... Нет, гони её прочь, эту мысль! Только приблизиться к её устам – о блаженство...

Ее волосы, губы, глаза – какой дивный цветок расцвел на стебле белой шеи! Лицо – это самое прекрасное, самое драгоценное, что есть у женщины, её глаза волнуют и влекут... Но вот она улыбается и становится ещё краше, ибо ко всем оттенкам добавляется ещё один, до сих пор спрятанный в бутоне, – белоснежный, фарфоровый!

Туфельки уже качаются на кончиках пальцев и падают. Сверкнули колени, икры, и тончайшие чулки сброшенной змеиной кожей легли на пол. Гладкое зеркало отражает прелестные руки принцессы и грудь, едва прикрытую пеной кружев.

Затаив дыхание, Брок следит за этой шаловливой игрой.

Принцесса потягивается с ленивой улыбкой в своем победном одиночестве. Словно она устала от долгого притворства и с наслаждением сбросила маску, чтобы дать отдохнуть лицу и опять ненадолго стать самой собой!

Ласковый лепет, трепеща точно мотылек, слетает с её губ:

– Я принцесса... нет, не принцесса...

На холодной поверхности зеркала слова превращаются в туманное облачко. Она стирает его ладонью и смотрит на себя, будто впервые в жизни.

Брок едва владеет собой, кровь глухо стучит в висках. Но комок страха подступил к горлу. Как открыть принцессе свое присутствие? Ведь стоит вымолвить слово – и чудесное видение исчезнет!

Ну да ничего – Петр Брок заготовил тысячи слов, которыми он засыплет, уговорит принцессу. И всё же – не окажутся ли беспомощными все эти нежные слова, если она не увидит глаз, в которых можно утонуть, не ощутит человеческого тела, в котором пульсирует горячая кровь?

Принцесса подходит к постели, откидывает покрывало, разглаживает подушку – и вот уже в сладкой истоме падает на неё. Руки она кладет под голову, взор устремляет вверх, но, погруженная в свои мысли, не видит золотых звезд, вытканых на голубом балдахине. От этих мыслей пылает лицо и голова идет кругом.

Брок на носках, едва касаясь пушистого ковра, крадется к принцессе. Склоняется над ней. Она смотрит на него огромными неподвижными глазами и всё же не видит его. Мгновение – и его пылающие губы касаются её влажного, полуоткрытого рта.

Как странно! Ничто не дрогнуло на лице принцессы. Только взгляд сразу стал внимательным, острым, будто мысли её вернулись из дальнего далека. Она протянула к нему руки, но на этот раз Брок сумел ускользнуть. Когда опасность миновала и разочарованные руки снова упали, он отважился на новый шаг: прижался губами к её шее.

Принцесса лежит тихо, не шевелясь, как зачарованная. Даже дышать боится, чтобы не спугнуть дивный сон...

Не забывай, Петр Брок, у принцессы тоже есть руки, и теперь тебе от них не ускользнуть. Вот твои волосы, твое лицо, а вот, вот твои руки, каждое прикосновение

которых выдает тебя принцессе! И руки эти можно схватить руками...

XXXI.

Петр Брок лжет. – «...У меня ещё нет лица...» – Муллер напоминает Броку о встрече, – «...жду тебя...»

Их руки встретились, и губы снова слились в поцелуе. Принцесса шепчет:

– Кто ты, кто ты?

Брок молчит.

– Скажи, ты – тот бог, который охраняет меня?

– Да, бог. – Брок малодушничает от страха потерять завоеванное.

– Бог, – повторяет принцесса, – а какой бог?

– Добрый, – шепчет Брок, радуясь, что нашел меткое слово.

– Я знаю, что добрый, но молодой ли?

– Молодой... – Вот и пришла пора дать ответ! Сейчас всё выяснится, без утайки... Но чутье подсказывает

Броку, что он выдержит этот экзамен, обязательно выдержит...

– Молодой, – повторила она, – и красивый?

– Понятия не имею. – честно признался Брок

Пальцы принцессы скользнули по его лицу. Вот нос. губы, глаза... но как на ошупь обнаружить молодость и красоту? Будь она слепая, наверно, скорее увидела бы всё это своими ладонями. А так – глаза не видят, и руки тоже не могут воссоздать его образ.

– Я хочу видеть тебя! Глазами! – потребовала принцесса. – Покажи мне свое лицо!

– У меня ещё нет лица. Я пришел встретиться с Муллером...

– Тише! Тише! -встревоженно прошептала принцесса и поцелуем закрыла ему рот.

– Чего ты боишься, Тамара?..

– Он! Он! Он всё слышит! Глаз его над нами, может, и закрыт, но уши его подслушивают сквозь каждую щель!

– Ну и пусть! Я здесь для того, чтобы охранять тебя, принцесса!

Она улыбнулась, вспомнив о чем-то.

– Первый раз ты подошел ко мне в бархатном зале, когда я теряла сознание от этого страшного газа. Я видела белый дым, слышала, как он с шипением рвется из оловянной трубки. Помню невыносимо яркий фиолетовый шар, заломленные руки, маски смертельного ужаса, падающие тела... Я пошатнулась и тотчас почувствовала, как чьи-то руки подхватывают меня и уносят на звезды. Это был ты... Второй раз ты подошел, когда я стояла у стены. Ты сказал: «Не бойтесь! Ни о чем не спрашивайте! Я с вами!» А что было с теми, кто остался?

– Там у них огромная печь, и в ней человеческие тела, сердца, глаза превращаются в кучки серого пепла, который затем развеивают по ветру, на все четыре стороны. А ещё ходят слухи, будто из костей делают пудру.

– А я-то, дуручка! Хотела убежать на звезды... – прошептала принцесса, и глаза её померкли. – Я вначале думала, что ты прилетел ко мне со звезды Лебеда. Оттуда я получала тайные записки, когда ещё жила с отцом. Значит, нет ни звезды Лебеда, ни созвездия Гномов...

– Обман! Величайший обман – весь этот Муллер-дом от фундамента до крыши, если у него вообще есть хоть какая-нибудь крыша. Международная банда работарговцев и сжигателей трупов...

– А откуда взялся ты?

Она снова ощупывает, гладит пальцами его лицо.

И Петру Броку вдруг становится невыносимо стыдно за свой обман. Он выдает себя за бога, чтоб добиться её любви! Страстный его порыв давно уже утих, теперь каждый её поцелуй отзывался в нем глубокой благодарностью...

– Я не бог, – покаянно признался он, – я просто человек, обыкновенный мужчина!

Она провела рукой по его волосам.

– Разве же не лучше молодой мужчина, чем старый бог?.. Я хочу тебя видеть!.. Открой мне свое лицо!.. Нет, ты не человек! Ты принял образ человека, ибо ты обнимаешь и целуешь меня. Но почему, почему я тебя не вижу? А! Придумала! Я приготовлю гипс и сделаю себе слепок с твоего лица, ведь так любить нельзя... нельзя...

– погоди, Тамара! погоди, скоро ты меня увидишь! Я выполню свою миссию и стану человеком! Сегодня вечером я должен быть на улице Алисы Мур, триста пятьдесят четвертый этаж, номер девяносто девять... Я совершенно утратил чувство времени... Нет для меня ни дней, ни ночей... Когда Муллер сказал мне свое «сегодня»? Кажется, от этого «сегодня» меня отделяют

многие часы! Может быть, я уже опоздал?.. Скажи мне, что сейчас – день или ночь? Неужели нет на свете ничего, кроме Муллер-дома? Скажи мне, существует ли ещё солнце... скажи, светит ли над Муллер-домом луна?.. Тридцать дней... На каком я сейчас этаже? Как мне найти Муллера? Как его убить?

И вдруг сверху раздался голос:

– Петр Брок! Этаж триста пятьдесят четыре! Комната девяносто девять. Я жду тебя!

Брок вскочил, поднял глаза к потолку. Выпученное «божье око» уже очистилось от мутной пленки и ехидно таращилось на него. Ещё бы! Миллион глаз, миллион ушей рассеяны по тысяче этажей! Но голос – неужели и голос его может дойти до спальни принцессы? Откуда он знает, что я здесь, у её ложа? Или в эту минуту его голос звучит на всей тысяче этажей? Брок даже содрогнулся.

– Ты слышишь, принцесса? Он зовет! Настал мой час! Ты же оставайся здесь.

– Я пойду с тобой!

Она прыгнула с кровати и трясущимися руками начала одеваться.

– Нет, нет, останься!.. Я поговорю с ним и вернусь к тебе!

– Ты не вернешься! Он убьет тебя! Тысячи коварных ловушек стерегут тебя в комнате девяносто девять!

– Знаю я его ловушки! Зал пустых зеркал! Яма-западня! Я поговорю с ним среди пустых зеркал!

– Но как ты туда попадешь? Ты хоть знаешь дорогу на триста пятьдесят четвертый этаж? Нет? Видишь, до чего ты без меня беспомощен! Какой же ты бог? Странный ты мой, невидимый... Идем! Я сама отведу тебя к лифту.

– Веди меня, Тамара! Покажи мне дорогу, пока не поздно. Ведь сдержать слово – значит показать свою силу.

И они пошли, взявшись за руки.

XXXII.

Двери белые и черные. – Зал пустых зеркал. – Непостижимая бесконечность. – Электрические звонки. – Безмерное блаженство.

Стеклянная улица кончается решеткой от пола до потолка. На дверце в решетке надпись:

ЛИФТ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ.

Принцесса открыла дверцу, нажав дужку над «И».

Они очутились в небольшом квадратном помещении, сплошь обитом кожаными подушками. На одной из стен – панель с тысячей белых кнопок.

– Это этажи. Каждая кнопка – этаж. Этим путем я бежала, когда ещё верила в звезды...

Брок с благодарностью погладил её по руке.

– Спасибо! Это для меня крайне важно! Да-да, ведь таким образом я промчусь по всему Муллер-дому! Но прежде всего я сдержу слово, которое дал Муллеру!

Он нажал кнопку с цифрой 354. Кабина даже не дрогнула. Лишь серебристая стрелка под стеклом мгновенно опустилась к цифре 354.

– Приехали, – сказала принцесса.

– Ну, теперь ты возвращайся. Никто не должен тебя видеть на этом этаже.

На прощанье они обнялись.

– Если я не вернусь...

– Я приду за тобой!

Дверь лифта открылась, и Брок шагнул в пустой белый коридор, до того прямой и длинный, что вдали стены его, потолок и пол сливались в одну точку.

По обе стороны тянутся двери. Белая, гладкая вереница дверей, как в сумасшедших домах и в больницах. Двери, сплошные двери, одного цвета, одной величины, с одинаковыми ручками, одинаково таинственные, тянутся они в бесконечность, храня упорное молчание, без номеров, без надписей...

Как же найти нужную? Девяносто девятую!

Брок мягко толкнул первую.

Заперта!

Вторую.

Заперта!..

Боже мой, куда они все ведут?

Что мне с ними делать?

Что за ними скрыто?

Анфилада проходных комнат?.. Что задумал Муллер, пригласив его в эту аллею белых дверей? Каково их предназначение? Кто за ними живет? Ведь изнутри не слышно ни звука, и коридор в гробовом молчании уходит в бесконечность... Сколько надо времени, чтоб нажать на все ручки?

Заперто... заперто... заперто...

Та- ак... чем больше дверей, тем меньше сил во мне.

Брок наудачу зашагал по коридору. Ведь где-то он обязательно кончится. Сыщик мчался вперед, но белая точка в конце, где сходились стены, с той же скоростью удалялась от него. И вскоре он почувствовал, что совершенно бессилен перед врагом, имя которому «бесконечность»...

И вдруг – Брок замер. Черная дверь! Это было так неожиданно, так резко хлестнуло по глазам. Среди тысяч белых дверей – одна черная!

На ней небрежно, как бы второпях, было нацарабано мелом – 99.

И ничего больше.

Наконец – то он у цели!

У цели? Скорее всего, это новая ловушка! Капкан – и ты, дурачок, в него попадешь. Там приманка – Огисфер Муллер, кусочек сала, который ты ищешь, только сунься, а за тобой – хлоп!

Да, я все это знаю, есть там и яма-западня, но желание схватить кусок сала порою сильнее страха смерти, особенно когда смотришь на него в упор, да ещё с голодухи. Но я, господин Муллер, та мышь, которая и сквозь решетку западни проберется!

Брок с опаской огляделся. Вокруг ни души. Тогда он тихонько взялся за ручку. Дверь приоткрылась, и он скользнул внутрь, чтобы осмотреть комнату, прежде чем встретиться здесь с таинственным Муллером.

Над головой раскинулся зеленоватый купол. Больше чем купол! Он был под стеклянным колпаком, плотно, без малейшего зазора прижатым к полу, даже стыка не видно.

Не зеркало ли это?

Гигантское пустое зеркало, вогнутое зеркало, пожирающее Брока. Но как узнать, что это зеркало? Ведь отражать ему здесь нечего, крутом только пустота. Брок быстро повернулся к двери и в ужасе остолбенел: дверь исчезла! Растаяла в зеленоватом ничто.

Брок ощупал стены. Монолит! Пол, потолок, стены сливались воедино, образуя безупречный шар. И хотя Брок не видел своего изображения, тем не менее это было зеркало! Полированная внутренность шара отражалась сама в себе и казалась бесконечно глубокой.

Обманчивая, непостижимая бесконечность – замкнутый круг перехода от стеклянного купола к плоскости пола. Но и сам пол – зеленоватая бездна несчетных отражений светлозеленого свода.

А дверь – дверь исчезла...

Но почему же в этом замкнутом, пустом шаре светло? Ведь источника света здесь нет. Может быть, зеркала освещают сами себя? Может, свет льется из них?

А если б он был видим? Как бы всё это выглядело со стороны?

Брок в изумлении застыл посреди гигантского шара. О, какое безмерное блаженство – не знать, летишь ли ты вверх или падаешь, парить в пустоте, где нет направлений, ощущать невесомость, ибо все стороны света одновременно и притягивают тебя, и отталкивают!

Петр Брок пошатнулся от этого головокружительного блаженства. Но едва сделал шаг по блестящей глади зеркала, как внизу, прямо под его ногой, взвизгнул электрический звонок. Брок отскочил вбок – под мыском ботинка опять раздался звонок, точно он нажал кнопку на стене... Брок попробовал на цыпочках уйти с предательского места. Но тщетно! Что ни шаг, то сигнал – весь пол усеян скрытыми кнопками. Где бы он ни поставил ногу, сразу же слышится пронзительный трезвон...

Брок было заметался, но скоро сообразил, что это бесполезно, что он – в ловушке, в ловушке номер 99,

которую расставил ему Огисфер Муллер! И не за что ухватиться, и некуда спрятаться...

XXXIII.

*Миллион великанов... – Бешеная гонка по кругу. –
Пойманное ничто. – Окошко на вершине купола. – «Он
жив?» – Что нужно запомнить...*

И вдруг дверь открылась. Не одна, нет, несчетное множество дверей теснятся друг возле друга и друг за другом в бесконечных шеренгах. И из всех выходят полураздетые великаны в широких красных поясах. Похожие как капли воды. У всех маленькая голова, волосатая грудь, а через плечо переброшена сеть. Миллион великанов как бы выходит из морских глубин.

Под резкий вопль звонка Брок кидается к одной из дверей, но наталкивается на округлую стену. В этот миг все двери исчезают, великаны вступают в зал и начинают раскручивать сети над головой. Их фигуры чудовищно перекошены, лица искажены и вытянуты в бесконечной цепи отражений. Миллионы сетей со всех сторон нацелены на Брока. Начинается бешеная гонка по кругу. Брок мечется, скользит, увертывается,

прыгает, налетает на стены. Но этим исчадиям ада известен каждый его шаг.

Если стряхнуть зеркальные наваждения, то ясно охотник с сетью всего один, и движется он в ограниченном пространстве. Но окаянные звонки под ногами Брока неумолимо визжат: я здесь! Я здесь! По этим звонкам великан и ведет облаву. Сеть всё чаще проносится над головой Брока, падает всё ближе. Спасенья нет! Но так просто Брока не возьмешь... Кулаком в грудь, по физиономии, ногой в живот. Однако нога отскакивает, как мяч от стенки.

В изнеможении Брок падает на зеркальную поверхность. Широкая сеть накрывает его, охватывает всё плотнее. Грубые веревки скручивают тело в три погибели, прижимают колени к груди, врезаются в кожу; от страшной боли Брок зажмуривается, в глазах у него темнеет...

Последнее, что он видит, – это маленькое окошко и центре купола. Оно открывается, и в нем появляется лицо. Отвратительная жёлтая физиономия, рыжая бородёнка, расщепленная надвое, вместо носа – чёрные дырки, нижняя губа тёмная, отвислая, будто гниет. Потом раздался голос:

– Он жив?

– Жив! – выдохнул великан, утирая пот со лба.

Но эти два голоса отозвались уже как бы из его старого сна... Пахнет карболкой, над ним склоняются два человека в пожелтевших халатах. Один из них трогает носком сапога серые кучи, потом брезгливо откидывает с его лица край халата.

– Жив! – разочарованно повторяет нетерпеливый голос.

Брок с усилием поднимает веки, стремясь убедить кого-то очень сильного и здорового, что пока не умер...

Сквозь завесу духоты и вони он видит желтый огонек. Вон светится между толстыми балками, поддерживающими свод этой обители смерти... Два пышущих здоровьем человека кладут на носилки что-то тяжелое. Жилы у них на руках набухают, и они в ногу – раз-два! – шагают по проходу между нарами. Видны лишь удаляющиеся сапоги...

Всё это так странно, так непонятно и в то же время так просто! Достаточно прикрыть лицо краешком халата – и всё это исчезает, кончается. Один только краешек халата! Это надо запомнить!

XXXIV.

«Пойманного дьявола боитесь!» – Каким видел Петра Брока в свои линзы слепой Орсак. – «Что за бесстыдство...» – «Он красив?...»

Очнувшись, Петр Брок обнаружил, что всё ещё опутан сетью, хотя веревки ослабли. Можно было разогнуться. Он находился в грязной, заброшенной кухне. В одном углу – полуразвалившаяся плита. На стенах – светлые прямоугольники от висевших здесь когда-то картин. В другом углу – куча кухонной утвари.

Множество незнакомых лиц вокруг. Глаза вытаращены, все сгорают от любопытства. От края сети до ближайших зевак – добрых три шага: эта дистанция самолюбия не ущемляет, зато и вполне безопасна.

А сеть и в самом деле странная. Она не падает на пол, будто ждет кого-то. Просто воздухом, без улова, сети не наполнишь. Пустая, она должна упасть плоской бесформенной кучкой. А эта сеть словно натянута, охватывает как бы нечто овальное, однако неуловимое. И ни один из присутствующих не отваживается тронуть это шевелящееся, живое ничто.

– Эх вы, рыцари! Пойманного дьявола боитесь!

Молодая женщина в пестрой короткой юбке пробивается вперед.

– Я, я подойду! Я не боюсь! Хоть мизинцем, а дотронусь!

– Да пустите вы её. Ишь, дотронуться приспичило! Банкир Салмон этак тоже пальца лишился!

– А почему она попадет непременно в пасть? Может, совсем в другое место, хе-хе-хе!

– От карающей длани господина Муллера ему не уйти! – покачал головой бородатый старик.

– Злого бога поймали в сеть!

– Что же он с ним сделает?

– Утопить его надо!

– Повесить!

– Задушить!

– Тоже нашлись советчики, всеведущему советы даете!

Это произнес поймавший Брока великан. Его так и распирало от гордости. Ревниво охраняя свою добычу, он ходил вокруг, как зверь, готовый к прыжку. Но в это время пестрое кольцо зевак разорвалось и образовало коридор – от сети до дверей.

Вошли два человека. Первый – высокий старик с красивым, благообразным лицом человека моложавого и цветущего. Из-за орлиного носа и жестких синих

глаз он здорово смахивал на переодетого в штатское военачальника. Толпа перешептывалась, все взгляды устремились на него. А за ним – о ужас! – идет слепой Орсаг с линзами на висках.

Военный твердой, уверенной поступью прошагал по людскому коридору, подошел к самой сети и небрежно, будто мешок с грязным бельем, пнул её ногой. Потом спросил Орсага:

– Как он выглядит?

Брок задрожал.

Неужели этот слепой меня видит? Ведь я сам не знаю, как выгляжу! Вдруг мне сейчас об этом скажут? Боже мой, как я боюсь этих круглых линзочек, они вонзаются в мою душу! Я боюсь, боюсь глянуть в них!

А слепой Орсаг уже подкручивает колесики за ушами, наводит на резкость. Волосатый гигант первым нарушает всеобщее молчание, задает вопрос, который у всех на языке вертится:

– Ну, Орсаг, скажи – во что он одет?

– Он вообще не одет! Он голый!

– Голый!!!

– О-о-о-о!.. – Сердечки дамских губок от ужаса округляются.

– Какое бесстыдство!

Одна из дам, с напудренным бюстом, выпирающим из глубокого выреза, падает в обморок.

Другие бросаются прочь.

А Брок ликует!

Слепой не видит моей одежды! Какое счастье!.. Ведь у меня в кармане бумажник с документами! Если б Орсаг его увидел, мне конец!..

Орсаг между тем приблизился к Броку, чтобы получше рассмотреть его.

– Он весь белый! Белые глаза, белые губы, белые волосы! Думаю, у него и кровь белая! – Профессиональным жестом барышника он раскрыл Броку рот и сказал: – Ему тридцать лет.

К тому времени женщины успели опомниться. И опять подошли ближе.

– Он красивый? – спросила брюнетка с цыганскими глазами.

– Что за вопрос, Лаура, милочка! Ведь он же голый!

– Ну зачем же сразу думать о самом худшем...

– И вы, графиня, смеете...

– По-моему, он прячет свою наготу куда надежнее, чем многие из нас!

– Да ведь он совсем не одет!

– Вы его так себе представляете?

– Какая богатая фантазия!

– Кандалы! – прогремел военный, обращаясь к волосатому гиганту; голос его перекрыл общий шум, словно на мостовую упала тяжёлая чугунная цепь. Приказ немедля исполнили.

XXXV.

Опять всё начинается с лампочки. – Петр Брок держит слово. – Ночь, планы, побег. – Распадается королевство – Не будет счастья в мире, пока стоит Муллер-дом.

Брок лежит в полузабытьи, прикованный ногами и руками к бездонной тьме. Нет в этой глубокой пропасти ни дней, ни ночей. Лишь изредка вспыхивает желтый огонек, тускло освещающий трухлявые чердачные балки...

Помещение это, полное серых балахонов, – уже во сне. У Брока неожиданно появилось и тело, отчетливо видимое, измученное болью, прикрытое вонючими лохмотьями.

Время от времени, пробудившись от таких снов, Брок неизменно благодарил бога за то, что у него вообще нет тела, что он – лишь голос, пойманный в сети...

И вдруг бездна, где нет ни времени, ни пространства, разом исчезла. Вспыхнул свет, а вместе с ним вернулось пространство, ограниченное белыми стенами. И тотчас послышался голос:

– Милый мой, любимый, где ты?

Принцесса!

Ее рука ещё на выключателе, а глаза уже нашли его, Брока.

Она в чёрном, как и в первый раз, когда он увидел её у окошка «Вселенной».

– Принцесса!

Путы спали, он с наслаждением потянулся, выпрямил ноги, напряг мышцы.

– Идем!

Она взяла его за руку, и они осторожно, на носках, вышли из комнаты.

Центральный лифт.

Темные коридоры, мертвые лестницы, и снова – залы, залы...

Но в руке у принцессы сияет электрическая звездочка, указывающая путь своим единственным лучом.

– Сейчас ночь? – прошептал Брок.

– Да, ночь! Но Муллер может превратить её в день, когда захочет! Узнай он, что мы бежали, разом бы зажег над нашими головами все уснувшие солнца. Поэтому надо поскорее выбраться из Муллер-дома.

– Выбраться из Муллер-дома? А ты знаешь дорогу? Ты смогла бы отсюда бежать?

– Ну конечно же, мой странный незнакомец! Ты доволен мной? Пока тебя, несчастного бога, ловили в капкан, я готовилась к побегу.

Брок покачал головой:

– Выбраться из Муллер-дома – нет, это невозможно! А если все-таки возможно, то почему ты давным-давно не убежала в свое королевство?

– Одной мне не справиться! Но я придумала отличную штуку! Я знаю, где – живет лорд Гумперлинк, тот, который похитил меня из родного дома... Ты сыграешь роль Муллера. Вернее, его голоса. Прикажешь

Гумперлинку отвезти меня туда, откуда украл... Лорд ни о чем не догадается! Все распоряжения подданным отдает голос Муллера. Ни один из них не видел его лица! Что ж, посмотрим...

А принцесса, захваченная своим планом, шепчет:

– Там есть воздушный порт! Площадка висит в воздухе, наподобие столешницы, одним ребром прикрепленной к Муллер-дому. Стальные ласточки слетаются туда днем, когда Муллер снимает золотой урожай. А вот ночью я увидела мертвый сон этих крылатых яхт. Среди них я отыскала маленькую синюю птичку, двухместную. Ты и я... Мы полетим в наше королевство...

Она умолкла, словно уже готовилась к отлету. её слова сулили дальний путь и счастье в конце его. Но голос рядом с нею отозвался глухо, как из-под земли:

– Я не могу! Не имею права! Ты улетай, а я, я останусь!

– Тогда и я останусь! – воскликнула принцесса.

– Но где же я укрою тебя, как уберегу от его мести? Сам я могу спрятаться в луче света. И даже в его собственных зрачках! Но как быть с тобой? Как спрятать твои глаза от его глаз? Твои руки от его когтей?

– Милый мой, я сама прекрасно знаю, какая мне грозит опасность. Сколько раз я бежала, но сейчас я уверена, эта попытка – последняя! Он позволял мне убегать и ловил меня, когда эта игра ему надоедала... Он издевался надо мной вместе со своими агентами и шпиками, что каждый раз оказывались да моем пути. Сегодня, рядом с тобой, я уже не боюсь его! Меня страшат лишь его солнца, стерегущие нас во тьме. Сегодня в последний раз, я уверена... Но как я убегу без тебя? «Синий колибри» ждет, идем, спаси меня!

Мой отец, последний король из рода белобородых, льет на троне слезы. Ведь королевство оставить некому. Единственную дочь похитил у него негодяй, а у подножия башни уже вырос первый побег шиповника...

Парк вокруг замка одичал.

Ветви платанов трутся о стены, обдирают штукатурку.

За башенные зубцы цепляются кроны лиственниц.

В окна тянутся кусты сирени, парадную лестницу обвил плющ, на карнизах цветет вереск да тимьян...

Опочивальня моя зарастает дикими розами...

– Бедная, печальная ты моя сказка! Тяжело мне разлучаться с тобой, но я не могу покинуть Муллер-дом... А ты не можешь остаться. Лети домой! Жди!

Расскажи своему белобородому отцу, какой у тебя странный жених. Настанет день, и он придет за тобой. День этот будет самым обыкновенным, самым будничным. Даже ты меня не узнаешь, потому что – увидишь! Я сам ещё не знаю, что со мной станется, когда я убью Огисфера Муллера. Что-то исполнится, что-то минует, погаснет чудовищный огонь! Что-то рухнет... Этот немыслимый, невообразимый колосс в тысячу безумств, что давит мне на мозг чудовищной тяжестью! Ведь он высится над миром как безумное порождение больного рассудка! Черная тень его накрывает и твое родное, угасающее королевство на краю света...

Не будет счастья и мира на Земле, пока жив Муллер и стоит Муллер-дом!

Но он рухнет!

Сам собою рухнет, когда погибнет Он!

И тогда сознание мое прояснится и взойдет солнце...

Принцесса слушает, но её скрытые тьмою уста крепко сомкнуты.

Все комнаты и залы, которыми они идут, похожи друг на друга своим бархатно-черным безмолвием. Всюду великое множество странных предметов, как попало разбросанных по каменным плитам, паркету, коврам.

Тьма лишила их имен, отняла самое суть. Так они и плавают по дну комнат, черные, угловатые, злокозненные. Нежданно-негаданно появляются на кончике луча, как на кончике удилица, – изломанные грани, причудливые осколки, осклизлая, бесформенная масса. Ноги обо что-то спотыкаются, скользят, вязнут. Что-то трещит, булькает, липнет к подошвам. Сюда лучше не ступать...

- Какие мерзкие вещи, – шепчет Брок.
- Это не вещи. Это – их смерть! Гибель вещей!
- Какая гибель?
- Их уничтожили в оргиях. Таков «рай» после ухода небожителей. Надо спешить, чтобы не встретиться с армией рабынь, которые придут чистить этот небесный хлев.

XXXVI.

Переулок Воздухоплавателей. – Морская Чайка – лорд Гумперлинк. – Солнце над Муллер-домом. – Брок прощается с принцессой. – Сиденье рядом с нею остается пустым.

Они долго блуждают в лабиринте узких улочек, чьи названия как бы просыпаются, сбросив покров темноты и потягиваясь в неярком свете луча от принцессина фонарика. Наконец перед ними переулок, который зовется

ПЕРЕУЛОК ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЕЙ.

На стальных дверях с выпуклыми шляпками кованых болтов написаны экзотические имена муллердомовских пилотов:

АРОН КОРКОРАН – штурман «Плачущего лебедя»

АХИЛЛ МОБИЛЕС – капитан «Разбойника»

ДУГЛАС ГУЛЛИВЕР – парашютист

ЧЕРНЫЙ ВЕТЕР – придворный аэронавт Южного Креста

ГРАФ ЛЮСЬЕН Д'О – аэронавт

РЭМ МАЙОРЕСКУ – акробат на «Альбатросе» – быстрее звука!

ЛОРД ГУМПЕРЛИНК – морская Чайка

– Пришли, – прошептала принцесса, остановив Брока у этой двери. Дверь была заперта, ключ вынут, в замочной скважине – тьма.

План действий сложился быстро. Принцесса отошла в конец улочки и потушила электрическую звездочку. Брок приложил губы к замочной скважине и крикнул в темноту:

– Лорд Гумперлинк, Морская Чайка! Немедля заводи «Синего колибри» и будь готов к вылету!

Брок прислушался – тишина.

Заглянул – тьма.

Тогда он повторил приказ погромче. На этот раз за дверью раздался шорох. Но вскоре вновь наступила тишина.

Тогда Брок крикнул в третий раз.

Наконец – то! Шорох сменился топотом босых ног. Кто-то тихо выругался. И вот уже замочная скважина осветилась.

Растрепанный человек в пижаме недоуменно вертит головой. Сейчас, сейчас он подойдет к двери и отворит её. В руке у него револьвер, в глазах – подозрение и готовность пристрелить того, кто кричал в замочную скважину.

Глухая тьма зевнула открытой дверью. Человек в пижаме шагнул за порог и недоверчиво посмотрел по сторонам. Брок меж тем проскользнул в спальню, прыгнул на стол и встал под стеклянным глазом в потолке. И когда лорд Гумперлинк вернулся к себе, Брок опять подал голос.

На этот раз как бы с потолка

– Лорд Гумперлинк, Морская Чайка! В конце переулка Воздухоплателей тебя ждет черная дама! Это принцесса Тамара, которую ты похитил по моему повелению. Приказываю тебе немедленно доставить её туда, откуда ты её привез. Такова моя воля.

Лорд Гумперлинк слушал этот приказ, вытянувшись по стойке «смирно», руки по швам, пальцы растопырены, на лице – выражение благоговейного ужаса.

– Слушаюсь, мой Повелитель! – И он быстро начал одеваться. Надел кожаный мундир, шлем с застекленными прорезями для глаз, зажег факел и вышел из дому.

В конце переулка его ждала принцесса. Багровый свет факела вырвал из темноты её черную, безмолвную, прислонившуюся к стене фигуру.

– Следуйте за мной! – Факел лорда Гумперлинка качнулся вперед.

Брок осторожно двинулся за ними.

Они подошли к железным воротам. Морская Чайка поднес факел к черному кольцу, продетому в ноздри стального льва, хранителя этих ворот. А мгновение спустя, когда кольцо закоптилось, створки ворот бесшумно распахнулись.

Яркий дневной свет ворвался в темноту.

Огромный солнечный диск купался в небесной сини. Фантастическое зрелище!

На миг Брок ослеп.

Солнце!

Настоящее, живое солнце!

А здесь – ночь.

Он стоял на широкой площадке, с трех сторон окаймленной стеклянными ангарами. В одном из них исчез лорд Гумперлинк.

Брок подбежал к принцессе.

– Прощайте! Прощайте!

И, не найдя других слов, стал молча целовать её глаза, лоб, волосы.

Еще на секунду ему даровано счастье обнимать её, а она повисла у него на шее, запрокинула голову, вся трепещет и улыбается пылающему солнечному диску.

– Ты придешь? Обязательно придешь за мной?

– Приду! Обязательно приду!

– А как я узнаю тебя? Скажи мне одно лишь слово, то, которое шепнешь мне, когда придешь к нам... Скорее, скорее скажи мне его! Чтобы я тебя узнала...

В ангаре заработал мотор. Принцесса вздрогнула.

– Ну, милый, кто же ты?

– Петр Брок!

Принцесса вырвалась из его объятий и широко открытыми глазами смотрела на него, в пустоту.

– Петр Брок? Ты – Петр Брок?

– Да, а ты меня знаешь?

– Я никогда не видела Петра Брока. Но я слышала...

– Что ты слышала? Скорее! Морская Чайка идет сюда...

– Я знаю, что когда-то Петра Брока звали совсем иначе... Он, единственный сын андалузского короля, удрал из дому и стал грабителем!

– Грабителем?

– Да, но каким! Он вскрывал сейфы в банковских подземельях, а золото, несметные сокровища, раздавал беднякам. Грабитель, который грабил грабителей!

– Не знаю... Ничего не знаю. Ничего не помню!

– Пять лет полиция гонялась за ним, но так и не смогла поймать. А спустя много времени, когда эта игра ему надоела, он явился с повинной и сам стал сыщиком. Принц-сыщик! Вот каков Петр Брок!

Синий стальной «колибри» стоит посредине площадки и нетерпеливо урчит. Лорд Гумперлинк машет принцессе рукой.

– До встречи!

– Скажи мне ещё раз: Петр Брок – это ты?

– Я!

Последнее объятие на глазах ничего не понимающего Гумперлинка, и принцесса усаживается в синее кресло «колибри».

Сиденье рядом с ней остается пустым.

XXXVII.

Сирены тревоги. – Приказ об аресте Петра Брока. – Резиденция Муллера. – Брок приближается к Муллеру. – Сначала нужно искупаться.

Когда «колибри» с принцессой стал черной точкой на голубом горизонте, Брок вернулся в Муллер-дом и тихо закрыл за собой ворота. Он хотел убрать все следы, которые могли бы привести погоню к этому висячему аэродрому. Брок решил отдохнуть в опустевшей спальне лорда Гумперлинка и дожидаться там наступления муллердомовского дня.

Но едва ворота закрылись, он снова очутился в кромешной темноте. И пожалел – да ещё как! – что забыл попросить у принцессы электрическую звездочку, которая освещала им дорогу. Брок сделал наудачу несколько шагов – и замер!

Над головой вдруг раздался пронзительный разбойничий свист. И тотчас же взвыли сирены тревоги, а в переулок выплеснулись потоки света.

Захлопали, распахиваясь, окна и двери, из них таращились сонные физиономии.

– Что случилось? Что такое?

И словно в ответ сверху прогремел голос:

– Сбежал Петр Брок. Схватите его?

Толпа полуодетых людей выскочила из бокового коридора. Кинжалы, палки, револьверы, сети, арканы, противогазы. Матовые шары фонарей освещают растерянные лица, на которых ужас гонимых перемешан с азартным восторгом гонителей.

Брок в несколько прыжков настиг разношерстную орду, словно желая примкнуть к погоне за самим собой. Он хотел узнать, что известно этим типам о его исчезновении и куда они мчатся. Слава богу, о бегстве принцессы никто пока не подозревал.

После долгой беготни по кривым улочкам они очутились на круглой, накрытой стеклянным куполом площади. По сторонам её стояли административные здания этого этажа; одно из них, вроде ратуши с башенкой, сплошь пестрело всевозможными объявлениями и декретами.

Было там старое предупреждение насчет желтой чумы, свирепствующей на 489-м этаже, и постановление о герметизации этого этажа впредь до поголовного вымирания больных.

Другой декрет объявлял мобилизацию в связи с восстанием в пролетарском секторе.

Компания «Крематорий» уведомляла о безболезненном умерщвлении больных и престарелых.

Небезызвестный концерн «Вселенная» сулил особые льготы жильцам этого этажа, которые пожелают переселиться на звезду Л-9.

БРАТСТВО ГОСПОДА МУЛЛЕРА сообщало о молебне в честь блаженной памяти баронессы Гортензии Муллер.

Но все сгрудились возле чёрного плаката, на котором багровели буквы:

ПРИКАЗ ОБ АРЕСТЕ.

ВСЕМ ОБИТАТЕЛЯМ ЭТАЖА э376!

Невидимый дьявол Петр Брок, искушающий нашего Великого Повелителя Огисфера Муллера и схваченный вчера в шаре зеленых зеркал, совершил побег.

По высочайшему повелению выдан ордер на его арест!

Поскольку он, скорее всего, и впредь будет бесчинствовать и нарушать покой добропорядочных обитателей Муллер-дома, призываю всех жильцов этажа э376 бдительно следить за своими домами и

улицами и о каждом подозрительном движении, которое указывало бы на присутствие невидимого провокатора, безотлагательно сообщать в муниципалитет девятого департамента.

*Пожизненное пребывание в Гедонии, 100000 муллдоров
и 999 новых звезд – такова награда тому, кто сумеет
схватить невидимого дьявола живым или мертвым.*

Подпись: Ван Гросс, губернатор этажа э 376.

Броку уже стали надоедать долгие и бесполезные препирательства, вспыхнувшие из-за этого объявления. Но тут вдруг наступила тишина, и все уставились на человека, который показался в дверях ратуши.

Брок сразу его узнал. Это был тот самый переодетый в штатское военачальник с жесткими синими глазами, который пнул его ногой, когда он лежал, опутанный сетью.

Толпа расступилась. Военный, гордо подняв голову, спустился по лестнице, в уголках его губ таилось плохо скрытое презрение. Он зашагал по улице, совершенно один. Брок двинулся за ним с мыслью о мщении.

Они вошли в лифт, и спутник Брока нажал на кнопку с цифрой 100. Когда через мгновение стрелка замерла

против этой цифры, дверь кабины открылась, и Брок очутился в роскошном парке. Кругом густые кроны деревьев, укрытые в листве замысловатые лампы, высвечивали их сказочные, фантастические очертания, похожие на зеленые облака. Брок шел за своим обидчиком мимо алебастровых изваяний и опаловых фонтанов, по аллее, мимо пальм и роз. Быстрым шагом они миновали арку из тысячи разноцветных струй, извергаемых двумя рядами фонтанов.

Вдали, посреди голубого озера, парил остров дивной красоты. Из веера пальм и гигантских папоротников вырастал дворец, построенный как бы из солнечных лучей. Над водой висела девятицветная радуга – мост, соединяющий берега и остров. Когда они ступили на него, радужная арка неожиданно отозвалась минорным аккордом, словно заиграл невиданный девятиструнный инструмент.

Затем они беспрепятственно вошли в первый зал ожидания. Оттуда дверь вела в римские бани, где военный искупался. Брок наблюдал, как под ладонями рабынь краснеет его кожа. Умощенный душистыми бальзамами, напомаженный и одетый на римский манер, он наконец прошел во второй зал.

Там сидели пятеро в белоснежных тогах, все – взбудораженные, вымытые, пахнущие благовониями.

Ждали своего часа, нервно постукивая сандалиями по земле. Кое-кто, дрожа как в лихорадке, шептал:

– Муллер! Муллер! Муллер!

Среди сидящих Брок узнал плешивого старикашку Шварца, который специализировался на производстве газа СИО и с которым он уже однажды встречался в гостинице «Эльдорадо». Кто знает, как давно это было...

Военный направился прямо к двери, скрытой за гранатовой портьерой, на которой черным было выткано:

ПРИЕМНАЯ.

Он насмешливо ухмыльнулся, обернувшись к пятерым ожидающим, чуть язык

им не показал, а они побелели от зависти и покраснели от злости. Военный и

его незримый спутник шагнули в приемную, и тут Брока охватила дрожь...

Наконец– то!

Наконец я на пороге разгадки страшной тайны. Ещё шаг, и я увижу...

Кого?..

Человека?

Как же выглядит голова, измыслившая чудовищный Муллер-дом?

Да как бы ни выглядела, я сумею посмотреть ей в глаза!

XXXVIII.

Оригинал бога Муллера. – Баррикады на 490-м этаже. – «...придется уступить ещё шестьдесят этажей...» – Витек из Витковиц жив! – Старик Шварц и его газ. – Ночью, когда враг уснет...

Царские покои. На фоне тяжелых черных занавесей на пурпурном троне восседает невероятно тучный человек в безукоризненном темном костюме. Его жирное брюхо покоится на коленях. Лицо круглое, гладкое, мудрое в своей доброте; подбородок украшен окладистой, раздвоенной, как у ветхозаветного бога-отца, бородой. Голубые глаза, словно лишенные век,

пустым взглядом смотрят вперед. Если б не борода – вылитый Будда...

Это был тот самый человек, чье отлитое из золота изображение Петр Брок видел на бирже. И портрет в святилище Муллера наверняка писали с него!

Но в тот же миг Броку стало ясно, что лицо перед ним – неживое. Всего лишь маска со стеклянными глазами. Тело живет, шевелится, дышит, а вот как выглядит лицо, скрытое под маской? Отчего Муллер прячет свой истинный облик? Может, он так ужасен, что никто бы не выдержал его вида? У Брока руки чесались сорвать маску и глянуть на это лицо, каково бы оно ни было!

Однако, внимание! Человек на троне начинает говорить. Его губы едва шевелятся, но голос звучит резко и властно:

– Маршал Грант! Что ты можешь сказать об исчезновении Петра Брока?

Маршал пополз на животе от двери к самому трону. Только здесь он поднялся и униженно-смирненно пролепетал:

– О Повелитель, стражника Аокуна ночью чем-то усыпили...

– Это я знаю, стражник Аокун уже мертв! Но кто посмел...

– О Повелитель, я думаю, этих невидимых дьяволов несколько! Другого объяснения нет!

– Да, если не принимать во внимание халатность стражника! А сражение на лестнице пятьсот пятьдесят пятого этажа, которое ты позорно проиграл, мой маршал?!

– О Повелитель! – воскликнул Грант. – Я не виноват! Эти бандиты тайком спустились на десять этажей и атаковали нас с тыла!

– Настоящий военачальник не забывает о своем тьше! Осел! Как складывается обстановка на сегодняшний день?

– Они окружили три линии нашей обороны. Нашим солдатам пришлось пробиваться из окружения. Тем не менее потери минимальны – восемьсот убитых, две тысячи раненых, полторы тысячи в плену. Мы отошли на шестьдесят этажей. В четыреста девяностом секторе их продвижение остановлено наскоро сооруженными баррикадами.

– Я видел ваше паническое бегство и всю вашу трусость. Какие трофеи они захватили?

– Почти никаких, о Повелитель! Филиалы складов перед отступлением удалось вовремя эвакуировать...

– Лжешь! – крикнул голос. – Я сам видел амбары, доверху засыпанные зерном, видел штабеля консервных банок, холодильники, набитые мясом, подвалы, полные вина. Всё это теперь в их руках. Знаешь ли ты, животное, что через десять дней мы, возможно, ощутим нехватку продовольствия? Ты никогда не испытывал голода? Ничего, испытаешь, в камере обреченных на голодную смерть!

– О, Повелитель! – Грант бросился к его ногам. – Дай мне пятьдесят тысяч человек, и я клянусь загнать этих бандитов на крышу. Верну назад каждое зернышко, каждую консервную банку. У меня есть великолепный план! Уступим ещё шестьдесят этажей, пусть их армия войдет в Вест-Вестер, пусть упьется там вином и водкой. Сотня этажей, где на каждом шагу кабаки, бары, проститутки, воры и убийцы, охладят их революционный пыл, ржавчиной разъедят их железную дисциплину. А винные погреба довершат этот губительный процесс. Ведь их терзает мучительная жажда – вода на исходе. Пленные рассказывают, что они уже мочу пьют и кровь убитых.

– Да, маршал, иной раз голова у тебя неплохо работает, особенно когда со страху штаны обмочишь! Но не забывай, Витек из Витковиц ещё жив! Ни один из вест-вестерских головорезов с ним не справился. Впрочем, тебя бросят в голодный карцер не раньше, чем мы

вернем себе тюрьмы. Так что заботься пока о своем брюхе, копи сало, чтоб было чем питаться! А теперь – вон отсюда!

Маршал Грант побрел прочь, униженный, как потерпевший поражение генерал. За ним вошел старик Шварц. Он тоже пал ниц перед троном и смиренно приложился к левой штанине Муллера.

– Ты звал меня, о Повелитель? – пролепетал он еле слышимым голосом.

– Как тебе известно, твои дружки из «Эльдорадо» с треском провалились. Гипнотизер Мак Досс вообще не вернулся от Витека. Затея Чулкова также окончилась неудачей, хорошо хоть ноги унес. Перкера схватили и в наказание отравили его собственным ядом. У меня в запасе, правда, есть ещё Орсаговы бациллы, но Орсаг нужен мне сейчас для другого... Итак, поглядим, на что способен ты! Ты можешь приготовить большое количество своего газа?

– Я выпускаю карманные баллоны, о Повелитель, это доза для одного человека. Я ведь нищий, о Повелитель, нет у меня средств. По доброй воле никому стареть неохота...

– Сколько людей ты можешь состарить одновременно, если будешь выпускать свой СИО большими партиями?

– Весь Муллер-дом, о Повелитель, за одну ночь в богадельню превращу, – захихикал старик.

– Я хочу, чтобы ты применил свой СИО против армии рабов на четыреста девяностом этаже. Речь идет примерно о двадцати тысячах молодых рабов. Сколько времени тебе надо для производства необходимого количества газа?

– Двадцать тысяч человек? Восемнадцать тысяч галлонов, восемьдесят шесть мулльдоров. Время роли не играет...

– Значит, завтра?

– Завтра!

– Учти, у рабов есть противогазы – они разворовали наши склады. До сих пор все наши газовые атаки были безуспешны.

– Не велика беда! Пусть наши войска отступят ещё на один этаж, а на оставленной территории бросят мехи с газом. Ночью, когда враг уснёт...

– Хватит, мастер Шварц! Назначаю тебя главным адъютантом маршала Габлера! Вон!

Старикашка ещё раз приложился к левой штанине Муллера, мелкими шажками, руки по швам, попятился и исчез за портьерой.

Его место занял маршал Габлер.

Череп у него был розовый, лысый, словно полированный. Вначале Броку даже показалось, что у этого розового, безупречной формы шара вовсе нет лица. Потом он разглядел по бокам два махоньких уха и, только глянув на Габлера спереди, увидел, что в одном месте идеальная поверхность подпорчена каким-то морщинистым изъёмом. Размером он был с ладонь, но на нем весьма оригинальным образом разместились крохотные выпуклости и впадины. Что и было лицо Габлера, нового маршала.

– Маршал, – произнес голос, – восемьдесят тысяч человек ждут твоих приказаний.

– О Повелитель!

– Завтра утром к тебе явится твой главный адъютант Шварц.

– О Повелитель!

– Немедленно отправляйся на четыреста девяностый этаж. Войска двинулись по главной лестнице ещё ночью. Утром они должны быть на месте! Остальное тебе сообщит Шварц!

– О Повелитель!

– Вон!

XXXIX.

*Снова Ачорген. – Белая пушинка на плече Муллера. –
Орсаг бросается на помощь. – Схватка на полу. –
«Держите его!..»*

Только Габлер удалился, как из-за черной портьеры за тронном вышел принц Ачорген.

Брока его появление ничуть не удивило.

Ачорген сумел избавиться от пут и сразу же пришел к своему хозяину. Стало быть, Муллер уже знает об исчезновении принцессы! Поэтому Броку было до крайности любопытно, что за разговор состоится сейчас между неподвижным Муллером и его коварным секретарем. Вдруг Муллер даже маску снимет, чтобы отдохнуть: ведь от Ачоргена ему наверняка скрывать нечего. Но странное дело! Ачорген молча обошел трон, без малейшего намека на почтительность поднялся по ступенькам к Муллеру, поправил его руку на подлокотнике трона, смахнул белую пушинку с плеча и разгладил бороду.

Брок опешил от изумления. Неужто в этом надутым мешке нет ни капли крови? Лицо из воска, это сразу

видно, но неужто всё это – только чучело? Значит, не Муллер?! Так отчего же эти негодяи ему поклоняются?

Где же настоящий Муллер?

Может, его вовсе нет на свете?

А как же голос?

Где горло, в котором он рождается?

Или, может, это и вправду Муллер, только разбитый параличом? Может, всё его тело парализовано и работают лишь легкие и сердце? А мозг? А рот?

Брок взбежал по ступеням к трону. Приложил, чтобы удостовериться, руку к левой стороне могучей груди. Сердца не было. Наклонился к губам, сложенным в улыбку. Дыхания – тоже!

И ещё одна проверка – булавкой в живот! Если он живой, то взовьется от боли!

Как вдруг – и-и-и-и! – тонко запищала проколота резина.

Муллер на троне начал стремительно худеть. Живот на глазах опадал, головка склонилась набок, маска добродушия вместе с бородой сморщивалась с каждой секундой. В конце концов то, что совсем недавно было человеческой фигурой, превратилось в жалкую кучку черных тряпок.

Принц Ачорген наблюдал за скоростной гибелью лже-Муллера с каким-то злорадным удивлением. Но внезапно, будто опомнившись, в испуге закричал:

– Он уже здесь!

В ту же секунду сверху грянул голос:

– *Орсаг!*

Черная портьера раздвинулась, и из её складок вынырнул слепой Орсаг. Руки он поднял к вискам, линзы таращились, будто глаза хищной птицы. Вероятно, он стоял там наготове бог знает с каких пор... Было ясно, что Брока здесь ждали! Так, может быть, всё это просто новая ловушка?

Брок затаил дыхание. Но отскочить в сторону он не успел – в горло ему вцепились острые когти.

– Помогите! – заорал Орсаг, и словно в ответ сверху послышался пронзительный свист. Потом кто-то крикнул:

– Ачорген!

Но принц не пошевелился. В безумной схватке не на жизнь, а на смерть участвовали лишь его глаза. Изумленные, недоверчивые, оплетенные сеткой морщин, они всё время меняли цвет и выражение.

Брок и Орсаг вначале дрались стоя, потом рухнули на пол. На толстом ковре Орсаг несколько раз перевалился через своего невидимого противника. Брок сумел отодрать руку Орсага от своего горла, но потратил на это столько энергии, что тот придавил его. Отчаянным рывком Брок высвободил руки, зато Орсаг опять вцепился ему в горло. Собрав последние силы, Брок рванулся, выдернул руки из-под колен Орсага и сорвал с его висков коробочки. Что-то лопнуло. Руки на горле Брока мгновенно разжались. Тело Орсага обмякло.

Брок вскочил на ноги. И очень вовремя! Портьера распахнулась – на фоне черного бархата возникли десятки голов в блестящих шлемах.

Петр Брок бросился к двери, слыша за спиной крик:

– Держите его!

Радужный мост под его ногами отозвался отчаянным аккордом. Между пальцами засверкали шлемы, мост не допел ещё свой тревожный диссонанс.

Брок прыгнул в лифт и нажал кнопку номер 490.

XL.

Петр Брок решает спасти Витековых рабочих от старости. – «Напиток победы». – Бой на лестнице. – Старик Шварц на спине чудища.

Да! Прежде всего надо спасти 20 000 молодых революционеров от жуткого призрака преждевременной старости! А Муллер? Никуда он не денется! 100-й этаж! Достаточно нажать белую кнопку – и мгновенно окажешься в радужном дворце, где находится Голос.

Наверх!

Однако на этот раз механизм подъемника испортился. Стены отвратительно скрипели, стрелка на табло дергалась, пол ходил ходуном. У Брока закружилась голова.

Может, опять возвращается сон?

На миг, когда накатила дурнота и всё потемнело, лифт обернулся странными носилками, на которых лежал... Петр Брок! Два санитар в белом несли его куда-то, и вообще всё вокруг было снежно-белым... Но снег этот, мало-помалу тускнея, становился чёрным, и вот уже воцарилась тьма. Тьма без мыслей, без чувств, без впечатлений.

Но длилось всё это лишь мгновение. Лифт резко дернулся, и Брок пришел в себя. Двери открылись... Это уже четыреста девяностый?

Просторный зал превращен в лагерь. По обеим сторонам длинные ряды палаток, слышатся крики, смех, пение. Всюду толпятся воины в прозрачных островерхих шлемах и черных мундирах. За красными поясами торчат револьверы и кинжалы. Грудь крест-накрест перетянута шнурами, на которых черными шишками висят гранаты.

Одни храпят возле палаток, другие пьют «напиток победы», третьи играют в странную игру – складывают из золотых звездочек роковые созвездия. Охрипшими голосами они воспевают легендарные подвиги и сказочные победы божественного воителя Муллера на земле, на морях и на звездах.

Брок обошел несколько рядов – всюду одно и то же: палатки, песни, гранаты на груди и бутылки, призванные разжигать героизм черных вояк.

За проломом в стене виднелась главная лестница. Выглядела она совсем не так, как в тот раз, когда он проснулся на багровом ковре. Ковер исчез, белые ступени в брызгах запекшейся крови. В подсохших кровавых лужах – обрывки бинтов и клочья ваты. На стенах – царапины и следы пуль. Часть мраморных

перил сорвана взрывом, электрические лампы под потолком разбиты. Поле недавнего боя освещают мощные прожекторы.

В нестерпимо ярком свете Брок увидел высокую баррикаду, сооруженную из бочек, разбитых ящиков и мешков.

Возле неё было особенно шумно. Толпа наемников окружила неуклюжий, громоздкий аппарат вроде допотопного пожарного насоса. Одни качают помпу, другие наполняют из рукава с металлическим наконечником мехи и баллоны. На спине этого чудища сидит старик Шварц и, шамкая, отдает распоряжения. Полные сосуды укладывают в бочки и ящики.

Брок сразу всё понял: именно здесь Шварц наладил производство своего газа! Здесь наемники спровоцируют наступление рабов, а сами отойдут на один этаж. Рабы захватят эту страшную баррикаду, а потом...

Но ведь он и пришел сюда, чтобы этому помешать!

Предупредить Витека из Витковиц!

Остановить его, пока не поздно!

Петр Брок перелез через баррикаду и зашагал вверх.

Этажом выше чернело другое укрепление. Рабы построили его из железных столбов и балок, гранитных

блоков, здоровенных колес и станин от бог знает каких механизмов. Металл и камень сплошь да рядом спеклись воедино. Полурасплавленные, изъеденные плиты свидетельствовали о том, что против баррикады использовали напалм и кислоты.

Как же пройти сквозь страшное спекшееся укрепление? Огонь и тот не справился, а что могу сделать я – голыми руками? Баррикада – до самого потолка!

Но что это? За железной колонной, надвое разрезанной пламенем, прячется маленькая дверца. Она не заперта... За ней – коридорчик, который ведет под стальной панцирь.

Так Петр Брок благополучно оказался в лагере рабов.

Вокруг тьма, озаряемая лишь пламенем факелов. У них нет прожекторов, с сожалением подумал Брок, нет даже лампочек... Однако на лестнице что-то готовится. Факелы деловито снуют вверх и вниз, под ними – багровые пятна человеческих лиц. Тела, одетые в рубище, тонут во мраке.

Брок с трудом пробирался в суматохе факелов. Надо встретиться с Витеком. Но где его найти?..

Лестница кончилась, этаж развалинами стен бежал вдаль. Глаз с трудом привыкает к кровавым языкам факелов, которые, дымясь, капают смолой...

XLI.

*Пророк э-794. – «...и тогда я уничтожу Молоха живого!»
– Главный штаб. – Брок встречается с Витеком из Витковиц. – «Отложи наступление до завтрашнего дня...»*

Среди опустошения за обвалившейся стеной на грудё обломков стоит старик, со всех сторон освещенный языками пламени. Прямо над его головой в потолке зияет дыра, словно в неё только что улетел сам сатана. Старик грозно возвышается над толпой рабов. Он слеп...

Брок вздрогнул. Перед ним был тот самый слепой ветеран э-794. к которому он попал после долгого бесплодного бега по лестнице. В багровом отсвете факелов он как последний апостол, собравший измученную паству в глубине катакомб.

– Десять лет я ждал, – говорит он взволнованно, и слова его жгут огнем, и вот однажды открылась стена... Человеку не дано пройти этим путем!

Это был Он, долгожданный Освободитель, Несущий свет!

Пришел, чтобы вывести нас из этого ада в тысячу этажей!

Горе тебе, Муллер, тысячу раз горе!

Настал час отмщения!

Восстаньте против него, сбросьте оковы рабства!

Ибо Он сказал: Я снова верну вам солнце и любовь, желания и мечты!

Выведу вас из муллердомовского заточения и отведу в дома ваши!

И ещё сказал Он: Я сойду к вам и буду трудиться для вас, чтобы вы могли трудиться для меня!

Из толпы раздался голос:

– Раз он так могуществен, этот твой бог, почему он сам не уничтожит Муллера, чтоб мы смогли войти в Гедонию без кровопролития?

– Труссы! – воскликнул старец. – Разве не сказал Он: Ступени озарены будут факелами, а потолки лопнут, как пузыри под ножом!

И будет кровопролитие, какого заезды ещё не видывали!

Кровь врагов поднимется выше баррикад и польется по ступеням багровым водопадом...

И снова из толпы слышалось:

– Муллер обещает нам после смерти жизнь на звездах. А что обещает нам в мире ином твой бог?

Старец воздел руку к потолку, откуда сквозь рваную зияющую дыру низвергалась тьма.

– Он сказал: Есть ли для вас что-либо хуже и лучше смерти? Доброй и тихой смерти без сновидений, как сон слепого младенца!

В толпе зароптали:

– Зачем думать о смерти, когда нас ждет райская жизнь в Гедонии? Отправим в рабство обожравшихся небожителей вместо себя. А сами будем наслаждаться в раю на земле!

– Горе вам, – вскричал пророк, – если возжаждали вы создать новых кумиров из чрева своего!

Ибо Он сказал: Вы войдете в его храмы, опочивальни и трапезные, изгоните лжепророков, и торгашей, и сибаритов, и руки ваши останутся неоскверненными!

Вы свергнете идолов Молоха, и тогда я сам уничтожу Молоха живого!

Многие из слушателей с ропотом отходили от этого пророка, присоединяясь к другой толпе. Там проповедовал иной слепец, возвещавший радости, которые ждут их в райских краях Гедонии.

Брок вместе с несколькими верующими остался возле своего старца, с огромным интересом внимая его пророчествам. Удивительно, до чего же умен этот старик – воспользовался случайной с ним встречей и стал провозвестником новой веры, в помощь Витеку из Витковиц! На миг Брока охватило желание заявить о своем присутствии, подтвердить слова слепого прорицателя. Но он поспешил отогнать эту мысль.

Ведь иначе он замешкается тут, не выполнит вовремя свою миссию, ему давно пора вернуться на сотый этаж и завершить начатое дело.

Таблички со стрелками указали ему путь к штабу. По приставным лестницам он сквозь дыры в потолке поднялся несколькими этажами выше и наконец очутился перед дверью, на которой было написано:

ГЛАВНЫЙ ШТАБ.

Он проскользнул внутрь вместе с запыхавшимся связным, который только что откуда-то вернулся.

За дубовым столом вместе со своим штабом сидел Витек из Витковиц. Перед ним лежала карта военных действий в Муллер-доме.

Это был сухощавый молодой человек с растрепанными, черными как ночь волосами. Серые глаза, бледные, крепко сжатые губы, крупный нос и энергичный, словно высеченный из гранита, подбородок. Он курил одну сигарету за другой, и кончики его пальцев пожелтели от никотина.

– Витек, – воскликнул связной, – пробиться не удалось!

Витек даже бровью не повел. Он склонился над картой – планом 490-го этажа – и в один из квадратов воткнул черный флажок. Там уже чернели три таких флажка...

Связной, с трудом переводя дыхание, продолжал:

– В том месте, где ты указал, рота саперов увязла в песке. Весь подвал под этой опочивальней доверху засыпан песком. А в песке спрятаны мины. Одна из них

от удара кирки взорвалась. Двое братьев убито, трое ранено.

Лица сидящих за столом помрачнели.

– Проклятый этаж!

– Это уже в четвертый раз!

– Всюду песок, и только песок.

– Неужели эти негодяи засыпали весь этаж от пола до потолка?

– Похоже, они кое-чему научились, – сказал Витек. – У них во всех помещениях стоит охрана. Как только они слышат удары над головой, мигом поднимают всех по тревоге и засыпают помещение песком, прежде чем мы туда пробьемся.

Вбежал новый связной. Налицо Витека отразилось нетерпеливое ожидание.

– Ну что?

– Песок, – выдохнул связной.

Витек до крови закусил губу. А на карте появился ещё один черный флажок.

– Придется сегодня же штурмовать баррикаду, – хмуро сказал он, – другого выхода нет.

Он взял другую карту, длинную и узкую, с изображением вертикального разреза Муллер-дома от основания до самой крыши. Проломы в потолках и главные укрепления на лестнице были обозначены красными флажками.

Военачальники молча склонились над картой, потом заговорили:

- Нелегкая будет работенка!
- А до «Вселенной» ещё девяносто восемь этажей!
- Питьевой воды у нас меньше чем на сто сорок четыре часа!
- А вина – на шестьдесят часов!
- А там настанет черед вест-вестерской водки!..
- Сонные порошки, дурманные пилюли и кокаин!
- Горе нам!
- Вся надежда на воздушные корабли «Вселенной»!
- Но до них, братишка, аж девяносто восемь этажей!
- Брут, – обратился Витек к одному из генералов, – сегодня ночью ты атакуешь девятую баррикаду. Оборона у черных очень крепкая, потому что они готовятся к наступлению. Пусть пять тысяч человек ждут моего сигнала!

И в этот миг заговорил Петр Брок:

– Витек из Витковиц!

Все повскакали, озираясь по сторонам.

А Брок между тем продолжал:

– Отложи атаку на один день. Если ты начнешь наступление сегодня ночью, то погубишь свою армию!

Витек опомнился первым и крикнул:

– Чей это голос?

Голос представился:

– Я Петр Брок!

– Так, может быть, ты и есть тот самый бог, о котором возвестил пророк номер семьсот девяносто четыре?

– Я не бог. Я пришел предупредить, чтобы ты не начинал наступления сегодня ночью.

– Почему?

– Не спрашивай! Поверь мне, и завтра во всем убедишься сам!

– Я верю тебе и сделаю, как ты велишь! Наступление будет отложено...

Брок исчез, покинув изумленных и радостных предводителей восстания.

XLII.

Газ из мехов будет уходить потихоньку. – Красный треугольник. – Тоска старика Шварца. – Прежде чем постареть... – Кнопка 100.

Всюду на пути Брока восставшие рабы готовятся ко сну. Главная лестница освещена одним-единственным факелом. Брок быстро проскользнул в дверь в железной баррикаде. Несколько прыжков – и перед ним неприятельские укрепления. Он бесшумно перебрался на ту сторону.

В золотистом конусе света от прожектора сидят на ящиках два человека. Один из них, молодой, смотрит на баррикаду. Второй самодовольно улыбается всеми своими морщинами. Это Шварц.

– Сегодня я могу спать спокойно, – прошамкал он, тряся сморщенной головенкой. – Если они что предпримут, пальнем раз-другой для отвода глаз: вот, мол, как мы сопротивляемся, будто детишек своих защищаем. А потом будем «вынуждены» отступить этажом ниже. Они же тем временем расползутся здесь как вши...

– А вдруг они обнаружат бочонки с вашим газом? Что тогда?

– Не обнаружат, мой мальчик, не обнаружат... Бочонки наполнены винцом, а мехи плавают в вине, и газ будет из них потихоньку уходить... Таких бочонков «на всякий случай» там полным-полно, с виду безобидных, как дитя в пеленочках. Настоящие же газовые бочонки помечены красными треугольниками и стоят в углах. По сигналу...

– Ты, дед, всё это здорово придумал, но что, если эти пролетарии улягутся далеко от твоих бочонков?

– Не беспокойся, желторотик, я и это учел... ещё до того, как ты на свет божий появился. Они расположатся, как и мы, в районе лестницы! Витек будет держать их возле себя, чтобы они не загуляли по трактирам да барам, смекаешь теперь, несмышлениш?

– А вдруг они устрелятся за нами на лифте?

– Не плачь, мой маленький, это у тебя зубки режутся, сейчас я тебе пеленочку переменю... Если б управление лифтом было в их руках, они бы давно шастали отдыхать в Гедонию!.. Пеленочку намочил, бедненький мой...

Беззубый рот Шварца разинулся в долгом зевке.

Этим воспользовался Брок. Схватил ком ваты и заткнул им черный провал стариковского рта.

В следующую секунду он рассчитался с любопытным «ребеночком». Не успел тот опомниться, как Брок саданул его кулаком в висок. Парень так и покатился куда-то в темноту.

Между тем старый маразматик хотел было удрать от Брока, да с какой прытью! Но Брок поймал его за ногу и дернул назад. А затем надежно связал длинной веревкой.

– Не беспокойся, дед, – прошептал он прямо в испуганные глазки Шварца, – тебе СИО уже не повредит... Или боишься постареть ещё на сто лет?

После этого с помощью кляпа и веревки Брок скрутил и его напарника. А покончив с обоими, осторожно подобрался к палаткам.

Лагерь спал.

Со скучающими часовыми Брок расправился быстро и ловко. И сразу же увидел бочонки, помеченные красными треугольниками. Из-под них торчали резиновые шланги, стянутые веревкой. Брок торопливо принялся их развязывать.

Когда он возился с последним бочонком, у него внезапно закружилась голова. Мозг, точно бритвой,

резануло багровым треугольником. Брок чувствовал, что теряет сознание. Напрягая силы, сумел-таки взять себя в руки.

Прочь, прочь отсюда, пока я не состарился!

Шатаясь, он двинулся вперед.

Ещё три шага – и лифт!

Ещё шаг – и я упаду! В последнюю секунду, когда багровый треугольник терзал рассудок невыносимой болью, Брок ввалился в лифт.

Кнопка 100! 100! 100!

Брок рухнул на пол...

XLIII.

*100-й этаж. – «Тебя обманули. Морская Чайка!» –
Прежде всего отыскать Муллера. – Телохранители
Огисфера Муллера. – Его библиотека.*

Ему чудилось, что он лежит на прохладных простынях и смотрит в потолок. Потолок сплошь белый, только посередине – красный треугольник. Бессмысленный, невыносимо багровый, он давит на мозг, вызывая ужасную боль. Словно в этом треугольнике есть

отверстие, и кто-то стремится втиснуть в это отверстие его череп. О, если б не этот треугольник! Как бы здесь было хорошо! Потолок белеет, точно сахар, даже во рту сладко становится. Уснувшим бутоном водяной лилии с него свисает матовая лампочка.

И вдруг – толчок!

Что случилось?

Ах да! 100-й этаж!

Открытая дверь лифта, пальмовая роща, мелодичная радуга моста.

Брок хотел перебежать по нему, но вовремя спохватился.

Нельзя!

Ведь он выдаст себя.

Муллер сразу поймет, что незваный гость хочет проникнуть в его святилище. Ведь это не мост, это арфа, на которой должен сыграть мелодию каждый входящий во дворец Муллера!..

Остается только ждать, чтобы слить свои шаги с другими, которые тоже направятся сюда.

Ждать пришлось недолго. Послышались шаги, и среди пальм показался... лорд Гумперлинк! Да-да, он самый, Морская Чайка! Его Брок ожидал увидеть меньше

всего! Откуда он взялся? Воспоминание о принцессе обожгло сыщика огнем. Что с ней случилось?

Лорд Гумперлинк без колебаний вступил на мостик. Следом за ним, нога в ногу, двинулся Брок. Мост отозвался грустной мелодией, которая затихла, только когда они остановились у ворот дворца.

Морская Чайка с наслаждением принял все процедуры, предваряющие аудиенцию. В белом одеянии римских патрициев он явился перед идолом.

Дутый Муллер с расчесанной окладистой раздвоенной бородой опять восседал на своем троне, разложив на коленях живот, на лице его снова застыла улыбка.

– О, Повелитель! – воскликнул Гумперлинк, касаясь лбом ковра. – Я исполнил твой приказ!

– Какой приказ? – донеслось как бы изнутри фигуры.

– Отвез принцессу Тамару обратно на родину!

Брок с облегчением вздохнул.

– Это я тебе приказал?! – прогремело по залу.

– Я повиновался твоему голосу, о, Повелитель!

Морская Чайка коротко рассказал, как его разбудили, как он вначале не поверил и с револьвером в руках бросился к дверям, но потом подчинился, убедившись, что голос звучит с потолка.

– Тебя обманули! – злобно прошипел идол. – Обвели вокруг пальца, как мальчишку! Осел ты, а не Морская Чайка! Ты внял голосу не моему, а дьявола!

Немедленно назад! Подними по тревоге весь флот! Он к твоим услугам! Но без принцессы не возвращайся! Вон!

Лорд Гумперлинк исчез. В зале остался один Брок. Теперь надо действовать быстро, ибо его принцессе грозит опасность...

Скорее, скорее покончить с этим делом!

Прежде всего надо отыскать Муллера!

Обшарить весь дворец!

Все залы, все ниши осмотреть, простучать все стены, полы, потолки...

Крадучись, он подошел к черной портьере за тронном. Отвел её и увидел стеклянную стену, разделяющую тронный зал на две половины. Брок проскользнул в скрипнувшую дверь на ту сторону. До чего же вторая половина зала не похожа на первую с её сверкающим тронном!

Среди чудовищного беспорядка, как бы в минуту затишья между попойками, здесь валялось с десятков мужчин – этаких полураздетых здоровяков-римлян с мускулистыми, гладко выбритыми лицами. Их

прозрачные непробиваемые шлемы и панцири разбросаны тут же, между матрацами, на которых они спят.

Телохранители Огисфера Муллера!

Брок на цыпочках прошел мимо... Длинный, узкий коридор, винтовая лестница и снова дверь:

БИБЛИОТЕКА.

Стены от пола и до потолка заставлены всевозможными книгами. Некоторые из них толсты, как стволы вековых дубов, и из-за нелепой своей толщины фактически перестали уже быть книгами.

Библиотека Муллера!

Значит, и сам Муллер должен быть где-то поблизости. Брок просмотрел книги, лежащие на столе.

«ГИМНЫ И ОДЫ ВО СЛАВУ БЕССМЕРТНОГО МУЛЛЕРА».

«МОЛИТВЫ, ОБРАЩЕННЫЕ К ВСЕВЫШНЕМУ МУЛЛЕРУ».

«О ТОМ, КАК ОГИСФЕР МУЛЛЕР ПОКОРИЛ МИР. ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ».

*«ЗВЕЗДНЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА.
ИСТОРИЯ ВСЕЛЕННОЙ».*

«РАЙ И АД ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА».

«ТЫСЯЧА ЛИЦ ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА».

«КАК СТРОИЛСЯ МУЛЛЕР-ДОМ»

«ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МУЛЛЕР-ДОМУ».

«ГЕДОНΙΑ И её УСЛАДЫ».

*«О ЗЕМНЫХ СТРАСТЯХ ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА. КАК ОН
ЛЮБИЛ ВСЬ МИР».*

*«ОГИСФЕР МУЛЛЕР. БОГ И ЧЕЛОВЕК. ФИЛОСОФСКАЯ
СЕРИЯ».*

Брок понял: великое множество всех этих книг посвящены одному – культу сей загадочной личности. Чем ближе к Муллеру, тем сильнее разгорается любопытство Брока. Как же он выглядит? Кто он?

XLIV.

*Как мучить цветы. – Огисфер Муллер забавляется в
детской. – Сокровищница. Маски из человеческой кожи.
– Орангутанг!*

Следующая комната – стеклянные витрины, в них серебристые модели странных, не виданных Брокком аппаратов и приборов. Может, это созданные изощренным умом орудия пыток? Судя по форме, некоторые из этих орудий предназначены скорее для мучений животных, птиц, насекомых, но не людей.

На столе в вазе с желтой вонючей жидкостью – почерневшая гроздь сирени. Рядом книга в пергаментном переплете:

«Огисфер Муллер. КАК МУЧИТЬ ЦВЕТЫ».

Брок наугад раскрывает пухлый том:

«Как замучить розу.

Расцветшую розу надо отжечь от куста.

*При этом ствол следует держать в огне до тех пор,
пока стебель розы не отвалится.*

Затем ободрать стебель до самого цветка и поставить в вазу с кипятком. С помощью стеклянного змеевика накапать в вазу концентрированный раствор серной кислоты. На ароматометре можно проследить за стремительным взлетом кривой запаха и её резким спадом. Подключив ароматофон, вы услышите тихий стон царицы цветов. Она побледнеет, потом посинеет и внезапно опадет.

Пестик надлежит вырезать...»

Так вот, значит, какова душа Огисфера Муллера! Что же это – безумие или патологическая извращенность? Смотрите – белая лилия в вазе поражена черными пятнами. Хризантема задохнулась под стеклянным колпаком от паров никотина! Алый пион, пестик которого проткнут отравленной иглой, гибнет в сосуде со спиртом.

Впрочем, глумление над цветами свидетельствует лишь об инфантилизме извращенного кретина! Но другие странные предметы, о чудовищном назначении которых можно лишь догадываться, не являются ли они орудиями пыток живых существ?

Покинув эту жуткую комнату, Брок замер в изумлении – он стоял на пороге... детской!

Какой невероятный контраст! Тихий, волшебный приют ребячьих грез! Детская кроватка... На пестром ковре – широкий круг железной дороги, у жестяного перрона стоит длинный поезд. Есть тут и тоннель, и мост, и стрелки. Чуть дальше разбросаны строительные кубики, из которых кто-то начал возводить храм и бросил – вечером закончит... Рядом – красный волшебный фонарь с диапозитивами. Детская типография, на клочке бумаги оттиснуто сначала четко, а потом всё бледнее – Огисфер Муллер... Огисфер Муллер... Огисфер Муллер...

Неужели у этого проклятого тирана и инквизитора есть сын по имени Огисфер? Или в силу какой-то невероятной сентиментальности он увековечил здесь воспоминания своего детства? Может, он сам заводит игрушечный поезд и смотрит диапозитивы?

А что же находится рядом с детской? Гостиная со швейной машинкой и семейными портретами, спальня или кухня с плитой и полкой, уставленной белой посудой?

Комната была красная и совершенно пустая. Лишь посередине на круглом столике – хрустальная чаша с прозрачной жидкостью. В ней плавает человеческое сердце...

Следующая комната – синяя. И опять хрустальный сосуд с водой, в которую погружены два голубых человеческих глаза.

Но Брок уже ничему не удивлялся. Он быстро шагнул из одной комнаты в другую, пока не очутился в душном помещении, где металась, жалобно мяукая и завывая, чуть не сотня черных кошек. Из этого кошачьего царства он попал в роскошный зал, полный несметных сокровищ.

Купленные, украденные и полученные в заклад короны царей и императоров, золотые скипетры и державы, церковные дароносицы, облачения из Ватикана, из буддийских храмов, из пещерного святилища далай-ламы.

Оправленные в золото бриллианты величиной с гусиное яйцо украшают рамы полотен старых мастеров, свезенных сюда из прославленных музеев разоренной Европы.

Слитки золота, платины, солиума и радия.

Кучи перстней, цепочек, ожерелий осыпаются, перемешиваясь друг с другом.

Бочонок, полный золотых часов!

Ящик серег!

Шпалера сундуков с золотыми монетами всех стран мира...

Посреди зала темнела круглая дыра, обнесённая перилами. Чтобы прикинуть её глубину, Брок швырнул туда золотой слиток. Потом долго считал и прислушивался – тщетно!

Осмотревшись, он заметил у края колодца электрический выключатель повернул его, и ствол колодца осветился до самого дна. Брок понял, это вход в гигантскую шахту глубиной сто этажей, служащую фундаментом Муллер-дома. А комната, где он стоит, – сокровищница, в которой Муллер хранит найденное в разных концах света...

Из золотой кладовой Брок прошел в гардеробную.

Многоэтажные вешалки, забитые разнообразнейшей одеждой. Новенькие генеральские мундиры, безукоризненные костюмы биржевиков, рясы монахов и епископские ризы, матросская тельняшка, широкополые ковбойские шляпы, цилиндры, кепки апашей, залатанное тряпье нищих и белые балахоны призраков. Но вот что странно: всё это сшито на человека малорослого, узкоплечего, коротконого. У некоторых костюмов были широченные накладные плечи, у других – накладной ватный живот. Брок углядел даже пиджак с фальшивым горбом.

Угол ошетинился деревянными, инкрустированными серебром палками, кнутами, плетками, арапниками, тростями с потайными кинжалами, епископскими посохами и клюками юродивых. В ларях сложены трубки, очки, вставные челюсти, искусственные уши, носы, парики, резиновые конечности с пружинными механизмами.

Но самое жуткое – шеренга голов-болванок, на которые натянуты человеческие лица: специально обработанная кожа снята вместе с усами и бровями. Упругие, словно резиновые маски: стоит их натянуть, и создается полная иллюзия нового лица...

О, сколько возможностей для виртуозных метаморфоз! Давно умершее лицо можно надеть, как шляпу! Понятно теперь, господин Муллер, почему в тебе сам черт не разберется! Бродишь по своим этажам то генералом, то безногим калекой, то грузным биржевиком с золотой цепью на животе, то горбатым шутом – но кто же ты все-таки есть?

На пороге следующей комнаты Брок замер.

В открытой ржавой клетке раскинуло узловатые руки-ветви сухое дерево. На одном суку раскачивалось уродливое страшилище – орангутанг!

Брок отступил назад, решив, что обезьяна заметила его: когда он появился в дверях, животное ощерило

зубы. Но после нескольких попыток он вновь осмелел и на цыпочках прокрался под самым оскалом клыков.

Наконец пальцы его коснулись ручки следующей двери

Очень осторожно, потихоньку, медленно-медленно приоткрыл дверь, скользнул в образовавшуюся щель и так же бесшумно затворил дверь за собой.

XLV.

Машина всеведения. – Да, это Он! Вот его голова – рукой подать. – Голос биржи.

Брок осмотрелся.

Огромная, немыслимо сложная машина высилась полукругом напротив двери, занимая всю стену зала. При виде её Брока бросило в дрожь. Беспорядочное на первый взгляд переплетение спиралей, проволочек, звоночков, кнопок, трубочек и фосфоресцирующих указателей соединялось в какое-то жуткое сооружение, напоминающее живой организм – нутро ожившего универсального робота...

Неоглядный ряд клавиш, словно бесконечное пианино. Клавиши неодинакового размера, с закругленными концами – ни дать, ни взять – хрупкие девичьи пальцы с ухоженными ноготками.

Как похоже на стеклянный орган, подумал Брок, глядя на несчетные прозрачные трубки, в начале ряда маленькие и тонкие, в конце – большие и толстые. Повсюду, повсюду причудливые детали в безумном тысячекратном повторе. Тысяча клавиш, тысяча звоночков, тысяча лампочек, тысяча выпуклых глазков, изредка подмигивающих холодными зелеными огоньками – будто кошачьи зрачки шлют в ночи загадочные сигналы.

В сердце этой чудовищной машины, подобной исполинскому алтарю злобного языческого божества поблескивает белый диск – как огромная облатка в дарохранительнице. Под диском расположена чаша громкоговорителя из какого-то отполированного материала.

Перед алтарем в глубоком кресле кто-то сидит спиной к Броку. Виден лишь рыжий чуб, языком пламени торчащий над спинкой кресла.

Брок затаил дыхание.

Это и есть Муллер?

Низенький, щедушный, он совсем утонул в кожаном кресле. И похож скорее на рыженькую девчонку – из-за спинки даже головы не видно...

Брок, бесшумно ступая, обошел кресло.

И увидел маленького, сухонького уродца в ярко-зеленом халате. Дряблые щеки его обвисли безобразными складками. Вывернутая нижняя губа – черная и сухая до самых десен. А от неё росла рыжая борода, которая разветвлялась внизу на две жидкие прядки, доходящие до самых колен.

Зато нос – гордая линия орлиного клюва! Блистательный излом раковины! Твердый, суровый изгиб! Свидетельство высокомерия, мизантропии, жестокости и стремления покорить мир!

Огисфер Муллер!

Да, это он!

Этот смешной, желчный коротышка, заживо, как в могиле, погребенный в глубинах кресла.

Волосатые уши с серыми мочками – неужели это и есть те уши, страшась которых умолкает любой голос в Муллер-доме?

А ядовито-зеленые, слезящиеся, бегающие глазенки в рамке морщин – неужели это и есть те всевидящие

очи, которые замечают разом все, что творится в сотнях тысяч комнат на тысяче этажей?

А это та самая голова, что породила чудовищный замысел создать на земле ад и рай?.. Вон она, рукой подать, и я могу раскроить этот череп, убить живущее в нем страшное безумие, разбить его на тысячу кусков!

Муллеру захотелось чихнуть. Он поднял руку к носу и прикрыл его ладонью. Брок ждет, что будет дальше, и с изумлением видит, что нос, блистательный орлиный нос остался у Муллера в руке! А вместо него на лице объявилось нечто короткое, вздернутое, без всякого намека на переносицу – две круглые дырки в пуговице, прилепленной между щек. Теперь Брок узнал это лицо: он видел его в окошке наверху, когда почти без сознания лежал в зеркальном зале...

Орлиный нос вернулся на старое место.

Но почему эти слезящиеся зеленые глаза, как бы вклеенные в рамку морщин, почему они так пристально всматриваются в блестящий диск?

Что это такое?

Зеркало?

Да, зеркало, только очень странное. В его серебристо-прозрачной глубине не отражается ни один из предметов, находящихся в этой комнате.

Зеркало пусто!

Гладкая серебристая глубина, и больше ничего...

Однако же внезапно эта непроглядная серебристая глубь словно бы обмелела, потемнела, и Брок смутно различил какое-то движение; так и кажется, что смотришь в мощное увеличительное стекло на муравейник. Потом кишачая масса приблизилась, распалась на отдельные элементы, приобрела четкие очертания.

От неожиданности Брок чуть не вскрикнул: биржа!

Да, так выглядела биржа с птичьего полета.

Брок вспомнил про стеклянное окно в потолке...

Он видел биржу с прозрачной статуей Атланта, с муравейником черных цилиндров.

Человек в кресле нажал на что-то своими костлявыми пальцами.

Послышался душераздирающий звук, напоминающий вопли мартовских котов. Потом всё стихло, и чаша в центре алтаря заговорила.

Брок тотчас узнал голос биржи.

Невнятица таинственных шепотов, шагов, возбужденных восклицаний сливается воедино с коловращеньем фраков, цилиндров, лиц...

Но пальцы Муллера снова касаются клавиш, глухой шум рассыпается на отдельные звуки, среди которых четко выделяются два писклявых голоса:

- Купил?
- Я понес убыток!
- Скверные времена!
- Мулلدор падает...
- Сколько?
- Двадцать пять!
- Ого-го!
- Тс-с-с!

Их сменяет другая пара:

- А теперь что?
- Девяносто девять!
- А завтра?
- КАВАЙ...
- Проклятый голос!
- Удрал!
- Убил Орсага!
- Глаза ему вырвал!

- Кто?
- Голос!
- А Великий Муллер? – Тс-с-с! И ещё один диалог:
- Курс белых падает...
- Принцесса сбежала!
- Он её похитил...
- Кто?
- Голос!
- А наш повелитель и кормилец?
- Хватит этого сладкого елеса!
- Конец близок!
- Тс-с-с!
- Чего бояться? Приидет нечто большее, чем Муллер!
- Тайна «Вселенной» раскрыта!
- С бога сорвали маску!
- На бирже крах!
- Ну так кто победил?
- Тс-с-с!!
- Хватит вам шикать!

- Муллер погибнет!
- А кто победит?..
- Он!
- Голос!

XLVI.

«Герр Эрлебах!» – Речь держит горбун. – «...побыл ослом – и будет!» – «Арестовать Чулкова!» – Будто линяла целая собачья свора. – «Смерть паразитам!»

В этот миг Огисфер Мюллер приподнялся с кресла и нехотя взял на клавиатуре аккорд, который ему, похоже, давно опротивел. А затем с ледяным спокойствием крикнул в хрустальную чашу:

- Герр Эрлебах! В серебристом диске на фоне черно-белой мозаики фраков и манишек появилась бледная, перекошенная от ужаса физиономия.
- Герр Эрлебах! Человек пал ниц, воздев руки.
- Пощады! Пощады! – взмолилась чаша. Но Огисфер Мюллер процедил с непоколебимым спокойствием:

– Герр Эрлебах! Девяносто пять! Шестьдесят четыре! Красные зеркала, дверь номер семь!

Диск подернулся беловатой пеленой и снова стал ясным и прозрачным. Серебристая глубина стремительно пошла на убыль, и вот уже на экране – гостиница-трактир «Эльдорадо!» Под матовыми лампами в виде черепов за дубовым столом собралась компания авантюристов; об их ремесле Брок узнал тогда, побывав в Вест-Вестере. Когда же это было? Сколько времени минуло с тех пор?

Из знакомых здесь – горбун Чулков, безрукий убийца Гарпона да ещё великан, поймавший Брока в сети, и разжалованный, оскорбленный маршал Грант, который, судя по всему, вполне приспособился к новому окружению и не выделялся ни манерой говорить ни одеждой, ни поведением

Речь держал горбун:

- Ну кто же из вас его поймает? Ко-ко-ко-ко Может, ты, Гарпона прикончишь его голыми ногами? Или ты, Секретарь, дашь ему понюхать Шварцеву розу, напоенную старостью? Ла-ла-ла-ла! А на что годишься ты, Мурно, со своим любовным напитком? Тебе известно, сколько ему лет? Ты хочешь, чтобы он сгорел от любви к принцессе Тамаре? Ме-е-е! Все вы

остались в дураках с вашими газами, порошками и пилюлями! Кто из вас его поймает? Ме-е-е!

– Он – не человек!

– Он бог!

– Бог позволил бы себя поймать в сети?

– Нет бога, кроме Муллера!

– Значит, дьявол сильнее!

– Сильнее Муллера?

– Тс-с-с?

Все за столом как по команде приложили палец к губам. Но горбун знай себе кричал:

– Труссы! Неужели вы ещё не поняли! Кто бы он ни был

– бог, человек или ничто, но он сильнее и могущественнее нашего Муллера! А потому, пока не поздно, давайте играть в открытую. Перейдем на сторону сильнейшего! К черту Муллера!

Огисфер Муллер снова привстал в кресле. Взял на длиннущей клавиатуре несколько безмолвных аккордов и наклонился к хрустальной чаше.

– Сударь Чулков!

Вся пятеро выскочили из-за стола, волосы у них встали дыбом, физиономии перекошились от ужаса.

Один Чулков остался на месте. Лишь резко отодвинулся от стола, так что стул жалобно заскрипел. Потом схватил стакан и с размаху швырнул его в потолок. Все вокруг неотрывно смотрели на него, то ли с тупым изумлением, то ли злорадно

Петр Брок ждал, что человек в кресле рассвирепеет, разнесет комнату в пух и прах, а голос его засвистит от злобы, как пуля.

Но ничего подобного не случилось. Такое впечатление, что у коротышки в кресле вообще нет ни нервов, ни гнева. Нечеловечески бесстрастным, почти сонным голосом он обронил в микрофон

– Сударь Чулков! Девяносто пять! Шестьдесят четыре! Красные зеркала, дверь номер семь'

Брок пристально следил за дрожащим от ярости горбуном, который треснул кулаком по столу и строптиво взвизгнул в потолок

– Не пойду, никуда не пойду! Я много сделал для тебя, благодетель! Ме-е-е! Но теперь и пальцем ради тебя не пошевелю! Я убрал старика Галию, а чем ты меня отблагодарил? Пятьдесят тысяч звезд, конечно, подарок божественный – кукареку! – каждый вечер я смотрю на них и лопаюсь от злости! Даже в Гедонию ты меня не пустил, отче небесный, обещал, а не пустил! Только я туда всё равно попаду, вонючка

проклятая, и катись ты со своими звездами куда подальше, смотреть на них я и без тебя могу, когда мне заблагорассудится! Расплачивайся звездами с другими идиотами, рыжий дьявол, а с меня хватит, побыл ослом – и будет! Тра-ля-ля! Тра-пя-ля!

Расхрабренный горбун, вероятно, ещё долго угрожал потолку, но Муллер, пробежав пальцами по клавишам, остановил поток его красноречия, и кичливый горб исчез, стертый туманной пеленой.

На экране возникла подобоострастная фигура полицейского инспектора. Муллер продиктовал:

– Этаж четыреста одиннадцатый – Вест-Вестер, гостиница «Эльдорадо»! Арестовать сударя Чулкова! Поместить его в Красных зеркалах, девяносто пять, шестьдесят четыре, семь!

Полицейский тоже растворился в тумане. Огисфер Муллер опять нажал на клавиши. Из стеклянного органа слышались тягучие, жалобные вопли, будто младенцы скулят. Впрочем, точно так же завывали черные кошки в одной из пройденных Бромом комнат. Может быть, и правда есть какая-то связь между сластолюбивыми кошками и этим сатанинским алтарем?

Ряды круглых зеленых глазков машины горят, словно тысячи кошек смотрят из темноты...

Кошачий концерт внезапно оборвался, и диск мало-помалу посветлел. Брок увидело птичьего полета военный лагерь. На экране медленно разворачивалась панорама боя. Вот баррикада революционеров, вот «ничейная земля», укрепления наемников и, наконец, их бивак.

На лице Муллера появилось выражение беспокойства. Хрустальное жерло заговорило огнем и дымом взрывов! Огромный зрачок наблюдает отчаянную атаку восставших на предательскую баррикаду. На деревянной стене из ящиков и бочек вдруг распустились тысячи голубых огоньков. Пылающая смола потоками стекает по деревянным сооружениям. Из шлангов вырываются струи кипятка.

Но странное дело – баррикада мертва! Никто не карабкается на её вершину, не размахивает среди огня флагом смерти! Даже смешно – отчаянный штурм безлюдной баррикады. Восставшие в слепой ярости рвутся вперед, в огне и грохоте им чудится черный ангел, опоясанный красным кушаком, но его нет!

Брок с таким же напряжением, как и Муллер, следит за лихой атакой. И вот баррикада взята.

Но что это?

Толпы старых хрычей, подняв руки, жмутся по углам. А захваченный лагерь – какая же плачевная картина

полнейшего бессилия! Всюду запавшие рты, костлявые подбородки, согнутые спины!

Армия плешивых, беззубых, морщинистых, как сушеные грибы, стариков елозит на коленях перед изумленными победителями, а те топчут ногами клочья выпавших волос, будто здесь линяла целая собачья свора. В довершение всего кругом, точно драконье семя, рассыпаны почерневшие зубы.

Из громкоговорителя несутся крики ликования и восторга:

- Это Он! Он!
- Петр Брок!
- Сыщик!
- Бог!
- Тот, о котором возвестил пророк!
- Наш новый бог!
- Он сотворил чудо!
- Он с нами!
- Он!
- Бог и сыщик!
- Тише! Тише!

Над опадающей волной криков поднялся громовой голос.

- Все за мной!
 - Лестница свободна!
- И снова крики:
- Победа!
 - Вперед!
 - Смерть паразитам!

XLVII.

*Генерал Окс. – «...ловушка за ловушку!» – Муллер предлагает Броку стать живым богом в Муллер- доме.
– «Вот мой ответ!» – Брок погребен...*

Вот когда Огисфер Муллер не выдержал, вскочил с кресла и обоими кулаками ударил по клавиатуре, правда с краю.

Засверкали зеленые зрачки, и уши Брока резанул пронзительный кошачий концерт. А на экране меж тем появился новый огромный лагерь, полный молодых, здоровых солдат.

Огисфер Муллер решил ввести в бой резервные силы! Закрывать брешь и остановить победное наступление рабов.

Пришло время сорвать планы Муллера. Теперь Брок знал все, что ему нужно. Он проник в тайну всеведения Муллера, пора...

Огисфер Муллер нагнулся к чаше, собираясь отдать приказ войску. Но тут Брок ухватил его за бороду и рванул назад,

Муллер вцепился ему в руку и так заорал, что Брок от испуга выпустил бороду. Рыжий карлик вдруг как сумасшедший запрыгал по залу; эти безумные скачки выглядели настолько жутко и до омерзения карикатурно, что Брока охватил ужас. Он пристально следил за прыжками и, когда Муллер приблизился к машине, выхватил нож. – Прочь, – крикнул он, – прочь от машины! Или ты умрешь!

– Умру! – расхохотался Муллер. – Только тронь меня, и ты погибнешь вместе со мной! Весь Муллер-дом рухнет!

– Он ударил руками по клавишам, словно желая призвать на помощь ад!

Брок опустил руку с ножом: на экране снова замелькали картины. По лестнице стремглав мчится

вниз армия рабов. Над головами, вскруженными легкой победой, вьется обагренный кровью флаг, словно плащ мученика, истерзанного ножевыми ранами.

Этаж за этажом несется вниз лавина восставших, без отдыха, без остановки, не встречая сопротивления. И это падение лавины на экране сопровождается гробовым молчанием хрустального динамика.

Муллер несколько мгновений смотрит на эти кадры, потом с проклятьем бьет по клавишам. И опять на экране – веселая суeta лагеря резервистов.

Пальцы Муллера лихорадочно забегали по клавишам.

И вдруг он закричал: – Генерал Окс!

Но Брок успел оторвать его от микрофона, немилосердно дернув за бороду – едва не выдрал! Дальнейшее заняло буквально какую-то долю секунду: Брок продел концы бороденки под подлокотники и накрепко связал их морским узлом.

Огисфер Муллер взвился и заметался, точно мерзкая саранча, которой прищемили усики. Он как бешеный рвался из позорной ловушки обезумев от злости, – Брок даже испугался, глядя, как Муллер грызет и рвет собственную бороду, пытаясь выдрать её вместе с кожей.

Наконец ему удалось перегрызть рыжую косицу у самого узла. Он медленно выпрямился, но странное дело – присмирел, как мальчишка после взбучки.

Между тем Брок удобно расположился в кресле Муллера и произнес, глядя ему прямо в глаза:

– Ну что же, господин Муллер, – око за око, ловушка за ловушку! Ты не явился на свидание в комнату номер девяносто девять, пришлось мне самому прийти сюда, чтобы поговорить с тобой! Трудно было понять, что выражала в этот миг уродливая физиономия Огисфера Муллера. Но его рука в широком рукаве халата, словно сухая тычинка в увядшем цветке, жестом указать на кресло: – Сядь, Петр Брок! – Я уже и так сижу, – улыбнулся Брок. – Ты хочешь мне что-то сказать? – Петр Брок, я признаю твою силу и могущество, ибо ты невидим. Человек ты или нет, но ты столь же неодолим, как я. Итак, Петр Брок, Огисфер Муллер предлагает тебе мир и дружбу. Конечно, на определенных условиях, которые мы оба поклянемся соблюдать. У тебя своя тайна, у меня своя. Моя тайна – это Муллер-дом! Я знаю, как ты блуждал в нем! Мне известен каждый твой шаг в моей империи. Я твердо знаю: ты не бог. Я поймал тебя сетью великана Мастича! Боги так не поступают, не удирают, не скрываются... Так что ты не бог, но я могу сделать тебя богом!.. Слышишь, Петр Брок?! Я предлагаю тебе стать

богом в Муллер-доме! Богом моего мира! Я буду властелином, а ты – богом! Я поделюсь с тобой властью, отдам тебе половину моих сокровищ. И если ты будешь мне верен, я добьюсь ещё большего! Рука об руку мы будем строить Муллер-дом, выше и выше, без конца, до самого неба, всем наперекор!

Муллер протянул руку по направлению к креслу.

– Согласен?

Брок плюнул в неё.

– Вот мой ответ!

Муллер вытер ладонь краем халата и сказал со зловещим спокойствием:

– Петр Брок! Берегись! Я знаю, как ты проснулся на лестнице! Я подслушал твой разговор с номером семьсот девяносто четыре! И знаю куда больше, чем сказал тебе! Если тебе известна тайна «Вселенной», то мне известна тайна твоих снов! Ты не бог, ты отвратительный, кошмарный сон и принимаешь этот сон за действительность! Ну что, Петр Брок, ты всё ещё намерен тягаться с Огисфером Муллером? Будешь молчать, и я промолчу... Смотри!

И Огисфер Муллер показал ему левую ладонь.

От ужаса у Брока потемнело в глазах

Он увидел багровый треугольник...

Быстро закрыл глаза, но было уже поздно...
Треугольник проник в мозг и острые углы его
вонзались в затылок и в виски.

Еще на секунду Брок пришел в себя. И увидел Муллера,
который снова сидел в кресле и вопил в чашу

– Генерал Окс! Генерал Окс!

Брок стиснул пальцами рукоятку ножа Сил у него
оставалось на одно-единственное движение!

Он коротко размахнулся и ударил сверху вниз. Лезвие
ножа вошло Муллеру в спину и проникло в сердце.

Где-то в немыслимой глубине раздался чудовищный
оглушительный грохот, будто луна сорвалась с орбиты
и врезалась в землю. Стены, пол и потолок начали
заваливаться набок. Вещи покатились с пола на стену.
Алтарь рухнул на Брока. Металлическая клавиатура
всей тяжестью навалилась на череп.

Короткий удар боли – и ничто. Ничто без цвета, без
формы...

XLVIII.

*Багровый треугольник остался на потолке. – «Ну, будь
здоров!» – Сон про тысячу этажей.*

Никому не известно, как долго Петр Брок пребывал в
объятиях смерти, настигшей его под стальной машиной
перевернутого органа Огисфера Муллера. Однако
случилось так, что безымянный человек,
пробудившийся в начале этого рассказа на лестнице,
открыл наконец глаза и увидел потолок, сияющий
чистой, ангельской белизной.

А посередине этой чудесной белизны алеет
треугольник! Человек испуганно вздрагивает и жмурит
глаза! Но странное дело, треугольник остается на
потолке и никакой боли ему не причиняет, не давит, не
вонзается в виски. Медленно, очень медленно человек
разлепил веки и сквозь ресницы вгляделся в
треугольник. Знак действительно нарисован на
потолке, прочно сидит на своем месте и вовсе не
думает нападать. И он с удовольствием смотрит на
треугольник, наслаждаясь его совершенной, строгой
простотой.

Потом послышался голос:

– Смотрите, проснулся...

Он удивленно повернул голову и замер.

Перед ним человеческие лица! Настоящие, живые, из плоти и крови, с добрыми улыбками, губы у них шевелятся, веки моргают.

Очки на носу, седая бородка – наверное доктор. А рядом – молодые, светлые, ясные улыбки, лица в белых косынках.

Это сестры милосердия, ведь на груди у них красные кресты. Много, много прекрасных лиц обступили его постель.

Седобородый врач в белом халате склоняется над ним, берет за руку.

– Выкарабкался! Хотите верьте, хотите нет, а выкарабкался! Я в чудеса не верю, но это для меня загадка...

– Где я? – несмело шепчет человек, вспоминая свой тысяче этажный сон...

Доктор усмехнулся:

– На этом свете!.. А по всем правилам лежать бы тебе под слоем известки в тифозной яме за лагерем! – И потрепал его по голове. – Ну, будь здоров! Я сам выпью нынче за твоё здоровье и буду спокойно спать... Да знаешь ли ты, черт полосатый, что целых три дня бредил? Мы принесли тебя из барака смерти! А ты

несешь какой-то вздор, ругаешься, пытаешься прыгнуть с кровати, пришлось даже привязать тебя ремнями... В чувство привести не могли... Страшный был тиф... Прямо чертовщина... А что тебе снилось, сынок, что это за Огисфер Муллер, который тебя обижал?

Но странный пациент уже не слушал говорливого седобородого доктора. Он мгновенно вспомнил все, вспомнил свое прошлое, свое имя, свое место в жизни, вспомнил, что будет делать, когда вернется из плена. Всё вдруг прояснилось, стало близким и понятным...

Лишь имя Огисфера Муллера напомнило ему жуткий сон.

И с полуудивленной улыбкой он сказал:

– Мне снилось, что я блуждал по дому в тысячу этажей. А Огисфер Муллер был хозяином этого дома.

oo ® oo

НИКТО ВАС НЕ ЗВАЛ.

Наконец-то я добрался до деревянной будки. Стены её как бы вросли в землю, с одной стороны – вход, с противоположной – окошко. Я постучал по листу ребристой жести, которым был загорожен вход. Так обычно гости оповещают о своем приходе, но здесь вместо дверей зияла дыра.

- Кто это? – послышался не приветливый голос.
- Доктор Ружичка, – представился я. – Можно к вам на минутку?
- А в чем дело? – ворчливо спросил человек в будке.
- Я хочу вас осмотреть. Как вы себя чувствуете?
- Не жалуюсь. Всё в порядке. Здоров как бык.
- Но вы хоть выгляните, чтобы я мог вас послушать. Или давайте я войду.
- Идите своей дорогой и оставьте меня в покое!
- Из этого ничего не получится. Меня привел сюда мой долг. Я обязан вас осмотреть.

– А я протестую против насилия! Где ваша хваленая свобода слова и действий? И вы ещё утверждаете, что каждый пользуется ею как воздухом?

– Да, но такое понимание свободы предполагает определенную степень сознательности...

– Наши предки протестовали против насилия, объявляя голодовки в тюрьмах. Теперь иное время, и я в знак протеста объявляю забастовку молчания!

– Послушайте, пан Сильвестр! Общество уважает ваше решение вернуться назад к природе. Вы можете наслаждаться всеми благами цивилизации, но вам хочется спать на рогожах – это ваше дело! Вы отказываетесь от всего, что дает обществу культура, – как от духовных, так и от материальных благ – пожалуйста. Но всё же, и вы должны уважать определенные законы, если не общественные, то хотя бы присущие человеческой природе. Ведь вы и в этом ските должны оставаться человеком. Вы слышите меня?

Молчание. Из будки не доносится ни звука. Сильвестр начал свою забастовку.

– Я заверяю вас, пан Сильвестр, что с уважением отношусь к вашему решению жить в бедности и скрыться от общества, чтобы предаться размышлениям, как древние философы. Но ведь я

новый гигиенист в вашем районе и должен заботиться наряду со всеми и о вас. Вы слышите меня?

Снова тишина.

«Ну ладно, – подумал я, – не хочешь по-хорошему – пеняй на себя».

– У меня больше нет времени, дорогой пан Сильвестр,
– сказал я громко,

– я уйду, но завтра снова вернусь. Надеюсь, к этому времени вы поумнеете.

Стараясь побольше шуметь, я пошел прочь, но за ближайшим кустом присел и стал внимательно наблюдать за будкой.

Минут пятнадцать спустя из дыры высунулась голова с густой шевелюрой и жесткой щетиной на щеках. Голова осторожно огляделась по сторонам, и вскоре из будки вылез Сильвестр. На нем болтались штаны – когда-то они, по-видимому, были белыми – и черный свитер, который собрал всю окружающую грязь. Сильвестр приподнялся, поддерживая штаны. Согнувшись, он пробежал несколько шагов по склону и нырнул в густую чащу из веток малинника и ежевики, переплетенных между собой. Его никто не мог увидеть, но и он никого не видел. Я воспользовался этим и влез

в будку. На полу была постлана солома, прикрытая дырявым одеялом.

Через пару минут притащился и Сильвестр. Увидев меня, он крепко выругался. Встать во весь рост там было невозможно, поэтому он опустился на колени рядом со мной:

– А ты, проклятая гиена-гигиена! Ты что лезешь в мой дом? Кто тебя сюда звал?

Я огляделся. На косых стенах не было даже гвоздя, не то что картины. Лишь заступ со сломанной ручкой стоял в углу.

– Вы боитесь, что я стащу у вас драгоценности? Ну правда, что вы здесь делаете? Вы возненавидели весь мир? Вас кто-то обидел?

– Вы мне надоели! Убирайтесь! Я хочу остаться один!

– Вы можете оставаться в одиночестве, – начал я назидательно, – но не должны возбуждать недовольство. Мой вам совет – вернитесь к людям, станьте опять человеком. Покажите-ка ваши ноги – между пальцами впору сажать горох!

Он поджал под себя обе ноги и промолчал. Я смягчил тон:

– Я предлагаю вам переселиться в одну из стоящих на отшибе маленьких вилл. Там тишина – как в лесу под

снегом. Если вы не выносите мебели, можете её выкинуть или изрубить, как вам заблагорассудится. В двух шагах от дома журчит ручей – он может заменить ванну или душ. У вас будет мыло и жесткая мочалка, чтобы как следует отмыться, и, конечно, зубная щетка! И паста, которая пахнет травами. Я сделаю из вас другого человека!

– Ну что вы надо мной издеваетесь, – вдруг сказал Сильвестр. – Я живу здесь уже тысячу лет, у меня свои права и обязанности, так почему же вы не оставите меня в покое? Ведь я никому не мешаю, провожу дни, словно трудолюбивый жук. Я не блещу красотой, но приношу пользу. Для чего мне нужна ваша зубная паста – разве чтобы зубы испачкать? Если бы я мог дать вам совет, то сказал бы: «Бросьте вы всю эту вашу возню и идите сюда ко мне. Постройте хорошую будочку рядом с моей и плюньте на все...»

Я не лгу – этот человек действительно стал уговаривать меня, чтобы я последовал за ним! Чтобы рафинированный космовец я променял бы на робинзонаду, которая представляет собой не просто примитивное существование, но, видите ли, напряженную борьбу извечной человеческой мудрости и хитрости со стихиями. Меня – гигиениста! – старался распропагандировать этот новоявленный Диоген с его философией грязных ног! Достаточно было всего лишь

нескольких тезисов, чтобы разрубить его убеждения пополам, как червя, эти две половинки – ещё пополам и так далее, но всё было напрасно. Каждая часть жила своей жизнью, изворачивалась, утверждала свой примитивизм, насмехалась над цивилизацией.

– Вы представляете уже не род человеческий, а племя отвратительных всезнаек. Вы создали на своей планете какой-то чудовищный автоматический рай. Вы отделились от природы, подчинили её себе, заставили её работать на износ, до самоуничтожения, вы изломали, изнасиловали её своими открытиями. Когда вам и этого стало мало, вы выдумали в своих лабораториях новую природу, искусственную, химическую, машинную, вопреки целям и воле самой природы. её должна окружать тайна, ибо далеким будущим векам грозит всемогущий человек – сфинкс, голем, чей мозг и руки создадут вещи ещё более страшные, ведь эти руки уже не будут принадлежать человеку...

Я ответил Сильвестру, что он сам потерял человеческий облик и в его словах нет никакого смысла. Будущий человек станет развиваться гармонически. И, кроме того, он забыл об иных мирах, о новых планетах, которые мы открываем во время космических полетов и на которые спускаются наши звездолеты. Было бы действительно грустно, если бы у

человечества над головой всегда сверкало только одно солнце и никогда не взошла бы другая звезда. Если бы люди всегда были обречены возиться лишь со своей Землей, переделывать, улучшать – только её! Но, к счастью, дух человеческий, его руки, мысль нашли новые, неизведанные области применения на далеких планетах.

Я хотел развить эту мысль, но Сильвестр, словно не слыша меня, продолжал бубнить свое:

– Всё вы сегодня уже даже не помните, что это за чувства – тяжесть, усталость, боль, вы не знаете, как приятен физический труд. Вам недоступны величайшие наслаждения – ощутить вкус чёрного хлеба после длительной голодовки, испробовать глоток воды после утомительной дороги, уснуть обессиленным от тяжёлой работы.

Вы – неженки, приравнявшие себя к богам. Не успели ещё родиться, а для вас уже всё приготовлено. Школы возводятся быстрее, чем успевают подрасти новые ученики, у вас есть больницы, но в них нет больных. Ваши спортивные залы, площадки, стадионы так велики, что никогда не заполнятся, у вас столько картинных галерей, столько концертных залов, столько театров, что вы устали, наступило пресыщение, отравление мозга. И никто никогда не знает, на чем ему остановиться.

Что я мог ему на это возразить? Что человек останется человеком и люди-людьми, пока они не растеряют всё человеческое. Его слова – что бы он там ни говорил – панегирик нашему времени. Он отвергает излишества и благополучие, но, кто знает, не является ли его теперешний отказ от всех благ и добровольный пост результатом вчерашней пресыщенности?

В мире всё сейчас великолепно налажено, и в нем царит гармония. Каждый человек напоминает трубку гигантского органа, исполняющего симфонию о жизни на Земле. И если во время этого исполнения прозвучит фальшивая нота, что не удивительно, так как трубок – миллиарды, то одной из таких треснувших трубок является именно он, Сильвестр.

Весь мир в настоящее время стерилен. Улицы, например, опрыскивают пеной, которую затем смывает искусственный дождь. Дома сверкают яркими красками, но преобладает белый цвет, символ чистоты и здоровья! Целая армия гигиенистов поднялась на борьбу против тех, кто оскверняет чистоту.

– А вы, – сказал я ему, – один из них. В нашем районе вы скоро войдете в поговорку: «Грязный, как Сильвестр!» Я не могу этого допустить! Я должен бороться против вас, как против поборника антиэстетических норм.

– О прекраснодушный мечтатель, – сказал Сильвестр, заметно обиравшись, – знайте же, что грязь никогда не исчезнет с лица Земли, ибо каждая пылинка является, в сущности, частицей нашей планеты...

– О вы, осколок планеты, – в тон ему ответил я, если эти пылинки скапливаются у вас под ногтями это уже грязь, и её надо удалить с помощью воды и щетки! Кстати, давайте вылезем отсюда. Мое обоняние отказывается воспринимать запахи, столь своеобразные...

– Никто вас сюда не звал, – ответил Сильвестр, но выкарабкался наружу.

– Если кроме длинного носа вы обладали бы ещё и фантазией, вы бы заметили на том месте, куда вы забрались и которое вас так раздражает, ещё и расцветшую яблоньку...

– Не напоминайте о цветущих деревьях! – разозлился я.

– К вашему сведению, господин Гигиена, все деревья вокруг посадил я! Я сделал это, чтобы улучшить структуру почвы. Весь этот сад, мой дорогой, – результат многолетних исследований проблемы, связанной с искусственными удобрениями. Если бы вы поднялись вместе со мной вверх по склону, то обнаружили бы, что чем выше поднимаешься, тем

старше возраст деревьев. На каждом стволе табличка с данными – сколько азотно-фосфатных удобрений и сколько торфа пошло на подкормку деревца.

– Вы видите ряд колышков, забитых прошлой осенью? Это граница моего сада. Вы, наверное, уже догадались, что здесь – места будущих посадок. Внизу я сею, наверху собираю урожай. Черешней я угощаю птиц, грушами – окрестных мальчишек. Правда, я вынужден заботиться и о том, чтобы меня чуть-чуть побаивались.

С каждым годом я отдаю людям всё больше золотистых яблок, оранжевых апельсинов и других плодов и прошу только одного – чтобы мне дали возможность продолжать мою работу. Я знаю, что в мою кожу въедается земля, но что делать – ведь я служу ей!

Зато осенью я держу в руках дивные плоды с чудесным запахом, цветом и вкусом, хотя под ногтями у меня грязь. Приходите сюда осенью, и я вас ими попотчую! Вы даже сможете сами сорвать их.

Как видите, я живу не в праздности – обществу я даю больше, чем беру от него. Так что вы, господин Гигиена, меня здесь не беспокойте. Иногда мне нужна тень, иногда – солнце. И, может быть, именно в тот момент, когда вы его от меня загораживаете. Вы сами, по всей вероятности, упали с какой-нибудь

спиральной туманности. Старый гигиенист пан Шилганек, передавая вам свой район, видимо, забыл вместе с ним передать и старого Сильвестра. Я даже могу показать вам его деревце. Он должен был заранее сказать вам, что мои визитные карточки обрамлены черной каймой. Но траур под ногтями у меня – цвет не отпевания, а труда.

Короче говоря, перед этой крепостью в форме деревянной будки мне пришлось капитулировать. Слегка пристыженный, я извинился перед Сильвестром.

– Простите меня, пан Сильвестр, если я вас чем-то обидел. Шилганек действительно не совсем точно всё изложил. О самом главном он умолчал, словно нарочно, чтобы я сам обжегся. Будьте здоровы, пан Сильвестр, пусть всё у вас будет хорошо. Делайте свое дело, столь полезное для всех, и не сердитесь на меня...

– Да я не сержусь, – улыбнулся Сильвестр, – приходите как-нибудь, посидим, пофилософствуем. Лучше осенью, когда я собираю урожай. Я уже стар, мне нужен помощник. И, может быть, когда вам опротивеет ваша гигиена, мне удастся убедить вас в своей правоте...

oo oo

ТАЙНУ НАДО БЕРЕЧЬ

Главного психолога Шмидркала ночью разбудил сигнал фотоэлемента, помещенного в ушной раковине. Шмидркал уже несколько ночей подряд спал с фотоэлементом, ибо им овладела навязчивая идея поймать этого человека, и упрямство, наконец, принесло свои плоды.

Он всмотрелся в темноту и заметил крадущуюся фигуру, которая напоминала паука на бархатном фоне тьмы. Паук замер, словно испуганный шорохом открывшихся век. Он был темнее самой ночи, как будто вобрал в себя все окружающие его тени.

Шмидркал нажал на кнопку, спрятанную под подушкой, и внезапно спальню залил яркий свет. В ту же секунду автоматически защелкнулись двери. Паук оказался в ловушке.

Он был худ и долговяз, в его прищуренных глазах блуждал только страх и ничего больше. Шмидркал осмотрел его, несколько разочарованный. Во всяком случае, не таким он представлял себе лицо человека, скрывающего тайну. Оно было каким-то незаконченным, невыразительным, с мелкими чертами, словно его делали наспех.

– Вот я вас и поймал, – сказал Шмидркал и сел в кровати. – Что вы принесли на этот раз?

– Великолепные шахматы, – неуверенно сказал пришелец, и выражение его лица вдруг стало намного приветливее. – Вам они понравятся, фигурки сделаны из слоновой кости, каждая самостоятельное произведение искусства. Это венецианская работа, обратите внимание на ладьи – это же кампанильи с хрустальными колокольчиками. Они звенят каждый раз, когда вы трогаете фигурку. Слышите? Я вам даже завидую...

Он поднес к уху белую ладью. Колокольчик тоненько прозвенел, будто звук доносился издалека.

– Зачем мне шахматы, если я не умею в них играть? – неуверенно спросил Шмидркал, слегка ошеломленный ответом, и потрогал ладью. – Она действительно звенит, но какой в этом смысл?

Пришелец не ответил, и весь как бы сжался. Казалось, он не знает, что сказать. Шмидркал понял, что поймал паука за ножку.

– Ну так как же, – спросил он, – зачем вы пришли? Зажгите-ка свой волшебный фонарь! Для чего вы приносите гербарии, скрипки, коллекции марок, редкие книги и шахматы тем, кто всего этого не собирает?

– О, у меня есть ещё столько прекрасных и полезных вещей...

– Я спрашиваю, почему вы их приносите по ночам, когда люди спят? Что у вас на уме, когда вы преподносите все эти подарки?

– Если б я только знал, – сказал пришелец и грустно посмотрел на психиатра.

Шмидркал торжествовал.

– Хорошо, тогда я вам скажу! – воскликнул он так, что гость вздрогнул.

– Я знаю, что виноват, делайте со мной что хотите, сказал он сокрушенно.

– Вы нарушаете спокойствие...

– Да, я занимаюсь недозволенными делами. Но как мне быть, как бороться с собой, когда наступает ночь, и я остаюсь один на один со своими вещами?

– Они вам мешают, но вам их жалко, вы не хотите их уничтожать и нашли способ избавиться от них – подсунуть своим ближним. Верно?

– Нет, не верно. Они мне совсем не мешают. Я их очень люблю, и мне очень не хочется с ними расставаться. Я каждый раз говорю себе: «Хватит! Больше никому ничего не дам!»

– Так в чем же дело? Вам хочется оригинальничать, удивлять людей?

– Нет!

– Значит, вы просто вводите их во искушение, подсовываете им вещи, словно червю-древоточцу – кору или листья...

– Да нет, какие там листья! Это сильнее меня!

– Что сильнее вас?

– Ночь! Всюду такая тишина-тьма дразнит, нашептывает, влечет – рождается смелость, появляется желание совершить что-то таинственное. И когда это чувство меня охватывает...

– Какое чувство?

– Не знаю. Глаза спят, губы спят, всюду – мертвые вещи, но, стоит возникнуть звуку, чуть более сильному, чем удары сердца, как всё сразу же просыпается! Поэтому движешься незаметно, словно часовая стрелка...

– Кажется, я понял, – сказал психолог, – вы говорите, что вас влечет тьма? Что вами овладевает желание, заставляя что-то делать, и вы не в силах противиться? Скажите, а кем был ваш дед?

– Гардеробщиком в отеле «Исфаган».

– А ваш прадед? Прапрадед?

– Меня это никогда не интересовало...

– Давайте договоримся: вы пойдете домой и как следует выпитесь. А я изучу эти ваши ночные похождения под увеличительным стеклом утреннего солнца и завтра приду к вам...

Утром главный психолог Шмидркал посетил ОПИС – отдел превентивной информационной службы. В одном из залов там стоял огромный, до потолка, старинный «дед-всевед». Шмидркал уселся за пульт, взял перфокарту, заполнил её. вложил в отверстие и включил машину. Электронный мозг на мгновение проснулся. По его клеткам молнией пронесся импульс на уровне мышления, и машина выдала ОПИСание...

– Дорогой господин Андреас, – обратился на следующий день к своему пациенту Шмидркал, – должен вам сказать, что ваш предок Франц Ксавер Андреас был вором. Так раньше называли людей, у которых за душой не было ничего и которые присваивали чужое. Однако ваш предок брал не деньги, а вещи, это был не карманник, а домушник. И вот, господин Андреас, дурные наклонности вашего уважаемого предка через несколько поколений передались вам. Вы, конечно, можете возразить как же так, ведь вы, нынешний Эдуард Андреас, приносите

людям вещи, в то время как ваш предок Франц Андреас их отбирал...

– Да нет, я понимаю, что вы хотите сказать... Но Шмидркал вошел во вкус, и его невозможно было остановить: Давать намного выгоднее, чем брать. Если бы вы поступали так, как ваш прапрапрадед, то вы походили бы на сумасшедшего, который нагромождает вещи в одну огромную кучу. Мы ведь задыхаемся среди вещей, ищем способ, как выбраться из этого болота...

– И вы считаете, что я нашел такой способ, – перебил его Андреас, – я, у которого есть лавка, забитая всяким хламом так, что глаза разбегаются...

– А откуда у вас эта лавка?

– Я получил её в наследство – даже не знаю от кого...

– Ну, тогда всё ясно. Это, вероятно, те вещи, которые накопил ваш знаменитый предок...

– Видите ли, я вроде бы управляющий своей лавкой. Это моя работа, мой труд. Я предлагаю людям что-нибудь выбрать, взять на память, но никто ничего не берет. Время от времени кто-нибудь остановится у витрины, возьмет что-нибудь в руки, но потом отложит и идет дальше. Я начал сходить с ума, не мог больше ждать, когда кто-нибудь смилуется надо мной, и решил сам избавляться от своих вещей, разносить их

людям. Теперь я горд, когда мне удастся хорошо пристроить достойную вещь. Вы говорили, что раньше одни люди воровали у других. Я поступаю наоборот – ворую у себя и отдаю людям...

– Однако вы и тут наносите вред обществу, – не дал ему договорить Шмидркал. – Вы избавляетесь от заботы о вещах и перекладываете её на плечи других. Вы тоже действуете во зло...

– Вы хотите сказать, что я тоже злоумышленник?

– Злоумышленник, только наоборот!

– И притом злоумышленник пойманный! – горестно воскликнул Андреас. – И что теперь будет? Как мне дальше жить? Что я буду делать по ночам? Ведь кому бы и что бы я ни принес, каждый будет знать, что это сделал я, что всё это – краденое...

– Вам всё вернут, – усмехнулся психолог.

– А что делали с вором, когда его ловили?

– Не знаю, но, наверное, высмеивали его.

– Теперь меня выставят на потеху людям... – убивался Андреас.

– Подождите, – смягчился психолог, – а если я буду молчать?

– И вы на это пойдете?

– А почему бы и нет? Дарите и дальше свои вещички, ведь в конце концов вы никому этим не угрожаете, никому не вредите...

– Я клянусь, что буду дарить лишь самое прекрасное из того, что у меня есть!

– Дело не в самих вещах, а в окружающей их тайне. В дразнящем, безответном «зачем», в тех странных обстоятельствах, которые связаны с подаренными вами предметами. Насколько мне известно, те, к кому вы по ночам приходили, собирались вместе, чтобы разрешить эту загадку... И я подумал: надо беречь любую тайну, пусть даже самую незначительную, не раскрывать её, ведь чем дальше, тем их становится меньше. Пусть люди спрашивают, пусть ищут! Лучше маленькая тайна, чем никакой! Но берегитесь, если вас поймают...

– Никогда! – воскликнул Андреас.

Он пригласил Шмидркала осмотреть старую лачугу, находящуюся под охраной Института архитектуры и памятников. Они вошли в сводчатую комнату, уставленную полками. На них лежали вещи, навевающие грусть своей явной ненужностью, избыточностью, никчемностью, брэнностью существования. Шмидркал был убежден, что как психолог он может проникнуть не только в глубины

человеческой души, но и понять сущность вещей. Он брал их в руки, рассматривал, приблизив к глазам, стряхивал с них пыль, слушал их, принюхивался к ним и снова клал на место.

Внезапно прозвучали куранты – пять мерных металлических ударов. И как только замер последний удар, послышался дрожащий голос:

«Приятный час,

И если верные друзья

И доброе вино...»

– Да это же говорящие часы! – удивился Шмидркал. Он по дошел к застекленному ящику, в котором был скрыт механизм часов с циферблатом, сделанным в виде золотого лунного диска. Андреас передвинул стрелку на 10, чтобы продемонстрировать, на что они способны. На этот раз в голосе послышались нотки предостережения:

«Вечерний час – мгновеньем пролетишь,

Исчезнешь в вечности, себя преобразишь...»

– Ты много говоришь! – перебил его Шмидркал и поставил стрелку на полночь:

*«Дни осени – короче,
Но выпьем ещё – трах!
Пока нам не сыграют
Бах-бах, бах-бах, бах-бах!»*

– Что это такое – «бах-бах»?

– Это же удары барабана, похоронного оркестра, исполняющего траурный марш – бах, бах, бах...

– Ах, вот оно что...

– А вам не нужны часы? – неожиданно спросил Андреас Шмидркала. – Возьмите их на память...

Шмидркал всячески отбивался от подарка, но в конце концов сдался, не устояв против такого страстного желания дарить.

– Я вам дам запасной валик с радостной, веселой мелодией, и время для вас полетит птицей, на душе станет так легко...

– Хватит с меня и часов, – со вздохом проворчал психолог.

– Но часы без валика, – старался объяснить ему Андреас, – как человек без языка. В валике заключена вся их мудрость...

И когда главный психолог Шмидркал отправился домой, вслед за ним с часами шел Андреас. Он думал о том, насколько приятнее работать при свечах.

oo oo

НАМ БЫЛО ЕГО ЖАЛЬ...

Я нередко захожу в лавку к пану Марцелану. У него там полно всевозможных вещей, свидетельствующих о том, что он как был, так и остался большим ребенком.

Мне здесь ничего не нужно, но, интересуясь каждой его безделушкой, я всякий раз убеждаюсь в том, как он их обожает и как, предлагая их покупателям, мрачнеет и, наоборот, радуется, если какая-нибудь из них в конце концов остается на своем месте. Иногда я не могу избавиться от мысли, что ему становится легче на душе, когда посетитель отказывается от покупки, и

всегда не по себе от сознания, что данный предмет может исчезнуть навсегда. Предлагая свой товар, он говорит о каждой вещи восторженно, подыскивая новые сравнения и образы, словно в нем просыпается поэт. В качестве платы он просит, пустяки, ерунду, ещё менее значимую, чем-то, что предлагает сам. У писателя он просит книгу, музыкант ему что-нибудь сыграет, художник мгновенно набросает этюд на вырванном из блокнота листке, поэт прочитает стихи. Иногда Марцелан от избытка чувств не прочь приврать, выдумать какую-нибудь историю, но делает это не без таланта, и потому слушать его интересно.

Я как-то спросил его:

– Не завалялся ли у вас случайно серебряный ланжан? Мне он очень нужен, и я буду вам весьма признателен...

Я просто выдумал это слово, но пан Марцелан тут же ответил:

– Мне жаль, но один ланжан я как раз вчера выменял на перстень с транзистором. Придется вам зайти ещё раз...

Он любит говорить, что некоторые его товары привезены со звезды Акшонар, – кто не верит, пусть сам туда слетает. Два обстоятельства не то чтобы подтверждают его слова, но по крайней мере способствуют тому, чтобы они воспринимались с

большим доверием и дружеским участием. Во-первых, пану Марцелану далеко за сто, но, несмотря на преклонный возраст, он сохранил ясность мысли и принимает участие в трудовом процессе. Во-вторых, когда-то в молодости он был звездолетчиком и до сих пор поддерживает с ними связь...

Однажды, когда я был у пана Марцелана, к нему явился важный господин в темных очках, распространяющих радужное сияние. Я отошел, чтобы не мешать. Важный господин с недоверием оглядел все, что было перед ним разложено. Чувствовалось, что он преследует определенную цель. Пан Марцелан всё внимание сосредоточил на пришельце, подробно рассказывая о каждом предмете, к которому тот проявлял интерес.

Господин в черных очках взял в руки пузатую бутылку, внутри которой находилась модель кристалла каменной соли. Это был куб, составленный из белых и красных шариков, скрепленных с помощью множества палочек. Каждый, кто брал бутылку, вероятно, спрашивал, как этот куб мог попасть в сосуд с таким узким горлышком. Однако господина в черных очках подобные пустяки не интересовали. Он встряхнул бутылку, подул в неё и заявил:

– Кому-то, видимо, было нечего делать, вот он и решил убить время. Для чего всё это нужно?

Марцелан лишь слегка удивился, взял бутылку и поставил её на место. Господин в черных очках сказал:

– Я бы хотел взглянуть на лепесток, перышко или цветок с какой-нибудь далекой планеты. Нет ли у вас чего-то в этом роде? Пан Марцелан молча показал на витрину, где под стеклом лежали семена, раковины, камни. О происхождении их свидетельствовала табличка, прикрепленная рядом.

– Здесь написано, что они со звезды Акшонар. Вы это серьезно? Могли бы вы сказать, где находится эта звезда?

Пан Марцелан неожиданно улыбнулся и погладил витрину. Думая о чем-то своем, он, казалось, не заметил язвительного тона господина в очках.

– Говоря «звезды», я имею в виду планету. Я знаю, что звезды раскалены, каждая из них – это солнце, мать своих планет. Скорее даже не мать, а раскаленное лоно. Я знаю, что на Солнце жизни быть не может, но даже если бы она была, мы не смогли бы узнать об этом с помощью своих органов чувств. Жизнь на звезде может быть Лишь плодом нашей фантазии.

Марцелан открыл стеклянную крышку витрины, словно приглашая: «Пожалуйста, смотрите!» Господин в черных очках будто ожидал этого жеста – быстро схватил первое попавшееся перышко:

– Это же перо из хвоста зимородка, алцеде аттис! Он свивает гнезда у рек, откладывая по пять-семь яиц. Ловит под водой рыбок и хотя бежит плохо, но в воду бросается стремглав. Рыбаки его обвиняют в том, что он губит молодежь...

Потом пришелец стал вынимать одну за другой раковины, давая каждой из них латинское название. Его прикосновение окончательно разрушило остатки романтического ореола. Латынь как бы надевала на предметы скучные маски.

– Все эти вещи, – сказал он наконец, – появились на нашей планете. Природа Земли создала их так же, как вас или меня. Они земного происхождения и не имеют никакого отношения к звезде, название которой вы изволили придумать.

Пока произносились эти суровые слова осуждения, на лице пана Марцелана не дрогнул ни один мускул. Наконец, пан Марцелан ответил:

– Я хочу задать вам вопрос, уважаемый господин. «Земля» – единственное имя нашей планеты?

– Конечно. Как же иначе она может называться?

– У неё есть ещё тысяча других имен. Миллион! И каждое имя – истинное! – Я знаю лишь одно имя – Земля! Все остальные – вымысел и ложь! – Она

наречена Землей, мой милый. А как планета она не имеет собственного имени...

– Но вы же сейчас сказали, что их у неё миллион! В этот момент я выскочил из своего угла. И тут господин в темных очках заметил меня. Он живо подошел ко мне, словно заранее заручился моей поддержкой. Радужное сияние подбадривало меня. И я сказал:

– Поэт может утверждать, что у Земли есть миллион имен, он может даже придумать для неё имена, которые будут звучать так же нежно, как имена любимых. Любой бухгалтер или ревизор будет вправе опровергнуть его, но поэт останется поэтом...

Господина очках, распространявших радужное сияние, нахмурился, а старый Марцелан зарделся. Вот видите, в свои сто лет он ещё умел краснеть, этот старик, в душе оставшийся ребенком.

– Ну, это уж вы чересчур! – воскликнул он. – Когда-то и я писал стихи, но это были плохие стихи. Не знаю, может ли плохой поэт считаться поэтом. Вероятнее всего, нет...

– А меня сейчас больше интересует, с какой целью этот господин пришел сюда, – сказал я.

Пришелец весь как-то сник. Радужный блеск его очков погас, в них осталась лишь тьма.

– Я, господа, – сказал он грустно, – психолог Центра по устранению моральных дефектов. Моя специальность – человеческая ложь. Я всегда появляюсь там, где оскорбляют истину! Я защищаю правду, вступаю за неё, убеждаю в её правоте, разоблачаю ложь. Иногда мне приходится нелегко, так как не все категории лжи пока известны. И я был убежден, господа, что ваша история со звездой Акшонар – просто обман общественности. Однако я не знал, какие цели вы при этом преследуете. Теперь я это понял. Для поэзии святы и горькая истина, и возвышенная ложь. Но я не разбираюсь в поэзии – до сих пор мне приходилось сталкиваться с прозаическими вещами. Я изучил до тонкостей все теории лжи, все разновидности лжелогии. Но где кончается ложь и где начинается поэзия или, простите, наоборот – этого я не знаю. Мне здесь делать нечего, и я уйду. Будь по-вашему – пусть Земля называется миллионом имен, данных ей поэтами!

Он ушел. Нам было его жаль... Однажды пан Марцелан сказал мне, что он устал и подумывает о том, чтобы закрыть лавочку. Я вначале не поверил ему, но он стал меня убеждать:

– Как всё продам, так уйду на покой.

– Ну, до этого дело не дойдет. Ведь к вам сюда приходят всё новые люди и приносят новые вещи...

– Посмотрим. Но во время дальнейших посещений я убедился, что вещей в лавочке становилось всё меньше. Пан Марцелан не брал ничего нового, а то, что у него было, отдавал за все, что бы ему ни предлагали взамен: за билет в театр, за сигарету. Часто достаточно было лишь залюбоваться выставленным предметом, чтобы получить его. И наконец, у него осталась лишь вечная шляпа, которая не мялась, не пачкалась и всегда была новой.

Странное дело, но её никто не брал. Вероятно, – многим приходила в голову мысль о безжалостных годах, их пугал образ вечной шляпы над стареющим лицом. Я этого не понимал. Ведь их никто не заставлял носить эту шляпу до самой смерти. Но если человеком овладеет навязчивая, пугающая мысль, то отогнать её так же трудно, как извлечь червяка из яблока.

Я перестал навещать пана Марцелана и постепенно стал забывать и о нем, и о его шляпе. Не знаю, сколько воды утекло, но однажды мысль о нем снова подкралась ко мне. Я бродил по лесу, собирая грибы и в полной мере наслаждаясь всеми разочарованиями и радостями, которые приносит это занятие. Неожиданно я увидел громадный белый гриб, шляпка которого живо напомнила мне вечный картуз пана Марцелана. Она была, конечно, меньше по размеру, но цвет, шелковистая поверхность и даже форма были

почти такими же. По дороге домой мысль об этой шляпе неотступно преследовала меня. Не знаю, как я очутился перед знакомой лавкой. Я вошел, осмотрелся, и мне сразу же стало ясно, что час пробил. Полки были совершенно пустыми, словно после пожара, и лишь шляпа находилась на старом месте – висела на вешалке из оленьих ножек, насмешливо сверкая своей новизной, как бы глумясь надо всем, что старело, покрываясь желтовато-зеленым налетом, в том числе и над самим паном Марцеланом.

Бедняга, он неподвижно сидел под своей шляпой и даже не повернулся, когда я вошел. Несчастный, поникший, весь сгорбленный, всем своим видом он символизировал тщетность ожидания.

– Я пришел за шляпой, – ни секунды не раздумывая, заявил я. – Я дам вам за неё такую же, похожую на вашу как две капли воды, если вы, конечно, не откажетесь. Она тоже новая, тоже на ножке, но она не вечная. Больше того, это прямая противоположность вечности – пасквиль, насмешка над вечностью, месть времени...

– Немедленно, сегодня же, сейчас же, на масле, на сметане... – взглянув на корзину с грибом, вскричал пан Марцелан и бросился меня обнимать. Он ткнулся своим столетним влажным носом в мои щеки и так благодарил, и благословлял меня, что мне стало

стыдно. Я выскользнул из его объятий и вынул белый гриб, освободивший его от ожидания.

Он поднял его со слезами на глазах, восхищаясь красотой. Потом нахлобучил на меня вечную шляпу с таким серьезным видом, словно короновал меня.

– Наконец-то! Я так счастлив, что не знаю, как отблагодарить вас...

Надо сказать, что шляпа сползала мне на уши, но какое это имело значение по сравнению с тем, что происходило? Пан Марцелан ликвидировал свое дело. Наконец-то он мог с чистой совестью отдыхать.

oo oo

РЕДКАЯ ПРОФЕССИЯ

Я был безработным всего лишь неделю, но мне уже казалось, что прохожие оглядываются на меня.

Правда, разговаривали со мной, как и прежде, но не без оттенка иронии. Не могу утверждать, что это было пренебрежение – скорее какой-то неопределенный тон, в котором сквозило удивление. – А меня это злило. И поэтому я решил что-нибудь, подыскать. Но не

просто работу. Я мог приступить к ней немедленно, если бы согласился на то, что мне подсовывали, но мне хотелось заняться чем-нибудь интересным, таким, чем не занимался ещё никто.

И я заглянул в «Бюро редких профессий» – так называл свою круглую комнату в вилле «Дар Берте» пан Иозифек. Мы знакомы давно, и пару раз он действительно помог, когда дело мое было швах. Я знал, что он мне начнет капать на мозги, – но сейчас это было необходимо, так как я пребывал в некотором душевном расстройстве.

Иозифек – действительно мастер своего дела. Он придумывает специальности для людей моего типа. Когда-то он был таким же чудаком, как и я, правда, обладал фантазией, которой мне недостает. В один прекрасный день он открыл в круглой башне свое «Бюро редких профессий», теперь его не мучают никакие проблемы. Он сочувствует всем, каждого выслушивает до конца. Любит морализировать, но относится к этому не то чтоб уж очень серьезно, и поэтому его нравоучения проглатываешь, как подслащенные пилули.

– Опять вы здесь, – начал Иозифек, едва взглянув на меня.

Память у него – как у слона. Я ответил:

– Маэстро, я не виноват, что работа бежит от меня, словно я чумной. Кстати, не нашлось бы у вас чего-нибудь интересного, но такого, чтобы не очень пачкать руки?

Его мозг сразу же заработал:

– Значит, так: я подобрал вам в свое время тепленькое местечко в библиотеке приключенческой литературы. Но пользы от вас там было, как...

– ...как от пустого звука, проносящегося над океаном книг, – подхватил я, – отчужденного от людей благодаря пяти громкоговорителям. Я всё время бормотал одно и то же: «Когда прочитаете, пожалуйста, сдайте! Дома они вам будут мешать!» Или: «Пользуйтесь лестницами вместо сидений!» Всё впустую! Каждый бросается к сиденьям-подъемникам и катается вверх-вниз, болтая ногами. А когда сиденья застрянут, то раздаётся крик о помощи.

– Короче, – подытожил мистер Иозифек, – с модернизацией ничего не получилось. Приставную лесенку библейских времен вернули на то место, откуда её когда-то убрали...

– Да, вроде того, – ответил я, – и читатели снова карабкаются по ступенькам, словно обезьяны. Но от крика у меня воспалились голосовые связки, и я удрал из этого заведения...

– ...Чтобы больше туда не возвращаться, бесплодное вы семя! – И тут мистер Иозифек сел на своего конька, превратившись в пастыря тех, кто ищет утраченное: Труд – нравоучительно начал он, – это дело совести каждого человека, руководствующегося определенными моральными принципами. Раньше люди, исповедуясь, избавлялись от вины, сваливая её на господ бога. И в наше время существуют грешники, но они уже другие. Сейчас самый тяжкий грех – проступок против её величества Работы. У этой медали – две стороны. Люди определенной категории – алчные, потерявшие совесть, которые готовы работать, не заботясь о других, хоть по восьми часов в день, стараясь наработать «от пуза». Они уклоняются от встреч со мной, так как я их перед всеми обличаю и позорю. К этой категории вы, молодой человек, естественно, не относитесь. Вы скорее принадлежите к другому типу людей – к тем, кто не может усидеть на месте, к паломникам, которые вечно чего-то ищут и ни на чем не могут остановиться. Это и желторотые всезнайки, голова которых набита всяческими сведениями, и болтуны, которые хотели бы немедленно своими руками, точнее, языком, переделать мир. Я из кожи вон лезу, чтобы удовлетворить свою клиентуру: ищу, выдумываю, добиваюсь, чуть ли не колдую. Пока что всё идет нормально – работы больше, чем людей, она есть и на

земле, и под землей, и в воде, и в воздухе, под крышами и на крышах; куда ни глянь – всюду она смотрит на тебя, подмигивает тебе, её надо лишь ухватить!

Мистер Иозифек просто лопался от гордости, а я лишь покорно ждал, когда он, наконец, вспомнит обо мне и даст мне какой-нибудь совет.

– Я рад, маэстро, – сказал я, – что на свете так много работы, что её больше, чем надо людям, и что вы мне предоставите возможность выбора...

– Вы играете в шахматы?

– Нет...

– Почему?

– Не умею...

– Это не имеет значения. Достаточно позаниматься год, из вас сделают среднего шахматиста, и вы станете учить новичков.

Он также сказал, что игра в шахматы – это основы человеческого интеллектуального развития, гигиена мозга. Я ему ответил, что от квадратилов у меня рябит в глазах, особенно когда они идут сплошняком, и что на меня благотворно действуют лишь кружочки...

– А что, если наняться к какому-нибудь писателю? У больших людей большие дома. Около них всегда вертится десятка два учеников, и всем находится дело – переписывать, стенографировать, печатать на машинке, считывать, учиться писать или следить за библиотекой, рвать сорняки...

– Вы это серьезно, маэстро?

– А почему бы и нет? Знаменитому Аркаду Виндишу нужен мажордом.

– Мальчиком на побегушках я не стану. Покорно благодарю.

Я испугался, что маэстро обозлился на меня, но он и бровью не повел. Демонстрировать свои возможности он стал скорее всего от гордости, открывая козыри, которых у него были полны руки.

– У вас есть фантазия?

– В какой степени?

– В такой, чтобы её хватило для придумывания новых красивых имен для детей, цветов, только что родившихся животных, – нужны свежие, более благозвучные фамилии, интересные имена...

– Это не для меня, пан Иозифек.

– А как насчет сострадания? Посещать покинутых женщин, утешать их, беседовать с ними и, главное, давать им возможность выговориться, почитать им роман с продолжением и...

– Насколько я знаю, шеф, для покинутых женщин и вдов построены мраморные дворцы, там у них чего только нет, и утешители тоже...

– И всё же есть много одиночек, которые остаются дома по каким-то непонятным причинам.

– Но это же настоящие ведьмы!

– Облагораживает и переписка с теми, кто несчастен. Надо найти путь к их сердцам, исповедать их и потом написать им счастливые письма от имени тех, кто их позабыл...

– Я сам нуждаюсь в таком милосердном письме, маэстро...

Он махнул рукой, но ничего не сказал. Затем взял картотеку – длинную шкатулку с картонными карточками – и прошелся по ним, как по клавиатуре, будто проветривал их. На одной из карточек его взгляд задержался, и он прочитал:

– Создатель возможностей, комбинатор неожиданностей, инициатор событий, глашатай идей. Здесь есть инструкция – как это делается...

Он уже открыто издевался надо мной. Иозифек всё время пытался опутать меня шёлковыми нитями, но я бесцеремонно рвал их:

– Какой из меня инициатор, создатель, глашатай, комбинатор? Ещё провозгласить номер рейса отходящего поезда или спровоцировать моралиста – на это я способен. Мне бы чего-нибудь попроще, пан шеф...

– И чтобы при этом не нужно было бы много думать, не так ли? Но я хочу, чтобы вы мыслили во время работы! Не бойтесь этого! Кстати, разве уже не стерлась грань между трудом физическим и умственным? Воспряньте духом! Не хотите же вы, чтобы я послал вас в замок Хараштепин!

– А что там надо делать? – спросил я на всякий случай.

– Людей пугать – если вам действительно не хочется заняться чем-нибудь более полезным. Кстати, должен же кто-то этим заниматься. Туристы хотят слышать стоны и скрип зубов из пыточных камер и видеть хромого епископа с кровавым посохом.

– Нет, только не это! Уехать из столицы в такую дыру – это не для меня! Я прошу вас подыскать что-нибудь здесь, в Праге!

Мистер Иозифек снова перетасовал картотеку, задержавшись на букве М.

– А как насчет муравьев?

– Что такое?

– Ну, сторожить муравьев, чтобы они не разбежались...

– С этим я наверняка не справлюсь.

– Они живут в стеклянной – колбе под наблюдением знаменитого мирмеколога Маркупа. Вы будете их кормить, купать, наблюдать за ними, описывать их поведение. Маркуп ежедневно выпускает одного муравья. Вам нужно будет следить, куда он направится... Таким образом, вы примете участие в научном эксперименте, и Маркуп согласен опубликовать ваше имя среди тех, кто помогал ему в исследованиях...

– А что, если этот муравей засветло не вернется домой? Если он заблудится? Я что, должен ночью с фонариком гоняться за ним?

– Не знаю. Всё это вам скажет профессор. И – хватит!

Я видел по его глазам, что капля переполнила чашу его терпения. Я быстро сказал, что согласен, и удалился.

Так я стал муравьиным сторожем у господина профессора. И почему именно я сподобился получить

такую работу – самую идиотскую из всех, какие когда-либо существовали! И такую ответственную! С утра до вечера я сидел во дворе и глядел во все глаза, так что из них текли слезы. И все-таки двух муравьев я недосчитался. Один обварился, когда я мыл стеклянную колбу с муравьями, стараясь при этом внимательно следить за тем, что они делают и как копошатся. А второй куда-то забежал и, бесцельно побродяжничаив три дня, потерялся в траве. Я поймал другого, но это была роковая ошибка! Старик это сразу понял – он ведь всех их знает наперечет, – и его чуть было не хватил удар! А на моей совести оказалось черное пятно.

Разочарованный, я покинул профессора. И теперь снова брожу в поисках работы и боюсь, что это у меня на лбу написано. Мне кажется, что я скособочился и под рубашкой меня всё время щекочет бегающий муравей. Но к мистеру Иозифеку я больше не пойду. Лучше уж вернусь к этим проклятым муравьям!

oo ® oo

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Ян Вайсс (WEISS)	1
ДОМ В ТЫСЯЧУ ЭТАЖЕЙ.	1
Dm o tisici patrech. (1929; рус.1971).	1
СОДЕРЖАНИЕ:	1
ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ ЖДУТ.....	2
ДОМ В ТЫСЯЧУ ЭТАЖЕЙ.	6
I.	6
Сначала – сон. Человек на лестнице. Багровый ковер. Кто я?	6
II.	8
Ужасное открытие. Руки. Лицо? – Что было написано в блокноте. Возможность стать сыщиком. – Принцесса Тамара.....	8
III.	10
Тайна первого зеркала. Дом в тысячу этажей. – Человек, потерявший память. Наконец-то: дверца в мраморной стене. Новые сведения о Муллере.....	10
IV.	13
Кто такой Муллер? – Металл легче воздуха. – Человек номер 794. – Чем питаются люди в Муллер-доме.	13
V.	16
Вест-Вестер, город авантюристов. – Гедония, город блаженства. – Индустрия наслаждений в Гедонии.....	16
VI.	18
Молодой старик. – О чем рассказало Брокку зеркало в конце коридора. – Распыленный.....	18

VII.	20
И снова снится желтый огонек. – Окна и люди. – Трактир «На краю света». Продавец снов.....	20
VIII.	24
Коммерция на Тигровой улице. Гостиница «Эль-дорадо». – Избранное общество в сборе. – Революция в Муллер-доме.....	24
IX.	27
Гарпона. – Мастер Перкер – яды. – Сыворотка КАВАЙ. – Газ СИО. – Линзы на висках слепого.	27
X.	29
Астроном Галио, властелин звезд. – Первый космический корабль. Звездный голод Муллера. – Как Галио стал гигантским нулем. – Сударь Чулков, король 50 000 звезд.	29
XI.	31
Любопытство Петра Брока, и к чему оно привело. – Нос отравителем. – Схватка в трактире. – Больше всех бесновался безрукий Гарпона.....	31
XII.	33
Предательские стекляшки на висках слепого. – Петр Брок в западне. – Побег. – Лифт – и опять сон.....	33
XIII.	35
Глава о звездах. – Звездная торговля и промышленность. – Реклама. – Раковина-талисман.....	35
XIV.	37
Ужас темноты. – Экспортно-импортный концерн «Вселенная» – переправа на звезды. – Петр Брок не может вспомнить. – Голландская колония на Луне.....	37
XV.	39

Переселенцы. – Обедневший миллионер. – Сладострастный донжуан. – Миссионер Альва. – Аббат Лир. – Франциск Фарани.	39
XVI.	42
Дама в черном. – Предательское ожерелье. – «Зря вы прячете лицо...» – Брок наблюдает с близкого расстояния. – «Стану принцессой гномов...»	42
XVII.	44
Зал ожидания на пороге вселенной. – Бесполезные споры, «...всюду земля господня...» – Бархатный зал. – Брок пытается спасти принцессу.	44
XVIII.	48
Сон. – Старик с доброй улыбкой. – Судьба переселенцев. – Паршивый материал. – «А как же дворник?»	48
XIX.	50
«А теперь – девочек...» – Принцесса, потерявшаяся и найденная вновь. – Галантность Муллера. – «...пожалуйста улыбку...»	50
XX.	52
Первое упоминание об Ачоргене. – Пурпурный шатер-лифт. – Старый сводник утешает принцессу. – Мадам Верони.	52
XXI.	55
Улица Эльвиры Карп. – Вилла «Тамара». – Петр Брок решает идти за адмиралом. – «Я покидаю вас на время...» Улица Берты Бретар. – Проспект Анны Димер.	55
XXII.	57
Золотой муравейник. – Жирный идол под балдахином. – Хрустальные уста динамика. Техника биржи. – Петр Брок узнает кое-что о себе. – «...скажите ещё – социалист...»	57
XXIII.	64

«Покупаю!» – Два голоса вступили в единоборство! – Петр Брок представляется Муллеру. – Свидание на улице Алисы Мур.	64
XXIV.	66
Святилище Огисфера Муллера. – Вино «Вознесение на небо». – Петр Брок снова искушает бога Муллера. – Три выстрела в ковер.	66
XXV.	72
Лицо принца Ачоргет. – Глаз Муллера в спальне принцессы. – Лифт в Гедонию. – Снова желтый огонек.	72
XXVI.	75
Монте-Карло в Гедонии. – Балерина на пуантах. – «Не верю я в ваши звезды...» – Император Марлок, бог Великого Солнца. – Принцесса выигрывает. – «Это на дорогу!»	75
XXVII.	79
Опочивальня блаженных снов. – Культ наслаждений. – Небожители под прозрачным потолком – беспокоятся. – Откушенный палец	79
XXVIII.	84
Белая тьма. – Запахи и воспоминания. – Снова огонек лампочки. – «Это мое прошлое!»	84
XXIX.	86
О звезде Аюргенетеррамолистерген. – Принцесса Тамара готова полюбить принца Ачоргена. – «...наше ложе ждет...» – Петр Брок снова пользуется своей невидимостью.	86
XXX.	88
Принцесса Тамара думает, что она одна. – Осторожнее, Петр Брок! – Руки можно схватить руками.	88
XXXI.	90

Петр Брок лжет. – «...У меня ещё нет лица...» – Муллер напоминает Брокку о встрече, – «...жду тебя...»	90
XXXII.....	92
Двери белые и черные. – Зал пустых зеркал. – Непостижимая бесконечность. – Электрические звонки. – Безмерное блаженство.	92
XXXIII.....	95
Миллион великанов... – Бешеная гонка по кругу. – Пойманное ничто. – Окошко на вершине купола. – «Он жив?» – Что нужно запомнить.....	95
XXXIV.	97
«Пойманного дьявола боитесь!» – Каким видел Петра Брока в свои линзы слепой Орсак. – «Что за бесстыдство...» – «Он красив?...»	97
XXXV.	99
Опять всё начинается с лампочки. – Петр Брок держит слово. – Ночь, планы, побег. – Распадается королевство – Не будет счастья в мире, пока стоит Муллер-дом.....	99
XXXVI.	102
Переулок Воздухоплателей. – Морская Чайка – лорд Гумперлинк. – Солнце над Муллер-домом. – Брок прощается с принцессой. – Сиденье рядом с нею остается пустым.....	102
XXXVII.	105
Сирены тревоги. – Приказ об аресте Петра Брока. – Резиденция Муллера. – Брок приближается к Муллеру. – Сначала нужно искупаться.....	105
XXXVIII.	108
Оригинал бога Муллера. – Баррикады на 490-м этаже. – «...придется уступить ещё шестьдесят этажей...» – Витек из	

Витковиц жив! – Старик Шварц и его газ. – Ночью, когда враг уснет.....	108
XXXIX.....	112
Снова Ачорген. – Белая пушинка на плече Муллера. – Орсак бросается на помощь. – Схватка на полу. – «Держите его!! »	112
XL.	114
Петр Брок решает спасти Витековых рабочих от старости. – «Напиток победы». – Бой на лестнице. – Старик Шварц на спине чудища.	114
XLI.	116
Пророк э-794. – «...и тогда я уничтожу Молоха живого!» – Главный штаб. – Брок встречается с Витеком из Витковиц. – «Отложи наступление до завтрашнего дня...».....	116
XLII.	120
Газ из мехов будет уходить потихоньку. – Красный треугольник. – Тоска старика Шварца. – Прежде чем постареть... – Кнопка 100.	120
XLIII.	121
100-й этаж. – «Тебя обманули. Морская Чайка!» – Прежде всего отыскать Муллера. – Телохранители Огисфера Муллера. – Его библиотека.....	121
XLIV.....	124
Как мучить цветы. – Огисфер Муллер забавляется в детской. – Сокровищница. Маски из человеческой кожи. – Орангутанг!	124
XLV.....	127
Машина всеведения. – Да, это Он! Вот его голова – рукой подать. – Голос биржи.....	127
XLVI.....	131

«Герр Эрлеба!» – Речь держит горбун. – «...побыл ослом – и будет!» – «Арестовать Чулкова!» – Будто линия целая собачья свора. – «Смерть паразитам!».....	131
XLVII.....	134
Генерал Окс. – «...ловушка за ловушку!» – Муллер предлагает Броку стать живым богом в Муллер– доме. – «Вот мой ответ!» – Брок погребен.....	134
XLVIII.	137
Багровый треугольник остался на потолке. – «Ну, будь здоров!» – Сон про тысячу этажей.	137
НИКТО ВАС НЕ ЗВАЛ.....	139
ТАЙНУ НАДО БЕРЕЧЬ	144
НАМ БЫЛО ЕГО ЖАЛЬ.....	149
РЕДКАЯ ПРОФЕССИЯ.....	154
ОГЛАВЛЕНИЕ:.....	159

ooo